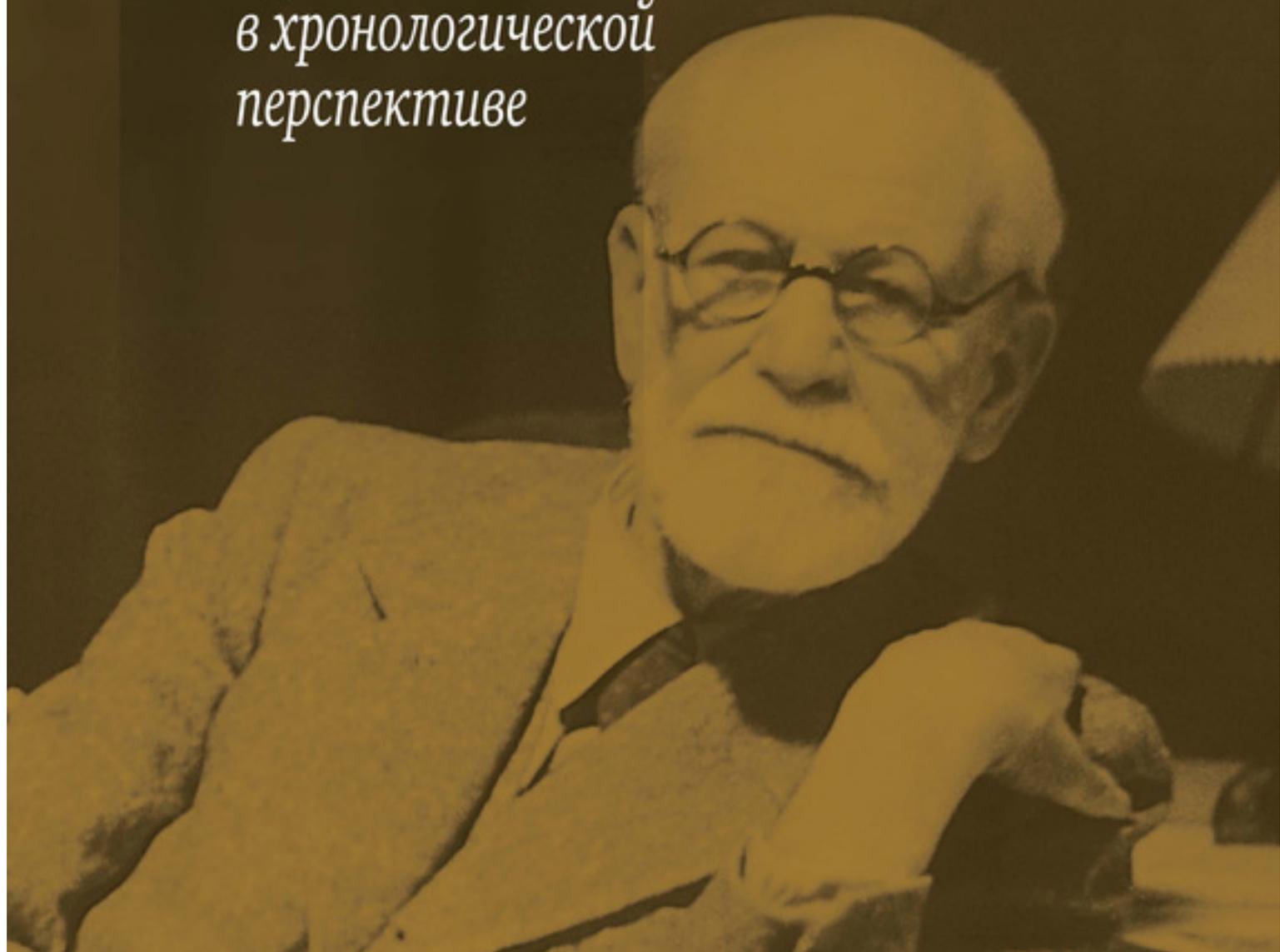

**Библиотека
психоанализа**

**Жан-Мишель
Кинодо**

Читая Фрейда

*Изучение трудов
Фрейда
в хронологической
перспективе*

Библиотека психоанализа

Жан-Мишель Кинодо

**Читая Фрейда. Изучение
трудов Фрейда в
хронологической перспективе**

«Когито-Центр»

2004

Кинодо Ж.

Читая Фрейда. Изучение трудов Фрейда в хронологической перспективе / Ж. Кинодо — «Когито-Центр», 2004 — (Библиотека психоанализа)

ISBN 2-13-053423-6

В основу данной книги положен опыт проведения семинара по изучению трудов Зигмунда Фрейда, организованного Жан-Мишелем Кинодо в 1998 году в рамках подготовки специалистов в Психоаналитическом центре им. Раймона де Соссюра (Женева). Каждая глава книги посвящена отдельному произведению Фрейда, причем хронологический принцип изложения позволяет читателю представить ход мысли основателя психоанализа, а системность подачи материала формирует целостное впечатление об изучаемой работе. Помимо обсуждения самого изучаемого произведения, дается краткая информация о социально-исторических условиях его написания, излагаются соответствующие по времени факты жизни самого Фрейда, значимых для психоанализа фигур и наиболее известных пациентов, выделяются основные понятия, введенные Фрейдом в данной работе, а также прослеживается судьба этих понятий в хронологической перспективе и в трудах постфрейдистов. Отдельное место в книге уделено изложению принципов активного изучения творчества Фрейда.

ISBN 2-13-053423-6

© Кинодо Ж., 2004
© Когито-Центр, 2004

Содержание

Предисловие к русскому изданию	6
Объяснительная записка	7
Читая Фрейда	8
Результат индивидуальной и коллективной работы	8
Разные способы чтения Фрейда	9
Семинар по хронологическому изучению творчества Фрейда	10
Читая Фрейда: инструкция	13
Благодарности	17
I. Открытие психоанализа (1895–1910)	18
Исследование истерии, З. Фрейд, Й. Брейер (1895d)	18
Главное открытие: истерические симптомы имеют смысл	18
Письма к Вильгельму Флиссу (1887–1904)	31
Свидетельство о первых исследованиях и самоанализе	31
«Проект научной психологии» (1950с [1895])	36
Попытка создания психоанализа на основе поддающихся измерению научных данных	36
«Защитные психоневрозы» (1894a), «Об основании для выделения в неврастении определенного симптомокомплекса в качестве самостоятельного „невроза тревоги“» (1895b), «Еще несколько замечаний о защитных психоневрозах» (1896b), «Сексуальность в этиологии неврозов» (1898a), «О покрывающих воспоминаниях» (1899a)	42
Новый взгляд на психопатологию	42
Толкование сновидений (1900a), О сновидении (1901a)	47
«Толкование сновидений – царский путь к познанию бессознательного психической жизни» Freud (1900a, p. 517 [663])	47
Психопатология обыденной жизни (1901b)	57
Ошибочные действия: проявления бессознательного в повседневной жизни нормального человека	57
Остроумие и его отношение к бессознательному (1905с)	63
Что именно в остроте вызывает смех?	63
Три очерка по теории сексуальности (1905d)	71
Открытие детской сексуальности: революция и скандал	71
«Фрагмент анализа случая истерии» (случай Доры) (1905e)	81
Открытие переноса	81
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Жан-Мишель Кинодо
Читая Фрейда. Изучение трудов
Фрейда в хронологической перспективе

Jean-Michel Quinodoz

LIRE FREUD

Découverte chronologique de l'œuvre de Freud

Перевод с французского

О. Я. Журавлева

Научный редактор

Н. И. Кизгай

Presses Universitaires de France

© Presses Universitaires de France, 2004

ISBN 2 13 053423 6 (фр.)

Предисловие к русскому изданию

Я очень рад, что моя книга «Читая Фрейда: изучение трудов Фрейда в хронологической перспективе» должна появиться на русском языке: растущий интерес к психоанализу в России известен мне не понаслышке. Работа в издании «The International Journal of Psychoanalysis» позволила мне завязать в последние годы немало знакомств с русскими коллегами, многие из которых стали моими друзьями. Я также участвовал в организации трех конференций «Аналитик за работой», проводившихся в Москве в 2004, 2007 и 2010 гг. под эгидой Московского психоаналитического общества и под патронажем «The International Journal of Psychoanalysis». При проведении этих конференций был заметен энтузиазм участников, их искреннее увлечение психоанализом, выведившее наше общение на тот качественный уровень, который сам по себе ясно свидетельствовал о постоянном углублении их психоаналитического опыта.

Помимо этого, в качестве главного редактора журнала «New Annuals of The International Journal of Psychoanalysis» я принимал участие в создании русского «Ежегодника», первый том которого вышел в мае 2010 г. (Москва, «Новое литературное обозрение»). Этот «Ежегодник» обязан своим появлением настойчивости Игоря Кадырова (ответственного редактора), Натальи Кигаи (секретаря) и членов редколлегии, любезно согласившихся осуществить перевод. Уточню: «Ежегодники» представляют собой подборки статей, опубликованных ранее в «The International Journal of Psychoanalysis» – издании, пользующемся большим авторитетом в среде психоаналитиков: с их помощью те наши коллеги, для которых английский не является родным языком, получают прямой доступ к важнейшим статьям и благодаря этому могут ближе познакомиться с различными подходами к психоанализу, существующими в настоящее время. «Ежегодники» позволяют ускорить обмен идеями между различными психоаналитическими сообществами. Помимо русского издания, есть ежегодники на французском, итальянском, немецком и турецком языках, а в Латинской Америке – на испанском и португальском.

Но вернемся к книге. «Читая Фрейда» – это результат моего более чем двадцатилетнего опыта руководства семинаром по изучению трудов Фрейда в хронологической перспективе, проводившимся в рамках общего курса обучения будущих психоаналитиков в Женеве. Этот опыт показал мне, как важно уметь излагать идеи Фрейда как можно более понятным языком в том порядке, в каком они появляются в его текстах – то же относится и к текстам других авторов, написанным позднее, которые дополняют их, составляя вместе с ними основу современного психоанализа. В каждой главе читатель найдет фрагменты текста, поясняющие различные аспекты трудов Фрейда в свете его биографии, эволюции основных понятий психоанализа и дополнений послефрейдовской эпохи. Книга «Читая Фрейда» не призвана заменить собой самостоятельное изучение комментируемых источников: напротив, ее следует рассматривать как приглашение к такому изучению.

Успех книги объясняется, очевидно, сочетанием многоуровневого подхода к анализу наследия Фрейда в целом и хронологического принципа в изложении его идей с систематическим разбором отдельных трудов в клиническом и дидактическом аспекте. Таким образом, она предназначена для всех, кто хотел бы узнать больше о Фрейде и о психоанализе. В настоящее время книга переведена уже более чем на десять языков; особенно популярна она среди руководителей семинаров, которые часто включают ее в список рекомендованной литературы.

В заключение я хотел бы сердечно поблагодарить переводчицу О.Я. Журавлеву, а также редактировавшую перевод Наталью Кигай и издателя книги В. Белопольского (издательство «Когито-Центр», Москва).

Жан-Мишель Кинодо

Объяснительная записка

Заголовки

Книги: курсивом, например:

Психопатология обывденной жизни или ПСИХОПАТОЛОГИЯ ОБЫДЕННОЙ ЖИЗНИ

Статьи: прямым шрифтом, в кавычках, например: «Введение в нарциссизм» или «ВВЕДЕНИЕ В НАРЦИССИЗМ»

Библиографические сведения

Указывается дата первого издания изучаемого произведения согласно хронологии, опубликованной в Freud-Bibliographiemit Werkkonkordanz (I. Meyer-Palmedo et G. Fichtner, S. Fischer Verlag, 1989) и в Standard Edition, например: *Психопатология обывденной жизни* (1901в).

В случае, когда дата публикации не соответствует дате создания, я указывал дату публикации, а затем в квадратных скобках дату создания, например: *Краткий курс психоанализа* (1940а [1939]).

Цитаты: Ссылки на произведения Фрейда

Ссылки, как правило, содержат две цифры: (р. 235 [132]), где первая цифра – р. 235 – отсылает к странице одного из современных переводов текстов Фрейда, а вторая цифра – [132] – к вышедшим на сегодняшний день томам *Œuvres complètes de Freud, Psychanalyse* [OCF. P.].

Материал, заключенный в рамки

Биографии и история

Сведения о личной жизни Фрейда, имеющие отношение к созданию изучаемого произведения, а также биографии некоторых его учеников, помещенные в контекст эпохи.

Постфрейдисты

Основные работы постфрейдистов, опирающиеся на изучаемое произведение.

Хронология понятий

Перечень основных понятий, введенных Фрейдом, показывающий очередность их появления в его произведениях и воссоздающий историю идей.

Эволюция понятий

Изучение эволюции некоторых основных понятий, которые Фрейд развивал и углублял в течение десятилетий, например эдипова комплекса или переноса.

Читая Фрейда

Результат индивидуальной и коллективной работы

«Читая Фрейда» – результат долгого труда, индивидуального и коллективного, который занял гораздо больше времени, чем те два года кропотливой работы, что потребовались мне для написания этой книги. Произведение основано, прежде всего, на опыте моей личной встречи с психоанализом и на моем многолетнем опыте частнопрактикующего психоаналитика, лечащего пациентов классическим образом, на кушетке, и, как правило, с частотой четыре сеанса в неделю. В то же время «Читая Фрейда» представляет собой итог работы семинара по хронологическому изучению трудов Фрейда, который начался в 1988 г. в рамках подготовки будущих психоаналитиков в Психоаналитическом центре им. Раймона де Соссюра в Женеве и который я продолжаю вести и в настоящий момент. Поскольку этот семинар определил и содержание, и форму моего труда, мне показалось важным рассказать об этом групповом опыте перед тем, как представить само произведение.

Разные способы чтения Фрейда

Есть несколько способов читать Фрейда: каждый из них имеет свои недостатки и достоинства, но все они дополняют друг друга. Можно читать Фрейда избирательно, выбирая отдельную книгу или статью, или, определив тему, прочитать те произведения, которые к ней относятся. Избирательное чтение имеет то преимущество, что позволяет изучить произведение детально, задержаться на нем, тем более что тексты Фрейда особенно располагают к «талмудическому» чтению, т. е. к анализу смысла каждой фразы и даже каждого слова, сопоставлению их с другими текстами. Однако при таком типе чтения потребуется много лет, чтобы прочитать все 24 тома психоаналитических трудов Фрейда, не считая его допсихоаналитических трудов и переписки, которая также занимает множество томов.

Можно также читать Фрейда в хронологическом порядке, т. е. последовательно изучать его основные психоаналитические работы, начиная с *Исследования истерии*, опубликованного в 1895 г., и заканчивая *Очерком о психоанализе*, написанным в 1939 г., за год до его смерти. Чтение произведений Фрейда в порядке их появления на свет, не задерживаясь на каждом в особенности, позволяет читателю понять развитие его мысли в течение десятилетий. Для того чтобы хронологическое чтение было действительно продуктивным, мне кажется важным с самого начала ограничить его по времени, даже если такой подход не позволит подвергнуть каждое произведение детальному анализу, какого оно заслуживает. Речь идет о том, чтобы читатель не потерял целостную картину, поскольку такой общий обзор творчества Фрейда дает нам возможность заметить, что часто разные течения психоанализа отдают предпочтение одним его аспектам перед другими. Отметим также, что эта фокусировка имеет тенденцию усиливаться по мере того, как она передается из поколения в поколение, рискуя все более оттеснить в тень другие аспекты творчества Фрейда, ничуть не менее ценные.

Как бы мы ни читали Фрейда – избирательно или в хронологическом порядке, эти два типа чтения не противостоят, а дополняют друг друга, поскольку каждый из них по-своему показывает, как Фрейд постоянно пересматривает свою точку зрения, использует свои сомнения и делает выводы из клинического опыта, чтобы непрерывно углублять свои открытия. Конечно, можно в одиночку броситься в подобное предприятие, но это потребует много времени и упорства, пока читатель, совершив полный обзор, не получит общую картину эволюции мысли Фрейда, поэтому, как мне кажется, такой опыт оказывает особенно стимулирующее действие при групповом чтении.

Семинар по хронологическому изучению творчества Фрейда

Одновременно хронологический и системный подход

Это приключение началось в 1988 г., когда в группе кандидатов нашего общества зародилась идея подобного семинара и шли поиски обучающихся психоаналитиков, согласных вести семинар по хронологическому изучению творчества Фрейда. Меня привлекла эта идея. Я подумал, что если стану ведущим такого семинара, то сам многому научусь, поскольку до этого читал Фрейда хотя и прилежно, но избирательно и бессистемно. Однако обычная форма проведения подобных семинаров, при которой каждый участник в свободной форме излагает свои соображения, основанные на индивидуальном чтении, мне не подходила. Тогда мне пришло в голову предложить, чтобы каждый участник внес свой вклад в освещение изучаемого произведения под различными углами зрения – в свете биографии, истории идей, постфрейдистских разработок и т. д. Я считал, что такой метод работы, благодаря двойному подходу (хронологическому, нелинейному, и системному изучению), позволит сделать изучение творчества Фрейда более полным. Такой проект мне понравился, и я счел, что стоит воплотить его в жизнь при условии, что все заинтересованные участники согласятся принять предложенный мной метод работы.

Важность организации семинара

Постепенно я осознал важность определенных рамок, в которых проходит семинар по хронологическому чтению, поняв, что от них в большой степени зависит его успех. Например, я считаю важным на первом же заседании информировать участников семинара о программе предстоящих трех лет работы, чтобы они имели возможность составить представление о ее будущем объеме и трудоемкости. Я разделил основные произведения Фрейда на три периода, с тем чтобы читать их в течение трех лет, и такого же плана работы я придерживался в этой книге. Семинар проходит раз в две недели, что составляет примерно пятнадцать семинаров в год, каждое заседание длится полтора часа. Количество участников, как правило, от 16 до 18 человек, семинар проходит в закрытой группе: начав работу, мы не принимаем новичков. На предварительном заседании участники знакомятся с программой, что позволяет им принять поставленную перед ними задачу, оценить возможность приложить необходимые усилия к достижению цели и получить от этого удовольствие.

Активное участие каждого

Не менее важно, чтобы каждый участник чувствовал, что это не лекционный курс, семинар создается лично им, а моя работа ограничивается ролью проводника в этом трехлетнем путешествии. Такое участие предполагает одновременно индивидуальную работу и коллективное обсуждение. По ходу дела я заметил, что чем более активное участие в построении семинара требуется от каждого, тем больше участники заинтересованы и тем больше пользы из него извлекают. Об этом свидетельствует небольшое количество пропусков и то, что в случае вынужденного отсутствия участники всегда предупреждают меня и сами находят себе замену, так что их часть работы оказывается сделанной.

Индивидуальная работа включает следующую деятельность:

– *Чтение выбранного произведения.* Предполагается, что каждый перед заседанием прочитал произведение, указанное в программе, и предлагает собственные вопросы в ходе дискуссии.

– *Свободный выбор перевода.* Каждый волен выбрать текст на том языке, на каком желает, и в переводе, который предпочитает. Некоторые читают текст в оригинале, на немецком языке, большая часть участников использует один из существующих французских переводов, остальные – английский, итальянский или испанский тексты. Разнообразие переводов позволяет выявить всю сложность проблем, стоящих перед переводчиками Фрейда.

– *Написание текста рубрики.* Все участники по очереди составляют короткий текст, не больше страницы (около 300 слов), относящийся к одной из следующих рубрик:

1) *Биографии и история* — краткий очерк жизни Фрейда в период создания изучаемого текста, воссоздающий исторический контекст, в котором появилась данная работа.

2) *Хронология понятий* — выделение в изучаемом произведении понятий, введенных Фрейдом, по мере их появления для воссоздания истории идей.

3) *Постфрейдисты* — подборка основных постфрейдистских работ, опирающихся на изучаемое произведение, в их исторической и интернациональной перспективе.

4) *Протоколы семинара* — резюме обсуждения, которое раздают всем участникам семинара на следующем заседании.

Сообщение о результатах индивидуальной работы происходит во время заседания семинара. Последнее, как правило, начинается с кратких сообщений и раздачи текстов разных рубрик. Первым делом один из участников вслух зачитывает рубрику, посвященную биографии Фрейда, за этим следует короткое обсуждение. Затем, после того как другой участник прочтет рубрику, посвященную понятиям Фрейда, открывается общая дискуссия. Она длится около сорока пяти минут и обычно бывает очень оживленной. Если возникают трудности с началом дискуссии, я прошу каждого из участников по кругу задать вопрос, появившийся у него в процессе чтения текста, чтобы дать импульс общему обсуждению. В последней части семинара третий участник зачитывает рубрику, посвященную вкладу постфрейдистов, за этим следует обмен мнениями и возобновление общей дискуссии. В другой работе я описал в деталях течение одного заседания семинара, посвященного тексту Фрейда «Ребенка бьют» (Кинодо, 1997). Парадоксальным образом короткое время, выделенное на каждое заседание, становится стимулирующим фактором, поскольку каждый вынужден продумать заранее и представить в сжатом виде соображения, которыми хочет поделиться с группой.

Высокие требования: динамический фактор

Я понимаю, что много требую от участников семинара, вынуждая их не только прочесть большинство произведений Фрейда, но и высказать публично свои размышления на эту тему, а также провести необходимые исследования, чтобы написать одну из рубрик. Подготовка к заседаниям требует больших затрат времени, по необходимости отнимаемого у профессиональной, обычно и без того очень насыщенной, а также частной, семейной жизни. Это усилие возможно, только если встречи позволяют испытать и разделить общее удовольствие. Чтобы лучше познаться в неформальной обстановке, мы предлагаем в конце каждого года собраться на вечеринке-фуршете, куда можно прийти с супругом или партнером.

Требование активного участия каждого стало решающим фактором динамики, складывающейся в процессе работы. Подобное «сверхучастие» в построении семинара создает дружеский порыв на то ограниченное время, что мы проводим вместе, зная, что расстанемся по истечении трех лет. В конечном счете семинар приносит нечто большее, чем умножение зна-

ния, поскольку общая работа позволяет каждому участнику научиться слушать себя, слушать то, что пытается выразить другой, а также развиваться в контакте с другими. Это путь, позволяющий не только изучить творчество Фрейда, но и научиться ценить разнообразие точек зрения.

Я получил подтверждение той стимулирующей роли, которую играют для плодотворной работы группы относительно высокие требования, после того как временно отказался от них на втором трехгодичном цикле обучения, когда первый трехгодичный цикл был успешно завершен и набрались новые слушатели. На первом заседании второго цикла семинара один из участников яростно раскритиковал предложенный мной способ работы и отказался участвовать в этом, как он выразился, «марафоне». В то время я еще не был убежден в обоснованности своих требований и поставил вопрос на голосование. Сопrotивление одного получило поддержку других, и я нехотя принял отказ участников от индивидуальной работы по написанию текстов по рубрикам; единственный письменный текст, который мне удалось получить от них, – «Протоколы семинара». Тем не менее я продолжал вести семинар. В течение последующих трех лет больше всего страдала общая дискуссия, так как часто требовалось слишком много времени, чтобы ее инициировать. Даже если каждый участник внимательно изучал тексты Фрейда, я чувствовал, что членам группы не хватает навыка структурирования мыслей, который постепенно вырабатывается именно благодаря тем индивидуальным усилиям, что требуются для написания текста по рубрикам и его публичного представления. Сегодня, по прошествии времени, я бы ни за что не уступил, как это сделал тогда из-за недостатка опыта.

Читая Фрейда: инструкция

Безумное предприятие?

Долгое время идея написать книгу, обобщающую все творчество Фрейда, не приходила мне в голову, настолько непомерным казался мне этот труд. К тому же я не представлял себе, каким образом подход, составлявший суть моего семинара, – параллельный хронологический и системный подход к текстам Фрейда – мог быть воплощен в письменном виде. Но однажды у меня появилась мысль использовать одновременно различные шрифты, графику, разбивку по страницам и цвет, чтобы визуальным образом организовать эту комбинацию системного подхода и хронологического взгляда на творчество Фрейда.

Схема построения каждой главы

Я построил книгу «Читая Фрейда» согласно плану программы трехгодичного семинара, так что каждая глава соотносится с заседанием, посвященным изучению того или иного произведения.

Название главы

Каждая глава, как правило, носит название одного из произведений Фрейда. Чтобы показать, идет ли речь о книге или о статье, я указываю названия статей в кавычках. После имени Фрейда указывается дата первой публикации изучаемого произведения согласно хронологии, опубликованной в *Freud-Bibliographie mit Werkkonkordanz* (I. Meyer-Palmedo et G. Fichtner, S. Fischer Verlag, 1989) и в *Standard Edition*. Когда дата публикации не соответствует дате написания, я следую правилу указывать сначала первую и помещать дату написания в квадратные скобки, например: *Очерк о психоанализе* (1940a [1939]). Обращаю внимание читателя на то, что французские переводчики *Œuvres complètes de Freud, Psychanalyse* придерживались обратного порядка, что не соответствует принятому хронологическому порядку.

Введение

Каждая глава имеет содержательный подзаголовок и введение, которое кратко представляет изучаемое произведение. Моей целью было дать представление о содержании главы и кратко определить положение изучаемого произведения среди других трудов Фрейда.

Биографии и история

Этот раздел рассказывает о событиях частной жизни Фрейда, имеющих отношение к изучаемому произведению, а также об историческом контексте. Я упоминаю основные обстоятельства, повлиявшие на написание произведения. В эту же рубрику включены краткие биографии самых важных современников Фрейда, ставших его последователями, и биографии его примечательных пациентов.

Изучение произведения

Ссылки. Для каждого изучаемого произведения я чаще всего давал ссылки на два текста из числа переводов, доступных на французском языке. Первый текст, на который я ссылаюсь, – тот, по которому я привожу цитаты из работ Фрейда, набранные курсивом: речь идет о переводах, вышедших в «Библиотеке психоанализа» (Presses Universitaires de France), в серии «Зна-

ние о бессознательном» и Folio, Essais (Gallimard), а также в Petite Bibliothèque Payot. В том случае, когда изучаемый текст содержится в одном из уже вышедших томов *Œuvres complètes, Psychanalyse*, я ссылаюсь на него тоже, помещая вторую ссылку в квадратные скобки.

Таким образом, в сноске указаны обычно две цифры – (235 [132]): первая – р. 235 – отсылает к соответствующей странице одного из текущих переводов Фрейда, вторая – [132] – к *Œuvres complètes de Freud, Psychanalyse*.

Читатель найдет в библиографии ссылки на тома *Sigmund Freud, Gesammelte Werke* (Frankfurt am Mein: Fischer Verlag) и *The Standard Edition of The Complete Psychological Works of Sigmund Freud* (London, The Hogarth Press and Institute of Psychoanalysis).

Какими изданиями следует пользоваться?

Существует множество переводов каждого произведения, доступных на французском языке в разных изданиях разных лет. Более того, в данный момент в Presses Universitaires de France издается *Полное собрание сочинений* Фрейда, из которого на настоящий момент вышло чуть более половины томов. Оказавшись перед трудным выбором, какими изданиями пользоваться, я доверился своему опыту ведущего семинара, обратив внимание на то, что участники предпочитают использовать карманные издания и издания в мягких обложках отчасти из соображений экономии, отчасти потому, что они переведены более доступным языком.

Как выделить основную нить произведения

Как представить произведение, избежав и упрощения при кратком его пересказе, и излишнего энциклопедизма, т. е. не утомляя читателя обилием цитат? Столкнувшись с этой проблемой, я решил представить каждое произведение таким образом, чтобы разбудить любопытство читателя, вызвать в нем желание самостоятельно прочесть полный текст в оригинале или в переводе. Кроме того, я старался передать основное содержание простым и по возможности обыденным языком. Читая Фрейда в оригинале, я наслаждаюсь простотой немецкого языка, которым он пользуется; поскольку Фрейд предпочитал обыденные выражения, я старался писать в том же духе.

Изучая тексты Фрейда, мы видим в них непрерывное развитие мысли: Фрейд оставляет предыдущую идею ради новой, затем снова возвращается к первой, даже вступая в противоречие с самим собой. Чтение оригинального текста открывает нам, до какой степени произведение Фрейда стимулирует наши собственные размышления и вызывает новые, представляя собой по-настоящему «открытое», в понимании У. Эко, произведение, как показал А. Ферро (Ferro, 2000). Фрейд пишет в стиле исследователя, который открывает незнакомый пейзаж, записывает свои путевые впечатления, делает эскиз в записной книжке, а иногда задерживается надолго, чтобы установить мольберт и создать шедевр.

Важность клинического подхода

Когда я писал эту книгу, то отдавал предпочтение клиническому подходу как в моем собственном прочтении Фрейда, так и представляя другие точки зрения. Я считаю важным подчеркнуть, что психоанализ – это не только теория и метод познания человеческой психики, но, прежде всего, – клинический и технический подход, позволяющий многим пациентам разобраться со своими бессознательными конфликтами, которые не удастся разрешить никакими иными средствами даже в наши дни.

ЗИГМУНД ФРЕЙД (1856–1939) ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

1856: родился 6 мая 1856 г. во Фрайберге (ныне Пршибор, Чехия) 1860: приобщение семьи Фрейдов к Вене 1873: начинает изучать медицину 1876–1882: становится ассистентом в Институте психологии в Вене (у проф. Э. Брюкке)	Публикация об открытии тестиску у утря (1877)
1880: знакомство с доктором Йозефом Брейером 1881: становится доктором медицины; Й. Брейер лечит Анну О... 1882: помолвка с Мартой Берной 1883–1884: исследование свойств кокаина 1885: становится приват-доцентом; стажировка у Жан-Мартена Шарко в больнице Сальпетриер, Париж 1886: открывает частную практику в Вене; женитьба на Марте Берной 1887: рождение дочери Матильды; знакомство с Вильгельмом Флиссом, Берлин 1888: 1889: рождение сына Мартина; пребывание у Ипполита Мари Берхайма в Нанси	Публикации о кокаине (1884) Письма к Вильгельму Флиску (1887–1902) 1877–1883: Публикации о нервах клетчатка рыб 1888–1893: Различные статьи о гипнозе
1890–1891: переезд в Вену, на Берггассе, 19; рождение сына Оливера 1892: рождение сына Эрнста 1893: рождение дочери Софии 1894: 1895: рождение дочери Анны; основополагающее сочинение («Об истерии Ирма») 1896: смерть отца – Якоба Фрейда; разрыв с Брейером 1897: начало самоначала 1896–1902: разработанные в теории соблазна 1898: царь Эдил, Гамлет 1899:	«К вопросу о трактовке афазии» (1891a) «Детские церебральные паралитичи» (1891c) «Предварительное сообщение» (Фрейд и Брейер, 1893) «Занятия психоанализом» (1894a) Исследование истерии (1895d) – «Истерия трети» (1895b) «Проект научной психологии» (1905c) (1895f) «Беседа с несколькими замечаниями о защитных механизмах» (1896a) «Сексуальность в этиологии неврозов» (1898a) «О покрывающих воспоминаниях» (1899a)
1900: лечение Доры (Ида Еауэр) 1901: первое путешествие с братом Александром в Рим 1902: основание общества «Психоаналитические научные среды»; знакомство со В. Штекелем и А. Адлером 1903: получает звание экстраординарного профессора медицинского факультета в Вене 1904: начало международного признания 1905: знакомство с О. Ранком	Толкование сновидений (1900a) О сновидении (1901a) Психопатология обывательской жизни (1901a) Остроумие и его отношение к бессознательному (1905c) Три очерка по теории сексуальности (1905d) «Фрагмент анализа случая истерии» (случай Доры) (1905e) «О сны в «Градиусе» В. Игнесса» (1907a)
1906: 1907: знакомство с К. Г. Юнгом, К. Абрахамом, М. Эйтингеном	
1908: знакомство с Ш. Ференци, Е. Дюком, Г. Заксом, П. Федерном 1909: образовано Венское психоаналитическое общество; знакомство с пастором О. Ифстером	«Анализ фобии пятилетнего мальчика» (случай Маленького Ганса) (1909a) «Заметки о случае обсессивного невроза» (случай Человека с красками) (1909d)
1910: основание Международной психоаналитической ассоциации (ИПА) 1911: конфликт в Венском обществе; отсутствие А. Адлера	Воспоминание детства Леонардо да Винчи (1910c) «Психоаналитические заметки об анатомографически описанном случае паранойи» (случай президента Шребера) (1911c) «Занятия с психоаналитической техникой» (1904–1919) Тотем и табу (1912–1913a) «Введение в психоанализ» (1914c) «Метанепсихология» (1915–1917) Лекции по введению в психоанализ (1916–1917) «Из истории детского невроза» (случай Человека с волками) (1918b) Живое (1919b) «Ребенка бьют» (1919c) «О психогенезе одного случая женской гомосексуальности» (1920a)
1920: смерть матери Фрейда; Э. Дюком основывает Международный журнал психоанализа (The International Journal of Psychoanalysis) 1921: 1922: 1923: первая операция по поводу рака 1924: Ранк опубликовал книгу Трагедия рождения 1925: смерть Абрахама; смерть Брейера 1926: 70-летие Фрейда; отсутствие Ранка; приезд в Лондон М. Кляйн 1927: Конгресс в Инсбруке 1928: 1929: начало Великой депрессии	По ту сторону принципа удовольствия (1920g) Полноценный мекс и анализ Я (1921c) Я и Оно (1922a) «Экономическая проблема мазохизма» (1924c) Торможение, сублимация и тревога (1926d) К вопросу о переносе анализе (1926e) Будущее одной иллюзии (1927c)
1930: смерть матери Фрейда в возрасте 95 лет; Фрейд получает премию Гёте 1931: подъем антисемитизма в Австрии и Германии 1932: Конгресс в Висбадене 1933: смерть Ференци; приход в власти Гитлера 1934: 1935: 1936: 80-летие Фрейда; встреча с Р. Ролланом 1937: смерть Лу Андреа Саломе	Исходовательность культуры (1930a) Новый этап: лекции по введению в психоанализ (1933a) Отрицание реальности и расщепление Я (1924–1938) «Анализ конечный и бесконечный» (1937c) «Конструкция в анализе» (1937d)
1938: уезжает из Вены в Лондон с помощью Э. Дюкса и Марии Бонапарт 1939: смерть в Лондоне 23 сентября 1939 г. в возрасте 83 лет	Человек Моисей и монотеистическая религия (1939a) Очерк психоанализа (1940a) (1938f)

Хронология понятий

В конце каждой главы я перечисляю основные понятия, которые впервые были введены в изучаемом произведении и которым Фрейд придал статус подлинного психоаналитических понятий.

Но данный метод – представлять понятие в соответствии с конкретным периодом эволюции Фрейда – создает определенные проблемы. С одной стороны, подобная попытка точно установить время появления данного понятия у Фрейда часто выглядит надуманной. Действительно, перечитывая произведения Фрейда, мы замечаем, что он описывал явления, связанные с тем или иным психоаналитическим понятием, несколько раз в разные периоды, и лишь позднее этот феномен приобретал у него статус понятия. Например, термин «перенос» появляется уже в *Исследовании истерии* в 1895 г., но лишь десять лет спустя, в 1905 г., Фрейд даст ему определение в качестве психоаналитического понятия, описывая случай *Доры*.

Эволюция понятий

Некоторые основные понятия Фрейд развивал в течение многих десятилетий. Именно по этой причине я посвятил отдельный раздел самым важным из них, таким как «эдипов комплекс», «перенос» и некоторые другие.

Постфрейдисты

В этой рубрике я коснулся основных этапов развития, которое получили мысли Фрейда как у его непосредственных учеников, так и у основных наследовавших ему психоаналитиков вплоть до наших дней. Чтобы читатель не потерялся в большом количестве библиографических ссылок, я ограничил свой выбор самыми важными открытиями, лишь мельком упомянув некоторые другие заинтересовавшие меня факты. Постфрейдистское развитие психоанализа показывает, как психоаналитические понятия, намеченные Фрейдом, были затем подхвачены тем или иным течением мысли и обогащены новаторскими разработками. Верный этому духу, я отдал предпочтение интернациональному подходу, чтобы подчеркнуть разнообразие современных течений среди психоаналитиков, принадлежащих к основанной Фрейдом *Международной психоаналитической ассоциации*.

Благодарности

В первую очередь я хотел бы поблагодарить участников «Семинара хронологического чтения произведений Фрейда». Их активное участие в дискуссиях и личные материалы, собиравшиеся с 1988 г., составили часть базы для написания текстов по рубрикам «Биографии и история» и «Постфрейдисты». Я постарался перечислить их имена в приложении, чтобы выразить им мою благодарность. Кроме того, я благодарю Ханну Сигал, Андре Хайналя, Огюстена Жанно, Кристофа Херинга, Хуана Манцано и Пако Паласио, которые взяли на себя труд прокомментировать мою рукопись, а также Мод Штрухен, которая занималась библиографией.

Наконец, я посвящаю мою книгу «Читая Фрейда» Даниэль Кинодо, которая первая вдохновила меня на это приключение.

В заключение я желаю читателям доброго пути и напоминаю им, что чтение путеводителя никогда не заменит путешествия!

Жан-Мишель Кинодо

Колони (Женева), октябрь 2003

I. Открытие психоанализа (1895–1910)

Исследование истерии, З. Фрейд, Й. Брейер (1895d)

Главное открытие: истерические симптомы имеют смысл

Мы начнем с *Исследования истерии* – основополагающего психоаналитического труда, в котором Фрейд и Брейер представляют свои достижения в лечении истерических симптомов и свои первые гипотезы. В конце XIX в. истерия была очень распространенным расстройством, и все задавались вопросом, какое происхождение она имеет: органическое или психическое. Врачи были сбиты с толку невозможностью найти истинную причину заболевания. Действительно, истерическая конверсия стала вызовом медицинской науке, так как ее симптомы нельзя было связать ни с какими локализуемыми анатомическими повреждениями, к тому же они появлялись и исчезали совершенно неожиданно. Невозможность понять эти симптомы, часто кажущиеся нарочитыми, раздражала врачей, так что от таких больных (а чаще всего ими становились женщины) в конце концов отказывались, рассматривая их как сумасшедших или симулянтов.

В 1882 г. Фрейд, воодушевленный успехом своего венского коллеги Брейера, в свою очередь заинтересовался применением внушения и гипноза при лечении больных, страдающих симптомами, которые относили к истерии. В *Исследовании истерии* – труде, который стал итогом более чем десятилетней клинической работы, – оба исследователя в деталях описывают лечение пяти пациенток, затем каждый из них посвящает теоретическую главу своим гипотезам. Глава, написанная Фрейдом и озаглавленная «Психотерапия истерии», вошла в историю не оттого, что явилась первым текстом такого рода, но, прежде всего, потому что в ней Фрейд заложил клинические и теоретические основы новой дисциплины – психоанализа, восходящего к катартическому методу. Открытый Брейером «катартический метод», использовавшийся между 1880 и 1895 гг., стал формой психотерапии, позволявшей больному воскресить в памяти травматические события, происходившие в момент появления первых истерических симптомов. Брейер, а затем и Фрейд заметили, что эти симптомы исчезали по мере того, как пациентке удавалось воскресить воспоминание и заново глубоко пережить чувства, первоначально связанные с этими событиями. Фрейд рассказывает, что поначалу он, как и Брейер, прибегал к гипнозу и внушению, чтобы помочь больной вызвать эти патогенные воспоминания. Но вскоре он отказался от этой техники в пользу одного радикального изменения: Фрейд заметил, что, если попросить пациента свободно говорить обо всем, что приходит в голову, – так называемый метод свободных ассоциаций, – спонтанное течение мысли последнего позволяло не только добраться до патогенных воспоминаний, ранее вытесненных, но проследить и преодолеть сопротивления, препятствующие пациенту обнаружить эти воспоминания. Этот новый технический подход повлек за собой все более и более ясное понимание той роли, которую играют сопротивление, перенос, символика речи, а также психическая проработка. Эти элементы, свойственные любому психоаналитическому лечению, были намечены Фрейдом в четвертой главе *Исследования истерии*. Что касается понятия отреагирования (*l'abréaction*), то оно постепенно было оставлено; тем не менее представление об эмоциональной разрядке остается неотделимым элементом психоанализа.

Можно ли сказать, что эти гипотезы, представленные в 1895 г., на сегодняшний день устарели? Тем, кто выдвигает подобное предположение, я сказал бы о психоанализе то же, что и о других великих открытиях: в конце XIX в. одновременно с психоанализом появилось

множество изобретений, в дальнейшем они были усовершенствованы, но на данный момент никакое новое революционное открытие не смогло их заменить. Начинать работу с изучения такого основополагающего психоаналитического труда, как *Исследование истерии*, интересно именно потому, что сегодня этот терапевтический подход ничуть не потерял значения в своей области.

Биографии и история

Жизнь Фрейда до публикации

Исследования истерии в 1895 г.

В 1895 г. Фрейду 39 лет: он женат, произвел на свет шестерых детей и уже имеет за плечами заметную медицинскую карьеру исследователя-невропатолога и практикующего невролога. Он родился в 1856 г. во Фрайберге (Моравия) в еврейской семье; хотя Фрейд называл себя либералом и атеистом, он сохранил эмоциональную связь с иудаизмом. В его семье сложились непростые отношения между поколениями. В возрасте 40 лет отец Фрейда Якоб женился во второй раз на двадцатилетней девушке Амалии Натансон – ровеснице двух его сыновей от первого брака. Это смущало юного Фрейда, который впоследствии воображал себя скорее ребенком юной пары – матери и одного из своих сводных братьев, чем сыном своего пожилого отца. Старший из восьмерых детей, Фрейд остался любимцем матери, что, без сомнения, способствовало укреплению его веры в свой успех. В 1860 г. семья Фрейда поселилась в Вене. Зигмунд изучал медицину и работал с известными профессорами, например с физиологом врачом-позитивистом Эрнстом Брюкке. Именно Брюкке познакомил Фрейда с Й. Брейером – физиологом и видным венским практикующим врачом, который интересовался лечением истерии и был на четырнадцать лет старше Фрейда. Новаторский подход Фрейда к науке уже проявился в разных исследованиях, принесших ему известность. Так, благодаря первопроходческой работе, посвященной теме морфологического и физиологического единства клеток и нервных волокон, Фрейд стал непризнанным первооткрывателем нейронной теории, позднее, в 1891 г., разработанной Генрихом Вильгельмом Вальдейером. Что касается публикаций Фрейда об афазии и полиомиелите, появившихся в 1891 г., их ценность признается и сегодня, в особенности его функциональная концепция афазии, опровергавшая принятую в то время теорию кортикальной локализации. Фрейд изучал и фармакологические свойства кокаина, ставя опыты на самом себе, но позже славу этого открытия присвоил один из его коллег. В 1885 г. Фрейд получил почетное звание приват-доцента.

В 1882 г. Зигмунд влюбился в Марту Бернайс. Ему было 26 лет, ей – двадцать. Их помолвка продлилась четыре года, в течение которых они почти ежедневно обменивались письмами. В этой переписке Фрейд часто показывает себя как тревожный, страстный и тиранический жених, а Марта – как надежная и сдержанная невеста, «нормальная» женщина, как позднее скажет о ней очень ценивший ее Э. Джонс. Они поженились в 1886 г., вскоре после открытия Фрейдом частной практики. У них родилось шестеро детей. В 1891 г. семья Фрейда переехала на новую квартиру в Вене (улица Берггассе, 19), где они жили до 1938 г., когда вынуждены были бежать от преследования нацистов в Лондон.

Фрейд и Брейер: плодотворное сотрудничество

Слушая своего венского друга и коллегу Йозефа Брейера, который в 1882 г. рассказал ему об успехах, достигнутых им в лечении истерических симптомов юной пациентки Анны О., Фрейд впервые обратил внимание на возможности, которые открывал гипноз в лечении больных истерией. Брейер сыграл определяющую роль в возникновении психоанализа. Врач, еврей по происхождению, он был известным физиологом и блестящим специалистом по внутренним болезням, человеком большой культуры. Он являлся также другом и семейным врачом многих влиятельных представителей венского общества, таких как философ Франц Brentano и композитор Иоганн Брамс. Фрейд познакомился с Брейером при посредничестве своего учителя Эрнста Брюкке, под руководством которого проводил исследования по нейрофизиологии с 1876 по 1882 г. После открытия собственной частной практики Фрейд применял технику Брейера в лечении многих пациенток и с большим удовольствием обнаружил, что наблюдения Брейера подтвердились и в этих случаях. Однако Фрейд, чей исследовательский ум всегда стремился к новым открытиям, вскоре стал искать свой собственный путь.

Фрейд учится у предшественников: Шарко и Бернхейма

Желая расширить свои познания, Фрейд решил пройти стажировку: в 1885–1886 гг. в Париже у Шарко, затем в 1889 г. в Нанси у Бернхейма. В течение нескольких месяцев он обучался у Шарко, прославившегося исследованиями, призванными разрешить проблему, которую представляла для медицины истерия. Отвергая античные и средневековые теории, объяснявшие истерию возбуждением или стимуляцией матки, Шарко придал этому заболеванию статус определенной нозологической единицы и сделал ее предметом своих исследований. Он классифицировал истерию как одну из функциональных нервных болезней, или неврозов, чтобы отделить ее от психиатрических заболеваний органического происхождения. Он установил это различие, когда заметил, что распространение истерических параличей было случайным и отличалось от распространения, которое наблюдается при корешковом поражении. Используя гипнотическое внушение, чтобы воспроизвести истерические симптомы, а затем заставить их исчезнуть, Шарко показал, что истерические расстройства имеют психическую, а не органическую природу. Он выдвинул гипотезу о «динамическом повреждении мозга» травматического характера, которое могло являться причиной истерии как у женщин, так и у мужчин.

Однако Шарко использовал гипнотическое внушение прежде всего в целях демонстрации, а не в качестве лечения. Поэтому в 1889 г. Фрейд решил отправиться к Бернхейму в Нанси, чтобы усовершенствовать свою технику. Бернхейм показал, что гипноз – это внушение, которое производится, прежде всего, при помощи слов, а не магнетизмом взгляда. Он использовал этот подход в качестве психотерапевтической техники, и Фрейд стал применять ее после своего возвращения в Вену.

«Исследование истерии»: пятнадцатилетний труд

Фрейд потратил многие годы, чтобы убедить Брейера объединить в работе клинические наблюдения, которые они осуществляли с 1881 г., а также их гипотезы по теме истерии. Они начали с публикации промежуточных выводов о результатах применения катартического метода

в «Предварительном сообщении» (1893), которое в 1895 г. вошло в «Исследование истерии» как первая глава.

Однако со времени публикации «Исследования истерии» завершилось сотрудничество двух авторов, и начиная с 1896 г. Фрейд, разочарованный отсутствием честолюбия у Брейера, продолжал свои исследования в одиночестве. Одной из причин их взаимного отчуждения стало то, что Брейер не признавал важности сексуальных факторов в происхождении истерии, в то время как Фрейд все больше их выделял. Тем не менее Брейер продолжал издали интересоваться развитием идей Фрейда. Последний с удивлением узнал об этом после смерти Брейера в 1925 г., когда сын Йозефа Роберт, отвечая на письмо с выражениями соболезнования, заверил Фрейда, что отец всегда с интересом относился к его трудам (Hirschmuller, 1978).

Изучая произведение

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *S. Freud et J. Breuer* (1895d). *Études sur l'hystérie*, trad. A. Berman. Paris: PUF, 1956.

• «ПСИХИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ИСТЕРИЧЕСКИХ ФЕНОМЕНОВ» З. ФРЕЙДА И Й. БРЕЙЕРА

Вступительная глава воспроизводит текст «Предварительного сообщения», уже опубликованного в 1893 г., где авторы последовательно описали свои клинические действия и сообщили о своих первых гипотезах. Они объявляют, что, как правило, случайное наблюдение позволяет открыть причину или, точнее, событие, которое в первый раз в далеком прошлом вызвало истерический симптом. Эта причина ускользает при простом клиническом осмотре, а сам больной не сохраняет воспоминаний об этом событии. Для пробуждения у пациента воспоминаний о том времени, когда симптом появился впервые, обычно необходима помощь гипноза: *«Только тогда удается установить самым четким и убедительным образом отношение, о котором идет речь»* (р. 1). Чаще всего события, которые позднее вызывают более или менее серьезные патологические проявления, происходят в детстве.

Наблюдения показывают, что, с точки зрения патогенеза, существует аналогия между истерией и травматическим неврозом, так как причиной возникновения истерических симптомов можно считать *психическую травму*. Впоследствии психическая травма и воспоминание о ней *«действуют как инородное тело, которое еще долго после своего вторжения продолжает играть активную роль»* (р. 4). По мнению авторов, исчезновение симптомов после возвращения травматического воспоминания подтверждает эту гипотезу. Я предоставляю слово Фрейду и Брейеру, чтобы описать этот новый терапевтический метод: *«К нашему огромному изумлению мы обнаружили, что каждый из истерических симптомов немедленно и безвозвратно исчезал, когда удавалось вытащить на свет воспоминание о происшествии, которое послужило толчком к началу заболевания и вызвало чувства, связанные с этим происшествием. Симптомы исчезали после того, как больной очень детально описывал то, что произошло, и давал этой эмоции вербальное выражение»* (р. 4). Однако, уточняют Фрейд и Брейер, чтобы возвращение этого воспоминания повлекло за собой терапевтический эффект, необходимо, чтобы пациент пережил первоначальное чувство: *«Воспоминание, лишённое всякой аффективной нагрузки, почти всегда совершенно бесполезно»* (р. 4). Эти повторяющиеся наблюдения привели Фрейда и Брейера к знаменитому с тех пор утверждению: *«Больной истерией страдает, прежде всего, от воспоминаний»* (р. 5).

Речь играет определяющую роль в «катартическом» действии, считают авторы, так как стирание патогенного воспоминания предполагает реакцию эмоциональной разрядки, будь то слезы или месть: *«Человек находит замену действию в речи, и благодаря этой замене аффект может быть „отреагирован“ почти так же эффективно. Иногда возможности облечь в слова*

может быть достаточно: например, жалоба или исповедь дают возможность раскрыть секрет, выматывающий душу, приносят облегчение. Когда подобного отреагирования в речи, в действии или (в самых легких случаях) в слезах не происходит, аффект, связанный с воспоминанием, сохраняется» (р. 6).

Кроме того, Фрейд и Брейер замечают, что память больного не сохраняет никаких следов первоначальных событий и что чаще всего речь идет о болезненных воспоминаниях, которые *«...больной хотел бы сдержать, подавить, вытеснить из сознания»* (р. 7). Авторы объясняют появление истерических симптомов *«диссоциацией сознания»*, т. е. *«двойным сознанием»*, связанным с наличием *«гипноидного состояния»*, которое составляет основополагающий феномен истерии. Коротко говоря, истерические симптомы являются результатом серьезной травмы (аналогичной той, что происходит при травматическом неврозе), вызывающей мучительное подавление (в последнем определенную роль играет сексуальный аффект), результатом ее становится *«диссоциация»* групп патогенных представлений. Как действует терапевтическое вмешательство? – в заключение спрашивают Фрейд и Брейер. *«Оно позволяет устранить влияние, которое имели „неотреагированные“ аффекты, давая больному возможность выразить словами застывший аффект; воспоминание может быть включено в ассоциативный ряд, позволяющий вновь ввести его в сознание (под легким гипнозом), или устранено медицинским внушением, как это происходит при сомнамбулизме, сопровождающемся амнезией»* (р. 13).

• «ИСТОРИИ БОЛЕЗНИ»: ПЯТЬ УСПЕХОВ КАТАРТИЧЕСКОГО МЕТОДА

Далее авторы представляют отчет о пяти клинических наблюдениях, из которых лишь первое составлено Брейером, а в остальных четырех речь идет о пациентках Фрейда. Вот в общих чертах краткий экскурс, в котором мы хотели бы показать основные этапы, пройденные Брейером и Фрейдом в их важном исследовании.

• «Анна О...» Й. Брейера: первый случай

Когда Й. Брейер познакомился с Анной О... – ее настоящее имя – Берта Паппенгейм, молодой пациентке был 21 год и она страдала от нервного кашля и множества других истерических симптомов: частой смены настроения, нарушения зрения, правостороннего паралича, кратковременных угнетений сознания («абсансов»), сопровождавшихся галлюцинациями, различных нарушений речи и т. д. Часто и подолгу беседуя с больной, Брейер заметил, что некоторые симптомы исчезали после того, как молодая женщина подробно рассказывала ему о воспоминании, связанном с моментом их первого появления, в то же время вновь интенсивно переживая те же чувства, которые она испытала тогда. Случайно сделав это наблюдение, Брейер повторил опыт с другими симптомами, теперь уже более систематически, и точно установил, что когда он расспрашивал Анну О... об обстоятельствах первого появления симптомов, они исчезали по мере того, как пациентка ему отвечала. Вот что пишет Брейер: *«Был рассмотрен отдельно каждый из симптомов этой сложной клинической картины; все травмирующие случаи были извлечены на свет в порядке, обратном их возникновению, начиная со дня, предшествующего обострению заболевания, и заканчивая днем первого появления симптомов. Как только причина была названа, симптомы исчезали навсегда»* (р. 25). Кроме того, Брейер наблюдал этот феномен, когда больная находилась в состоянии измененного сознания, близком к самогипнозу, в трансе, который он назвал гипноидным состоянием. Позднее Брейер улучшил свою технику и сам гипнотизировал пациентку, чтобы не ждать, пока она войдет в состояние самогипноза, что позволяло выиграть время. Сама Анна О... назвала эту лечебную процедуру *talking cure* (лечение словом), а восстановление воспоминаний, связанных с появлением симптомов, позволявшее их отреагировать, обозначила термином *chimney sweeping* (прочистка дымохода).

Затем Брейер приводит длинный список симптомов, исчезнувших благодаря этому, как он выражается, *очищающему повествованию* (р. 25–26), и иллюстрирует его множеством примеров. Самым крупным терапевтическим успехом явилось, без сомнения, исчезновение паралича правой руки у Анны О... Когда пациентка сидела у постели тяжелобольного отца, у нее случилось нечто вроде галлюцинации, во время которой она увидела змею, ползущую к отцу, чтобы укусить его, и в то же время заметила, что не может пошевелить как бы одеревеневшей правой рукой, которой опиралась о спинку стула. После этого первого эпизода мучительная галлюцинация неоднократно повторялась, сопровождаясь параличом правой руки и потерей способности говорить на любом языке, кроме английского. Брейер рассказывает, что к моменту завершения лечения Анна О... дала ему полное описание обстоятельств, при которых возникла галлюцинация со змеей. Как только она смогла вспомнить, что пережила той драматической ночью у постели больного отца, правосторонний паралич исчез и она снова обрела возможность говорить на немецком языке: *«Сразу после своего рассказа она заговорила по-немецки и избавилась от многочисленных нарушений, которые преследовали ее до этого. Потом она отправилась в путешествие, но прошло еще много времени до того, как она смогла полностью восстановить психическое равновесие. С тех пор она совершенно здорова»* (р. 30).

Постфрейдисты

Чем закончилось лечение Анны О...?

Брейер закончил свой отчет на довольно оптимистической ноте, объявив, что пациентке потребовалось некоторое время для полного восстановления психического равновесия, но что с тех пор она *«совершенно здорова»* (р. 30), однако в свете последних исследований это оказалось не совсем точно. Со своей стороны, Фрейд давал различные версии того, как закончился анализ Анны О... Много лет спустя он заявил, что лечение было прервано, поскольку Брейер не смог вынести любовный перенос своей пациентки и спасся бегством: *«Как сделал бы любой врач на его месте, если он не психо-аналитик: Брейер пришел в ужас и передал свою пациентку коллеге»* (письмо Стефану Цвейгу от 2 июня 1932 г.). В биографии Фрейда (1953–1957) Джонс воспроизводит одну из этих версий: как он рассказывает, в последний день лечения Брейер был вызван к постели Анны О... и застал ее в истерическом припадке, разыгрывающей рождение ребенка, отцом которого, по ее заявлению, являлся Брейер. Брейер спасся бегством и в тот же день вместе с женой отправился в Венецию, где, видимо, была зачата их дочь.

На самом деле, более поздние исторические изыскания показали, что широко распространенная версия Джонса была выдумкой Фрейда и не соответствует действительности. Так, Хиршмюллер (1978) доказал, что Брейер продолжал наблюдать свою пациентку и после окончания катартического лечения. В действительности некоторые проявления болезни Анны О... сохранились, более того, она страдала от невралгии тройничного нерва, которую Брейер лечил морфием, что вызвало наркотическую зависимость. В июле 1882 г. Брейер отправил пациентку для продолжения лечения к Людвигу Бинсвангеру – директору санатория в Кройцлингене, и к тому времени, как она покинула санаторий в октябре того же года, ее состояние улучшилось. Потом Анна О... жила в Вене, где еще несколько раз обращалась за врачебной помощью, затем переехала во Франкфурт. В Германии она вела активный образ жизни, стала известна как писательница и занималась общественной деятельностью. В свете новых данных Р. Бриттон пересмотрел этот основополагающий случай и выдвинул серию убедительных гипотез о природе истерического конфликта.

Некоторые хулители психоанализа использовали тот факт, что пациенты, описанные в *Исследованиях истерии*, не были полностью избавлены от своих симптомов, для того, чтобы оспорить его действенность, обвиняя Фрейда и Брейера в мистификации, а Анну О... – в симуляции. Конечно, охваченные энтузиазмом, Брейер и Фрейд несколько приукрасили описания приводимых клинических случаев, так как одной из целей их публикации было показать, что в своих исследованиях они опередили Пьера Жане. Тем не менее не должно случиться так, что за деревьями не станет видно леса: каким бы относительным ни был успех данного лечения, случай Анны О... останется в анналах как первый триумф так называемого катартического метода, подтолкнувший Фрейда к открытию психоанализа.

• **«Эмми фон Н...» З. Фрейда:**

Фрейд впервые использует катартический метод

Так же как открытие катартического метода возводят к лечению Анны О..., описанному Брейером, именно к случаю «Эмми фон Н...», описанному Фрейдом, восходит его отказ от использования гипноза в пользу метода свободных ассоциаций. Речь шла о женщине (чье настоящее имя было Фанни Мозер) 41 года, вдове богатого промышленника, от которого она имела двух дочерей. Женщина страдала серьезной фобией животных. Во время лечения, которое началось 1 мая 1889 г. и продлилось шесть недель, Фрейд вел с ней беседы с целью добиться катарсиса, сопровождая их массажем и сеансами гипноза, чтобы помочь восстановить память. Однако во время бесед с пациенткой Фрейд заметил, что Эмми достаточно было спонтанно говорить с ним, чтобы у нее появились значимые воспоминания, и что катартический эффект достигался просто за счет спонтанной словесной разрядки: *«Все происходит так, как если бы она усвоила мой метод; она, по всей видимости, использует эту беседу, при ее кажущейся бессвязности, вместо гипноза»* (р. 42). Несколько дней спустя пациентка, раздраженная вопросами Фрейда, попросила его не прерывать ее без конца, а *«дать ей возможность высказаться»* (р. 48). Фрейд согласился на это и обнаружил, что добивается от пациентки желаемых воспоминаний, даже не прибегая к гипнозу, который он, тем не менее, продолжал использовать. Пациентка же постоянно просила Фрейда не дотрагиваться до нее, когда она охвачена ужасом, излагая свои воспоминания: *«Оставайтесь на месте! Не говорите ничего! Не трогайте меня!»* Затем она успокаивалась. Фрейд заключает, что в случае «Эмми фон Н...» речь шла не столько о конверсионной истерии, сколько об истерических психических симптомах, включающих тревогу, депрессию и фобии. По поводу происхождения этой истерии Фрейд счел, что подавление сексуального элемента играло здесь определяющую роль, так как подобное подавление было *«более чем что-либо другое способно нанести травму»* (р. 80).

• **«Мисс Люси Р...» З. Фрейда:**

Фрейд постепенно оставляет гипноз ради внушения

В декабре 1892 г. Фрейд начал продлившееся затем девять недель лечение молодой английской гувернантки, которая страдала от потери обоняния и от обонятельных галлюцинаций: ее преследовал запах гари – эти нарушения были расценены как истерические симптомы. После безуспешной попытки применить к ней гипноз Фрейд отказался от него и применил так называемый метод *свободных ассоциаций*, лишь иногда помогая себе легким нажатием на лоб пациентки, когда появление воспоминаний затягивалось: *«Я нажимал рукой на лоб пациентки или обхватывал ее голову двумя руками, говоря: „Под давлением моих рук вы будете вспоминать. В тот момент, когда давление прекратится, вы увидите перед собой нечто и вам в голову придет идея, которую надо ухватить, – это та идея, которую мы ищем. Ну что же? Что вы увидели или подумали?“»* (р. 86). Это лечение подтвердило гипотезу, согласно которой именно воспоминание о некоем происшествии, забытом, но в точности хранящемся

в глубине памяти, лежит в основе патогенного эффекта истерических симптомов. Речь идет о психическом конфликте, чаще всего сексуальной природы, и патогенный эффект обязан своим появлением тому, что невыносимая мысль «вытеснена из сознания и не может включиться в свободные ассоциации» (р. 91). В этом случае симптомы исчезли после того, как Фрейд обнаружил, что «Мисс Люси Р...» тайно влюблена в своего хозяина, и сама она призналась, что подавила эту безнадежную любовь.

• «Катарина...» З. Фрейда:

Рассказ о короткой психоаналитической терапии

В этом отчете Фрейд предлагает блестящую краткую демонстрацию той роли, которую играют сексуальные травмы в возникновении истерических симптомов. Лечение проходило в форме длившейся несколько часов беседы между Фрейдом и девушкой 18 лет, которой он дал импровизированную консультацию во время прогулки, находясь на отдыхе в горах в августе 1893 г. Катарина была дочерью хозяйки трактира; зная, что Фрейд – врач, она спросила, не может ли он помочь ей справиться с симптомами удушья, сопровождавшимися галлюцинациями какого-то ужасного лица. Во время разговора, подробно записанного Фрейдом, Катарина вспомнила, что ее симптомы появились за два года до того, когда она стала свидетельницей полового акта между ее «дядей» и кузиной Франциской, увиденное глубоко шокировало ее. Это воспоминание напомнило Катарине, что «дядя» неоднократно пытался соблазнить и ее, когда ей было 14 лет. Фрейд замечает, что после своего рассказа девушка испытала облегчение, так как, по его словам, истерия была «по большей части отреагирована» (р. 104). Фрейд видит в этом подтверждение своего тезиса: «Тревога, от которой страдает Катарина во время своих приступов, имеет истерическую природу, то есть это повторение тревоги, появлявшейся во время каждого случая сексуальной травмы» (р. 106). В примечании, добавленном в 1924 г., Фрейд признается, что речь шла не о «дяде» девушки, а о ее собственном отце (р. 106, прим. 1).

• «Элизабет фон Р...» З. Фрейда:

Первый полный анализ случая истерии

Четвертый описанный Фрейдом случай – лечение 24-летней девушки венгерского происхождения «Элизабет фон Р...» (настоящее ее имя – Илона Вайс), которое продолжалось с осени 1892 г. по июль 1903 г. В течение двух лет молодая женщина страдала от сильных болей в ногах и от не поддающихся классификации двигательных нарушений, которые впервые обнаружили, когда она ухаживала за больным отцом. Вскоре после смерти отца сестра пациентки также заболела и умерла, и эти две смерти сыграли определяющую роль в образовании ее симптомов. Как пишет Фрейд, лечение проходило в три этапа. На первом этапе главной проблемой стала невозможность установить связь между симптоматикой пациентки и причинами, вызвавшими ее. Пациентка оказалась невосприимчивой к гипнозу, и Фрейд довольствовался тем, что уложил ее на кушетку с закрытыми глазами, предоставив ей свободу движения в любом направлении. Несмотря на все усилия Фрейда, ожидаемого терапевтического эффекта добиться не удалось. Тогда он прибегнул к процедуре давления рукой на лоб и попросил пациентку говорить обо всем, что приходит ей в голову. Первой мыслью Элизабет фон Р... было воспоминание о молодом человеке, в которого она была влюблена, когда ее отец был болен. Но из-за тяжелого состояния отца она решительно отказалась от своей любви. Кроме того, она вспомнила, что боли в ногах появились в момент возникновения этого внутреннего конфликта, – механизм, характерный, по мнению Фрейда, для истерической конверсии. Воспоминание об этой любовной неудаче привело к тому, что пациентка сама обнаружила мотив своей первой конверсии. «Больная очень удивила меня, сообщив, что она понимает теперь, по какой причине боли всегда начинаются в определенном месте на правом бедре и бывают там особенно сильны. Это именно то место, куда ее отец каждое утро укладывал свою сильно рас-

пухшую ногу, когда она меняла ему повязку (р. 117). После этой фазы *отреагирования* состояние пациентки улучшилось. Фрейд уверовал в процедуру нажатия рукой на лоб пациентки, чтобы вызывать появление мыслей и образов, и без колебаний проявлял настойчивость, когда пациентка под действием сопротивления уверяла его, что ни о чем не думает. «*Во время этой мучительной работы я научился придавать большое значение сопротивлению, доказательству которого больная предъявляла во время попыток вернуть свои воспоминания*» (р. 122).

Необходимо было пройти третью фазу лечения, чтобы добиться полного исчезновения симптомов. Непредвиденный эпизод помог Фрейду раскрыть *секрет*, который стал причиной болей. Во время одного из сеансов пациентка попросила его закончить встречу раньше, потому что услышала в смежной комнате голос звавшего ее зятя. После этого перерыва она вновь почувствовала сильные боли в ногах, что позволило Фрейду дойти до конца в решении этой загадки. Появление зятя напомнило пациентке, что боли начались после смерти сестры: когда она вошла в комнату, где лежала покойная, ее посетила постыдная мысль, что кончина сестры освободила зятя и что он теперь мог бы жениться на ней самой! Однако любовь к мужу сестры противоречила ее моральным устоям, поэтому она *вытеснила* из своего сознания эту невыносимую мысль. Так был сформирован механизм конверсии: «...она обрекла себя на боли при помощи удачной конверсии психического страдания в соматическое» (р. 124). Это осознание принесло окончательное выздоровление, в чем Фрейд смог убедиться годом позже, когда увидел бывшую пациентку танцующей на балу. Успех лечения не помешал Элизабет фон Р... глубоко обидеться на Фрейда, раскрывшего ее секрет.

• «ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ» Й. БРЕЙЕРА

В теоретической главе Брейер развивает некоторые гипотезы, которые наметил в *Предварительном сообщении*. Его вклад в основном состоит в описании «гипноидного состояния» и диссоциации психики, происходящей из наличия бессознательных представлений, которые не могут стать сознательными и приобретают, таким образом, патогенный характер. Он утверждает, что истерические расстройства появляются у особенно возбудимых и имеющих склонность к самогипнозу людей (которых он называет *гипноидными*), что облегчает внушение. Он утверждает также, что такие пациенты имеют предрасположенность к отказу признавать и распознавать сексуальное, особенно в случаях истерической конверсии: «*Большая часть этих вытесненных и конвертированных представлений имеет сексуальный характер*» (р. 199). Однако в то время как Брейер довольствовался применением открытого им катартического метода, не пытаясь его усовершенствовать, Фрейд в последней главе описывает, каким образом он его развил, что сообщает работе Брейера скорее историческую, нежели теоретическую ценность.

• «ПСИХОТЕРАПИЯ ИСТЕРИИ» З. ФРЕЙДА

• От гипноза к свободной ассоциации

Отталкиваясь от своей терапевтической практики, Фрейд показывает, что был вынужден постепенно изменить свою катартическую технику, чтобы прийти к использованию оригинального, отличного от подхода Брейера терапевтического подхода, и подробно рассматривает его преимущества и недостатки. Изучая эту основополагающую главу, мы видим, как под пером Фрейда вырисовываются все более точные контуры того, что станет психоаналитическим методом с уже намеченными основными принципами: в этом тексте 1895 г. представлены новые понятия – «бессознательное», «сопротивление», «защиты», «перенос» и многие другие.

Вначале Фрейд рассказывает, что трудности и ограничения, с которыми он встретился, применяя катартический метод, подтолкнули его к поиску более эффективных способов выявления патогенных воспоминаний и к использованию новой техники, вскоре заменившей прежнюю. На самом деле катартический метод в том виде, в котором он применялся, занимал очень

много времени и требовал от пациента полного доверия к врачу, чтобы гипноз удался. Но не все пациенты проявляли подобное доверие в равной степени. Фрейд не пал духом и преодолел это препятствие, найдя способ, позволявший пациентам восстановить патогенные воспоминания без помощи гипноза. Это одна из его гениальных идей. Он заметил, что, если уложить пациента и попросить его закрыть глаза и сосредоточиться, тому удавалось настойчивыми повторениями усилия вызвать новые воспоминания. Но поскольку эта процедура по-прежнему требовала от него больших усилий, а результаты запаздывали, Фрейд предположил, что это может быть знаком *сопротивления*, которое оказывает сам пациент. Врач должен был преодолеть эти новые препятствия, задерживающие появление представлений.

Именно так Фрейд открыл роль, которую играют *сопротивление* и *защиты* – психические механизмы, препятствующие патогенным представлениям достигнуть Я (р. 217). Он понял, что целью их было «выбросить из сознания и из памяти» под воздействием силы, которую он назвал *цензурой*, неприемлемые идеи: «*Это была психическая сила, отвращение, которое испытывало Я, она первоначально вызывала вытеснение патогенной идеи из ассоциативного ряда, а потом противилась ее возвращению в память*» (р. 217). По мнению Фрейда, патогенное представление должно было подвергнуться изгнанию из сознания в иную часть психики, этот процесс он и назвал «*вытеснением*» (р. 217). Но, если неликвидированная эмоция выходит за пределы того, что пациент способен вынести, психическая энергия *конвертируется* в соматическую и создает *истерический симптом* в соответствии с механизмом конверсии.

Подход Фрейда в то время был основан на неотступном давлении на пациентов, чтобы заставить их преодолеть свое сопротивление. Он дополнил его, добавив технический момент – надавливание на лоб пациентки, чтобы облегчить появление патогенных воспоминаний. Однако немного позднее, открыв метод свободных ассоциаций, он отказался и от этого технического жеста. Открытие свободных ассоциаций происходило постепенно между 1892 и 1898 гг. – более точную дату установить невозможно, но Фрейд упоминает о них уже в случае «Эмми фон Н...», когда он постепенно дает место спонтанному самовыражению своей пациентки.

Исследование истерии, благодаря особому вкладу Фрейда, наполнено клиническими, техническими и теоретическими замечаниями, открывшими новые пути и заложившими фундамент, на котором вскоре возник психоанализ. Среди новых понятий, введенных здесь впервые, три заслуживают особого рассмотрения: это сексуальность, символизм и перенос.

• Роль сексуальности

Хотя Фрейд очень рано установил, что травмы сексуального характера регулярно возникают в рассказах об обстоятельствах появления первых истерических симптомов, вначале он проявлял скепсис, не усматривая здесь причинно-следственной связи: «*Недавний ученик Шарко, я краснел при мысли о связи между истерией и сексуальностью, примерно так же, как это обычно делают мои пациентки*» (р. 208–209). Но, будучи вынужден констатировать, что в рассказах его пациенток постоянно фигурируют травмы сексуального характера, он признал очевидность того, что сексуальный фактор играет решающую роль в появлении их симптоматики. Позднее он установил, что этот фактор имеет отношение не только к истерии, но и ко всем психоневрозам вообще. Поэтому он назвал их «*сексуальными неврозами*».

Хотя Фрейд относительно мало говорит об этом в *Исследовании истерии*, он несколько раз представлял эту революционную точку зрения в различных статьях того же периода, где повторял, что в случаях невроза и в особенности в случае истерии первичная травма всегда связана с реально пережитым сексуальным опытом раннего детства, до наступления полового созревания. Как говорит нам Фрейд, этот опыт, представлял ли он собою простое заигрывание или же более или менее полный половой акт, «*должен быть квалифицирован как сексуальное насилие в самом узком значении этого термина*» (1897b, [р. 209]). Введя понятие *реаль-*

ной сексуальной травмы, имевшей место в раннем детстве, Фрейд тем самым выдвинул гипотезу, которой придерживался недолгое время между 1895 и 1897 гг. Как замечает Р. Уолхейм (1971, р. 38), говоря таким образом о реальной сексуальной травме, Фрейд никак не затрагивает тему детской сексуальности, т. е. то, что ребенку свойственны сексуальные влечения. Но вскоре новые клинические наблюдения заставили Фрейда изменить свои взгляды. На протяжении этого периода у него появляются сомнения в реальности описываемой сцены соблазнения: не является ли она скорее плодом воображения, чем реальным опытом? С этого момента он приходит к выводу, что определяющий травматический фактор больше зависит от *фантазии* и от *влечения*, чем от *реальности* сцены соблазнения. Позднее мы еще вернемся к этому вопросу.

• Символы и истерические симптомы

Фрейд также заметил, что существует символический детерминизм в форме, которую принимают симптомы, и особенно этот механизм символизации выражен в случае конверсии. Фрейд приводит различные примеры этой *символической детерминации*, такие как пронизывающая боль во лбу пациентки между глаз, которая исчезла, как только больная вспомнила о «пронзительном» взгляде своей бабушки, который, по ее словам, «*проникал глубоко в ее мозг*» (р. 144). Со своей стороны, Брейер также замечает, что часто речь идет о «*смешной игре слов, об ассоциациях по созвучию, которые связывают аффект и рефлекс*» (р. 166). Наконец, Фрейд упоминает возможность того, что истерия придает «*примитивный вербальный смысл*» своим ощущениям и иннервациям, поскольку «*кажется, что когда-то все это имело буквальный смысл*» (р. 145). Однако в этот период он еще очень далек от понятия «*мнестический символ*», к которому обратится позднее.

• Черновой набросок определения понятия «перенос»

Мы с удивлением видим, что уже в своих первых работах об истерии Фрейд описал феномен переноса, употребляя именно такой термин. Он начинает разговор на эту тему издали, упоминая о необходимости установить доверительные отношения с пациентом. Так, описывая катартическую процедуру, он подчеркивает, что для успеха гипноза от пациента требуется величайшее доверие к врачу и даже «*полное слияние*» (р. 218). Затем, говоря о способе устранения сопротивления, Фрейд подчеркивает ведущую роль, которую играют личные качества терапевта, так как «*во многих случаях только они способны подавить сопротивление*» (р. 229).

Фрейд прямо обращается к понятию переноса, вникая в причины сопротивления пациента, особенно в тех случаях, когда процедура давления на лоб не помогала. Первоначально он видит два препятствия для осознания сопротивлений: это, во-первых, личная неприязнь к врачу, которую легко уничтожить; во-вторых, страх пациента слишком привязаться к своему терапевту, преодолеть который значительно труднее. Позднее Фрейд добавляет еще одно препятствие осознанию пациенткой сопротивления, которое возникает, «*когда больная боится перенести на личность врача те мучительные представления, которые родились из содержания анализа. Это явление постоянно присутствует в некоторых случаях анализа. Перенос на врача происходит из-за ложных ассоциаций*» (р. 245). Фрейд приводит короткий пример: пациентка страстно желала, чтобы ее обнял и поцеловал ее знакомый. В конце сеанса она охвачена таким же желанием, чтобы ее обнял и поцеловал Фрейд, и это приводит ее в ужас. Когда она сообщила Фрейду о природе своего сопротивления, его удалось преодолеть, и они смогли продолжить работу. Фрейд определяет этот феномен как *мезальянс* или *ложную связь*. «*С тех пор, как я знаю об этом, каждый раз, когда я оказываюсь таким образом вовлечен в ситуацию, я могу утверждать существование переноса и ложной связи. Странная вещь, но больные в этой ситуации всегда поддаются на обман*» (р. 245–246).

Постфрейдисты

Взгляд на истерию сто лет спустя

Как же смотрят на истерию современные психоаналитики? Может быть, ее больше не существует? Умеем ли мы сегодня ее диагностировать? Эти вопросы были поставлены Э. Нерсесяном (Нью-Йорк) перед участниками круглого стола под названием «Истерия сто лет спустя», проходившего в рамках Международного психоаналитического конгресса в Сан-Франциско в 1995 г. Как видно из отчета Ж.-М. Ту (1996), во время дебатов были представлены главные современные позиции по этому вопросу; мы приводим их краткое содержание.

Сегодня большинство психоаналитиков согласно с тем, что истерия опирается на широкий спектр патологий, от невротизма до психозов, затрагивая также тяжелые пограничные состояния и случаи патологического нарциссизма. Тем не менее, с точки зрения терапевтического подхода, можно выделить две основные тенденции, одной из которых придерживаются французские психоаналитики, а другой – последователи британской школы.

По мнению Жаннин Шассге-Смиржель (Париж), главное – чтобы психоаналитик не упускал из виду сексуальный аспект истерии и не ограничивался мыслью о том, что истерия основывается исключительно на архаической прегенитальной патологии. Конечно, она признает, что психоаналитика, когда он работает с пациентами такого типа, часто сбивает с толку обилие клинических феноменов, вызывающих в памяти разнообразные ранние нарушения. Однако, по ее мнению, не следует преуменьшать роль, которую играет интерпретация эдипальных конфликтов и чувства вины, вызванного деструктивными нападками на мать. Если сфокусировать внимание только на архаических объектах, велик риск того, что представление об истерии как о клинической категории, тесно связанной с половой идентичностью и эдипальной фазой, окажется размыто. Жаннин Шассге-Смиржель прибавляет, что она не одинока в своих опасениях, поскольку и другие психоаналитики Французской школы, например А. Грин и Ж. Лапланш, также выражали подобное беспокойство. К тому же Ж. Шассге-Смиржель полагает, что истерия принадлежит к «материнскому царству», поскольку, в первую очередь, касается матки и беременности, будь то в реальной жизни или в фантазиях. Поэтому она настаивает на биологическом факторе истерии: его не следует недооценивать, поскольку речь идет о психической патологии, местом действия которой является тело. Настаивая на роли телесного аспекта, Ж. Шассге-Смиржель отмежевывается от тех психоаналитиков, которые отдают первенство речи и языку, а не телу.

Совершенно иную теоретическую и клиническую позицию излагает Эрик Бренман (Лондон), представитель Британской школы. Он выдвигает идею о том, что очень рано в ходе установления первых объектных отношений ребенок усваивает примитивные защиты против тревоги, которые определяют его способ управления тревогой, когда он станет взрослым. Конечно, Бренман признает, что сексуальность играет основную роль в истерии; однако, по его мнению, первостепенное значение имеет та непрерывная борьба, которую больной истерией ведет с архаическими тревогами. Он описывает, как такие пациенты воздействуют в переносе на психическую реальность психоаналитика и как они защищаются от архаической тревоги, которая воспринимается ими одновременно как катастрофически угрожающая и как ничего не значащая. У них часто наблюдаются расщепления, которые определяют их психические состояния и распространяются на все уровни их

психической жизни. Например, истерические пациенты стремятся установить отношения с идеализированным объектом, но как только контакт установлен, они сразу разочаровываются, поэтому они постоянно переходят от одного крайнего состояния к другому. По мнению Бренмана, истерия связана, прежде всего, с серьезными психотическими нарушениями. Тем не менее возможности психоанализа выдерживать и прорабатывать психотические тревоги очень выросли за последние сто лет, так что в распоряжении таких пациентов имеются сегодня лучшие средства преодолеть свои тревоги и противостоять превратностям существования.

Рубин боится красного

Такое название выбрала для своей статьи Жаклин Шеффер (1986), чтобы описать отношение истерика к сексуальности; метафора навеяна определением, которое дает рубину минералог: *«Рубин – это камень, который боится красного. Этот камень поглощает все другие цвета призмы и сохраняет их для себя. Он отбрасывает красный, и это то, что он позволяет нам увидеть»* (р. 925). По словам Жаклин Шеффер, так же как и рубин, истерия *«переливается разными цветами»*. *«Как лучше представить себе то, что позволяет нам увидеть истерик: его ужас перед красным, то есть перед сексуальностью, выставление своей травмы напоказ? <...> Хитрость Я состоит в том, чтобы выдвинуть вперед, показать самое угрожающее и находящееся под угрозой, то, что чужеродно и вызывает ненависть, то, что причиняет боль, и нападать на то, что нападает. Существует ли что-то ценное, такое, что, как в случае с рубином, надо сохранить, хорошенько спрятав?»* (р. 925).

Хронология понятий

Отреагирование – цензура – конверсия – защита – фантазия – бессознательное – свободные ассоциации – катартический метод – вытеснение – сопротивление – травма – реальная сексуальная травма.

Письма к Вильгельму Флиссу (1887–1904)

Свидетельство о первых исследованиях и самоанализе

Письма, которые Фрейд написал своему другу Вильгельму Флиссу за 17 лет (с 1887 по 1904 г.), представляют собой драгоценный источник информации: мы не только многое узнаем о его повседневной частной и профессиональной жизни, но и наблюдаем эволюцию его мысли и процесс самоанализа в этот особенно плодотворный период. От обширной интенсивной переписки сохранилась только часть, выкупленная у одного венского антикара Марией Бонапарт в 1936 г. В 1950 г. Мария Бонапарт совместно с Анной Фрейд и Эрнстом Крисом опубликовали под заглавием *Рождение психоанализа* тщательно отобранные отрывки из 168 писем (всего их было 284) и до того не опубликованную рукопись «Наброски научной психологии», которую сам Фрейд публиковать не хотел. Полностью эти письма были изданы лишь в 1985 г., после смерти Анны Фрейд, когда вышел срок их конфиденциальности.

Биографии и история

Страстная дружба Фрейда и Флисса

Фрейд познакомился с Флиссом в 1887 г. благодаря Брейеру. Флисс – практиковавший в Берлине врач-отоларинголог – с увлечением использовал и выдвигал смелые биологические и математические теории и был полностью уверен в своих гипотезах. В этот период Фрейд, придерживающийся своей теории сексуальной этиологии невротозов, оказался в стороне от Венского медицинского сообщества и нашел в лице Флисса сочувствующего и внушающего доверие собеседника. Дружба с Флиссом постепенно заменила ему дружбу с Брейером, и Флисс на долгие годы стал самым близким доверенным лицом Фрейда. Помимо переписки, друзья эпизодически встречались на конгрессах, где сопоставляли свои гипотезы и выработывали новые теории. Так, Фрейд превратил «бесконечно дорогого Вильгельма» в активного свидетеля своих научных изысканий и открытий этого периода, начиная с подготовки рукописи «Исследование истерии» вплоть до публикации «Толкования сновидений» в 1900 г. После 1897 г. очарование начало меркнуть, Фрейд все меньше идеализировал своего друга, стал менее зависим от интенсивных отношений с ним и позднее признал гомосексуальный оттенок этой дружбы. По мере продвижения самоанализа Фрейд обнаружил ненависть по отношению к отцу и одновременно – скрытую ненависть к Флиссу. Друзья поссорились во время одного из последних «конгрессов» в 1900 г., когда Фрейд раскритиковал теорию периодичности Флисса, а Флисс упрекнул Фрейда в том, что тот всего лишь приписывает больным свои собственные мысли.

Их отношения испортились, переписка стала редкой, и в 1906 г. произошел окончательный разрыв. После этого Фрейд уничтожил все письма Флисса, но впоследствии признал, что обязан Флиссу понятием бисексуальности.

Изучая произведение

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S.* (1950a [1887–1902]). *La naissance de la psychanalyse, Lettres à Fliess, Notes et plans (1887–1902)*, trad. A. Berman. Paris: PUF, 1956.

На первый взгляд, знакомство с письмами Фрейда к Флиссу представляет ограниченный интерес, но для читателя, уже освоившего фрейдовские концепции, они становятся увлекательным источником информации. В них можно увидеть зарождение вопросов, которые ставит перед собой Фрейд и которые касаются не только истерии, но и психоневрозов, паранойи и депрессии (которую он называет меланхолией). Следуя шаг за шагом за рассказом о его повседневных занятиях, за комментариями по поводу пациентов, которых он лечит, или описанием семейных забот, можно неожиданно наткнуться на одно из его решающих прозрений, например, здесь он впервые упоминает о существовании эдипова комплекса. Предоставляя читателю самостоятельно изучить эту переписку, все же остановлюсь на трех основных моментах: на открытии Фрейдом роли фантазий о соблазнении, на его интуитивном открытии в ходе самоанализа эдипова комплекса и на отказе от выстраивания теории, которая дала бы «научную» основу психоанализу.

• Реальное соблазнение и фантазии о соблазнении

Как мы видели в предыдущей главе, выслушивая рассказы своих пациенток, вспоминающих реальные сцены соблазнения, имевшие место в детстве в момент возникновения первых истерических симптомов, Фрейд считал причиной заболевания реальное соблазнение ребенка взрослым человеком из близкого окружения. Эта гипотеза, названная им «теорией соблазнения», появилась у Фрейда в 1893 г., и он придерживался ее до 1897 г. Постепенно Фрейд расширил сферу применения гипотезы и объяснял с ее помощью не только собственно истерию, но и возникновение всех психоневрозов вообще. Однако, по мысли Фрейда, эта теория должна была не просто установить причинно-следственную связь между реальным соблазнением и симптомами, но, прежде всего, объяснить механизм вытеснения, как справедливо отмечают Ж. Лапланш и Ж.-Б. Понталис (1967). В этот период Фрейд высказывает мысль о том, что процесс вытеснения проходит в два этапа, разделенные периодом полового созревания: на первом этапе ребенок не способен испытать сексуальное возбуждение, поскольку еще не достиг достаточной половой зрелости, и поэтому сцена не вытеснена; на втором этапе, который

Фрейд помещает в постпубертатный период, некое новое событие пробуждает старое воспоминание, и оно оказывает гораздо более серьезное травматическое воздействие, чем первоначальное происшествие, по причине недавно наступившей половой зрелости, и именно тогда воспоминание подвергается вытеснению в «отсроченном действии»¹ – это понятие станет впоследствии центральным для психоанализа. Однако по мере клинических исследований Фрейд начал сомневаться в достоверности сцен соблазнения, о которых рассказывали пациентки, и объявил своему другу Вильгельму в знаменитом письме от 21 сентября 1897 г.: «*Я хочу немедленно сообщить тебе большой секрет, который постепенно открылся мне в эти последние месяцы. Я больше не верю в мою невротичность*» (р. 190). Фрейд приводит различные аргументы в поддержку новой точки зрения. Прежде всего, он сомневается, что развратные действия по отношению к детям происходят так часто; затем он прямо постулирует, что решающую роль играет не реально пережитое, а фантазия о соблазнении: «*Найти решение всегда возможно, его дает нам тот факт, что сексуальная фантазия всегда разыгрывается вокруг родителей*» (р. 191); наконец он приходит к заключению, что трудно отделить реальность от фантазии: «*<... > в бессознательном не существует „показателя реальности“, и, значит, невозможно отличить друг от друга реальный факт и аффективно насыщенный вымысел*» (р. 191).

• Роль инфантильной сексуальности

Как получилось, что Фрейд отвел фантазиям решающую роль по сравнению с реальными событиями вплоть до того, что отказался от большей части своих первоначальных гипотез?

¹ Nachträglichkeit (нем.), après-coup (фр.), deferred action (англ.) – последствие, отсроченное действие. – Прим. ред.

Слушая пациентов, рассказывавших ему свои воспоминания и сны, и анализируя собственные, Фрейд обнаружил, что у детей, как и у взрослых, появляются возбуждение, ощущения и мысли сексуального содержания и что им часто трудно провести различие между реальностью и фантазией: «Итак, за этими фантазиями встает во всей своей полноте сексуальная жизнь ребенка» (Фрейд, 1914d, р. 275). Вопреки принятому вплоть до того момента мнению эта область, считал Фрейд, принадлежит не только подросткам и взрослым. Однако, несмотря на то, что открытие значения инфантильной сексуальности в этиологии неврозов привело Фрейда к отказу от первоначальной теории, следует уточнить, что Фрейд в течение всей своей жизни продолжал утверждать, что реально пережитые ребенком сцены соблазнения играют патогенную роль и что вызванный ими невроз не может быть приписан исключительно фантазиям. В настоящий момент этот вопрос по-прежнему не решен, так как в большинстве случаев как самому пациенту, так и психоаналитику трудно отделить реальность от вымысла.

Что подразумевают под «инфантильной сексуальностью»? Это понятие стоит уточнить сразу, так как его часто толкуют превратно. На самом деле то, что психоаналитики понимают под инфантильной сексуальностью, включает не только разнообразные эротические действия, которые можно наблюдать у детей, а также мысли и желания, которые они выражают с самого раннего возраста; то, что понимают под инфантильной сексуальностью, обозначает в то же время совокупность процессов психических и телесных изменений, которые происходят вплоть до наступления полового созревания и юношеского возраста. Этот процесс начинается с первых чувственных ощущений младенца, который сосет материнскую грудь во время кормления, и продолжается, формируясь поэтапно, пока не завершится характеризующей взросление генитальной зрелостью и становлением личности мужчины или женщины. Именно совокупность этих процессов, в ходе которых сексуальность играет решающую организующую роль, и называют инфантильной сексуальностью, т. е. понятие сексуальности имеет здесь очень широкий смысл. Несколько лет спустя Фрейд обобщит размышления, намеченные им в письмах к своему другу Флиссу, в работе *Три очерка по теории сексуальности* (1905d).

• Самоанализ и открытие эдипова комплекса

Вскоре после смерти отца в 1896 г. Фрейд предпринял собственный анализ, который продолжался приблизительно по 1899 г. *Самоанализ*, как он называет это в письмах к Флиссу, основывался главным образом на исследовании собственных снов; именно с их помощью Фрейд пришел к пониманию как роли сновидений в психической жизни вообще, так и того значения, которое имела сексуальность в его собственном детстве. «Я открыл, что между двумя и двумя с половиной годами мое либидо проснулось и было направлено **на мать**. Мы с матерью совершили путешествие из Лейпцига в Вену, и в это время я, без сомнения, мог видеть ее обнаженной, так как мы спали в одной комнате» (р. 194). В этом же письме он продолжает: «Все заставляет меня поверить, что рождение брата, который младше меня на год, вызвало во мне злые помыслы и настоящую детскую ревность, а его смерть (последовавшая несколько месяцев спустя) оставила во мне чувство вины» (р. 194).

Неделю спустя Фрейд впервые упоминает в связи с самоанализом то, что опишет более 10 лет спустя как *эдипов комплекс* (1910h, р. 52): «В данный момент мой самоанализ является для меня самым важным и, видимо, будет иметь самое большое значение, если мне удастся его завершить. <...> Я нашел в себе, как и у всех остальных, чувства любви к матери и ревности к отцу. Чувства, которые, как я думаю, являются общими для всех маленьких детей <...> Если это действительно так, то, несмотря на все рациональные рассуждения тех, кто выступает против гипотезы о неумолимой неизбежности, становится понятным захватывающий эффект **Царя Эдипа**» (р. 198). В этом письме Фрейд говорит только о позитивной форме эдипова комплекса, которая возникает у мальчика, желающего занять место своего отца рядом с матерью. Впоследствии он опишет также позитивный эдипов комплекс у девочки, желаю-

щей занять место своей матери рядом с отцом, а еще позднее – негативную форму эдипова комплекса как у мальчика, так и у девочки. Открытие, что у одной и той же личности одновременно существует позитивный эдипов комплекс, являющийся причиной идентификации с родителем того же пола, и негативный эдипов комплекс, являющийся причиной идентификации с родителем противоположного пола, позволит Фрейду в работе *Я и Оно* (1923b) применить, на уровне фантазии, позаимствованное у Флисса понятие психологической бисексуальности. Именно Флисс привлек внимание Фрейда к той роли, которую играет бисексуальность в мужской и женской идентификации не только на анатомическом и биологическом, но и на психологическом уровне.

Хотя самоанализ и помог Фрейду преодолеть решающие этапы в самопознании и углубить исследования функционирования человеческой психики, он обнаружил, что такой тип интроспекции наталкивается на внутренние ограничения, которые он не может преодолеть. Он признал, что будущему психоаналитику, прежде всего, необходимо прибегнуть к помощи другого психоаналитика, чтобы преодолеть у себя бессознательное сопротивление и выработать перенос. Наконец, Фрейд заявляет, что после окончания анализа каждый психоаналитик должен продолжать его, занимаясь самоанализом в течение всей жизни.

• **Рукописи, прилагавшиеся к письмам**

Фрейд сопровождает многие письма дополнительными текстами, озаглавленными «*Рукопись*» с прибавлением какой-либо прописной буквы. В этих коротких сообщениях он формулирует свои первые теоретические предположения на темы, которые станет развивать позднее, иногда спустя десятилетия. Например, «*Рукопись Е*» (р. 80) посвящена происхождению тревоги. Фрейд объясняет возникновение тревоги накоплением физического сексуального напряжения, которое не достигает разрядки. Это его первая теория тревоги, но уже в ней Фрейд рассматривает механизм, при котором психика оказывается не способна *связать* тревогу, если тревога чрезмерна (как он покажет в 1926 г. в работе *Торможение, симптом и тревога*). «*Рукопись G*» посвящена меланхолии; в ней Фрейд постулирует, что переживание горя, связанное с потерей объекта, можно объяснить «*потерей либидо*» (р. 93). По его мнению, «*стремление, как мы могли бы сказать, реализуется в психическом <...>*» (р. 97), механизм этого процесса, аналогичного «*внутреннему кровоизлиянию*», Фрейд рассмотрит более подробно в «Печали и меланхолии» в 1917 г. «*Рукопись H*» посвящена изучению проекции как защиты.

Постфрейдисты

Споры вокруг фрейдовой теории соблазнения

В 1984 г. Джеффри Мэссон получил доступ к Архиву Фрейда и после публикации в 1985 г. полного собрания сохранившихся писем к Флиссу опубликовал работу «Атака на истину: почему Фрейд упразднил теорию соблазнения»² – полемический текст о так называемых «истинных» причинах, по которым Фрейд отказался от теории соблазнения. По мнению Мэссона, единственной целью, которой добивался Фрейд, отказываясь от теории реального соблазнения, было сокрытие истины. Выдвижение теории о фантазии соблазнения, по его мнению, было призвано защитить отцов от справедливых обвинений дочерей.

Спасительное разъяснение

² Jeffrey Moussaieff Masson. *The Assault on Truth: Freud's Suppression of the Seduction Theory*. New York: Farrar, Straus & Giroux, 1984.

В своем критическом отзыве на провокационное выступление Мэссона Чарльз Хенли (Hanly, 1986) показывает, что аргументы автора тенденциозны и что, кроме того, Фрейд никогда не отказывался полностью от своей теории соблазнения; он обращался к ней до последних дней своей жизни, подчеркивая, как трудно зачастую отличить реальность от фантазии.

В этом отзыве Ч. Хенли представил разъяснение, отражающее точку зрения большинства современных психоаналитиков: 1) особенно интенсивная детская фантазия может оказать на психическое развитие влияние, сравнимое с влиянием реального опыта; 2) реальный опыт может оказать незначительное влияние или не оказать его вовсе в момент его переживания (как правило, до начала полового созревания), но приобрести мощный эффект последствия в подростковые годы, вследствие сексуального развития; 3) в процессе анализа иногда бывает сложно понять, соответствует ли реконструкция, созданная на основе ассоциативного материала и переноса, фантазии, имеющей под собой серьезные основания, или же мы имеем дело с детским галлюцинаторным опытом; 4) аналитик иногда вполне уверен, будто фрагменты сцен, остатки снов и т. п. соответствуют реальному опыту, в то время как на деле они восходят к галлюцинациям или к защитами против опасных детских желаний; 5) возможно, что пациентка, захваченная всемогущими детскими желаниями и агрессивными фантазиями, имеет еще и реальный опыт патогенного соблазнения; 6) задача аналитика – помочь пациенту установить различие между фантазией и тем, что реально происходило в прошлом.

Хронология понятий

Тревога – самоанализ – бисексуальность – психическая бисексуальность – эдипов комплекс – фантазии о соблазнении – меланхолия (депрессия) – реальное соблазнение – теория соблазнения.

«Проект научной психологии» (1950с [1895])

Попытка создания психоанализа на основе поддающихся измерению научных данных

Среди писем, посланных Фрейдом своему другу В. Флиссу, была найдена неизданная рукопись. В ней Фрейд выражал намерение «*включить психологию в список естественных наук*» (1950а [1887–1902], р. 315) – эта высокая цель стала с тех пор его постоянной заботой. «Проект» не относится к числу основополагающих текстов, но он интересен по двум существенным причинам. Во-первых, в нем читатель видит, в стадии зарождения, новые фундаментальные интуитивные открытия, касающиеся функционирования психики, оригинальные гипотезы, которые лягут в основу последующих важных психоаналитических разработок. Во-вторых, работа над «Проектом» помогла Фрейду понять, что попытки подвести под психоанализ научную базу ведут в тупик, именно по этой причине он так и не захотел опубликовать его. Но эта рукопись стала важным этапом в развитии идей Фрейда, поскольку, отказавшись идти по намеченному в ней пути, он проявил гениальность и сумел отыскать для психоанализа свою собственную нишу.

Изучая произведение

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S.* (1950а [1887–1902]). *La naissance de la psychanalyse, Lettres à Fliess, Notes et plans* (1887–1902), trad. A. Berman. Paris: PUF, 1956.

• Гениальные интуитивные открытия в неоконченной работе

В «Проекте научной психологии» Фрейд сопоставляет сведения, взятые из нейропсихологии (сюда можно отнести открытые в 1892 г. нейроны и синаптическую передачу) и клинические наблюдения, почерпнутые из его недавнего опыта лечения истерии, выводя из этого сопоставления смелые гипотезы. С точки зрения истории развития идей Фрейда, эта оставшаяся незавершенной рукопись представляет особый интерес. Несмотря на то, что местами текст кажется неясным и утратившим актуальность, читатель с удовольствием обнаруживает в нем фундаментальные интуитивные открытия, за сто лет не потерявшие своего значения.

• В поисках интегрированной модели функционирования психики

Намереваясь создать интегрированную модель, основанную на измеряемых данных функционирования психики, и все еще находясь под сильным влиянием своей научно-исследовательской подготовки, Фрейд принимает за отправную точку знания о нейронах и нервных импульсах, накопленные нейропсихологией того времени. Предложенная в «Проекте научной психологии» концепция основана на понятии количества энергии, циркулирующей в нейронных цепях, и Фрейд пытается сформулировать в соответствующих терминах свои психологические наблюдения. Он полагает, что в случае патологии некоторое количество физической энергии, циркулирующей в организме, может выбрать тот или иной путь разрядки, психический или соматический, в зависимости от степени сопротивления или усиления при передаче нервного импульса в цепи. Эта гипотеза могла бы объяснить истерическую конверсию и обсессивно-компульсивные действия как результат телесной разрядки ставшего неуправляемым чрезмерного количества возбуждения.

Затем Фрейд постулирует наличие эквивалентности между физиологическими и психологическими феноменами. Так, на физиологическом уровне он называет фундаментальным принципом функционирования нейронов *принцип инертности* – нейроны стремятся изба-

виться от излишка энергии, которая становится таким образом *свободной энергией*. Перенесенный на уровень психического аппарата, принцип инертности связывается с понятием психического *первичного процесса*, характеризующегося свободным и ничем не сдерживаемым течением психической энергии. Но психический аппарат не мог бы функционировать только по принципу разрядки, необходимо, чтобы он мог выдерживать некоторое количество возбуждения. Поэтому Фрейд постулирует существование системы, регулирующей психику, способной сопротивляться разрядке излишков психической энергии и имеющей свойство трансформировать «первичные процессы» во «вторичные». Эта регулирующая система в целом подчиняется «*принципу постоянства*», лежащему в основе управления «*вторичными процессами*». «Вторичные процессы» характеризуются своей способностью связывать энергию и сдерживать «*первичные процессы*». Так, именно «*вторичный процесс*» помогает психике больного истерией выдерживать эмоциональную нагрузку благодаря вновь обретенной способности восстанавливать и облекать в слова травмирующее воспоминание, что позволяет избытку возбуждения избежать пути соматической конверсии и образования симптома. Понятия «первичный процесс» и «вторичный процесс», введенные в 1895 г., останутся основными понятиями фрейдовской концепции функционирования психики.

• **Первые предположения о функционировании Я**

Какую роль играет личность во всех этих процессах? Фрейд предлагает термином Я называть инстанцию, которая функционирует одновременно на двух уровнях: с одной стороны, Я функционирует на физиологическом уровне в виде группы постоянно вовлеченных нейронов, которая удерживает *энергию связанной*, с другой стороны, Я функционирует на психологическом уровне как инстанция, предназначенная для установления господства вторичных процессов над первичными. Другая важная функция Я состоит в *тестировании реальности*, которое позволяет личности отличить восприятие внешнего мира от галлюцинации или воспоминания, имеющих внутреннее происхождение. Но понятие Я, о котором Фрейд говорит в 1895 г. в *Исследовании истерии*, – это понятие сознательного Я; оно еще не имеет того значения, какое приобретет позже в работе *Я и Оно* (1923b), где будет выдвинут постулат о бессознательных взаимодействиях Я, Оно и Сверх-Я в рамках психического аппарата.

• «Опыт удовлетворения» крупным планом

Задержим ненадолго внимание на особом моменте, который Фрейд описывает как *опыт удовлетворения*: это позволит нам шаг за шагом проследить за его научными продвижениями. Что такое *опыт удовлетворения*? Фрейд подразумевает под этим сложный процесс, который начинается с внутреннего напряжения, вызванного инстинктивной потребностью, такой, например, как голод у ребенка (или сексуальное желание у взрослого). Он начинает с того, что описывает эти процессы в терминах напряжения и разрядки так, как они протекают в рефлекторной дуге, и утверждает, что нейрофизиологические феномены имеют свой эквивалент на психическом уровне. По мере того как потребность возрастает, физическое и психическое напряжение увеличивается, что ведет к ожиданию разрядки, приносящей удовлетворение. В то же время удовлетворение не может быть получено без вмешательства другого человека, которого младенец привлекает своими криками. «*Это вмешательство требует, чтобы во внешнем мире произошли некие изменения, например появление пищи или сексуального объекта...*» (р. 336). После того как этот другой человек произвел специфическое действие, путь разрядки обретает особенную важность на двух уровнях: с одной стороны, субъект на психическом уровне устанавливает связь между устранением неудовольствия и вмешательством определенного лица, и у него появляется чувство «*взаимопонимания*» (р. 336); с другой стороны, субъект на телесном уровне создает образ того, что требуется для устранения неудовольствия: формирует моторный образ удовлетворения. «*Таким образом, удовлетворение приводит к установ-*

лению связи между двумя мнемоническими образами...» (р. 338), т. е. между образом объекта влечения и образом рефлекторного движения. В то же время, «как только вновь появляется состояние напряжения или желания, заряд смещается на эти воспоминания и реактивирует их. Очень возможно, что именно мысленный образ объекта активизируется первым» (р. 338).

Фрейд называет такой процесс «*достижением удовлетворения*»; этот опыт играет определяющую роль в становлении способности личности управлять своими инстинктивными потребностями. Именно на этом уровне, по мнению Фрейда, вмешивается Я, задача которого – следить за тем, чтобы избавиться от напряжения, стараясь получить удовлетворение, и в то же время при помощи механизмов торможения препятствовать повторению болезненных опытов и аффектов.

• **Связи между удовольствием/неудовольствием, аффектами, Я и объектами**

Фрейд дополняет свою точку зрения, рассматривая *опыт боли*: он показывает, что рост напряжения потребности, вызывающий неудовольствие, не только вызывает в памяти образ человека, некогда принесшего удовлетворение, но и порождает враждебные чувства к тому, кто воспринимается как фрустрирующий и *причиняющий боль* (р. 339). Таким же образом, добавляет Фрейд, когда удовлетворение наступает, удовольствие связывается с образом человека, который стал источником удовлетворения: «*Появление объекта, пришедшего на смену ненавистному объекту, может служить сигналом того, что мучительный опыт завершен и система ψ, наученная биологическим опытом, старается воспроизвести состояние, которое положило конец мучительной ситуации*» (р. 340). Выявляя связь между агрессивными и аффективными чувствами по отношению к лицу, которому приписывают фрустрацию или удовлетворение, Фрейд вводит в отношения с объектом аффективное измерение, дополняющее принцип удовольствия/неудовольствия.

Коротко говоря, Фрейд показывает здесь, что с самого начала жизни опыт страдания и опыт удовлетворения не переживаются по отдельности, а тесно связаны с вмешательством объекта и определяют первоначальное деление между негативными и позитивными аффектами. В 1915 г. в работе «Влечения и их судьба» Фрейд вернется к идее о том, что с самого начала существует фундаментальное разделение аффектов, введя понятие «наслаждающееся Я», и продолжит свои исследования смены любви и ненависти в зависимости от ощущений удовольствия и неудовольствия в контексте объектных отношений.

• **Понятие отсроченного действия и «proton-pseudos»**

Упомянем в заключение о том, что понятие *отсроченного действия* Фрейд вводит в «Проект научной психологии», когда задается вопросом, почему при истерии вытеснение касается главным образом сексуальности. Приводя как клинический пример случай Эммы, он показывает, что вытеснение осуществляется в два этапа. Первый этап – это результат сцены сексуального соблазнения в детстве: в возрасте 8 лет Эмма подверглась сексуальным прикосновениям в бакалейной лавочке, но это событие еще не имело для ребенка травмирующего сексуального значения. Второй этап наступил позднее, поскольку сексуальное возбуждение, ставшее возможным вследствие полового созревания, будит воспоминание о первом событии, которое теперь приобретает травмирующее сексуальное значение и вызывает смятение: пять лет спустя, в 13 лет, Эмма обратилась в бегство при виде улыбки, которой обменялись два продавца в магазинчике. Я, неспособное защищаться от таких невыносимых аффектов, прибегает к вытеснению. Таким образом, именно второе событие определяет патогенный характер первого, и Фрейд называет этот феномен *отсроченным действием*: «*Мы не можем не заметить, что вытесненное воспоминание становится травмой лишь в отсроченном действии. Причина подобного положения вещей лежит в запаздывании зрелости по сравнению с общим развитием личности*» (р. 366). Он называет то, что пациентка не осознает сексуальной природы первой

травмы, «первой ложью истерической личности» и использует термин *proton-pseudos*, который означает не «первоначальная ложь», как его иногда понимают, а скорее имеет смысл «первоначальная ошибка».

• Пример научного подхода Фрейда

Чтение «Проекта научной психологии» позволяет нам подробно ознакомиться со строгим научным подходом, руководствуясь которым Фрейд строит обобщающие гипотезы на основании данных нейропсихологических и психологических наблюдений. Впоследствии мы обнаружим ту же научную установку во всем его творчестве, в особенности в «Метапсихологии» (1915–1917), но с одним отличием: после работы над «Проектом научной психологии» Фрейд окончательно отказывается от мысли обосновать психоанализ при помощи нейропсихологии, и именно это смелое решение позволяет ему, как отметил А. Грин (Green, 1992), создать собственное поле психоанализа. Что касается неразрывной связи между телом и психикой, Фрейд продолжал придерживаться этого мнения, но уже под другим углом зрения.

Постфрейдисты

Современные научные модели и психоанализ

Что произойдет, если сто лет спустя после написания «Проекта научной психологии» психоаналитики станут использовать научные модели конца XX в., чтобы предпринять попытку, аналогичную той, что предпринял Фрейд в 1895 г.? Некоторые современные психоаналитики, не колеблясь, воспроизвели этот опыт. Вот что они рассказывают об этом.

Благодаря двойному образованию нейропсихолога и психоаналитика М. Солмс обладает квалификацией, оптимально подходящей для углубленного изучения связей между психоанализом и нейронаукой (Solms, Kaplan-Solms, 2000). Его исследования, основанные на использовании психоанализа в качестве метода обследования пациентов с нейроанатомическим и нарушениями, позволили ему рассматривать психические феномены на уровне функциональной системы, локализованной в совокупности церебральных анатомических структур. Заметные труды М. Солмса не отдают нейроанатомическим моделям предпочтения перед психологическими в противоположность многим другим современным исследованиям, которые стремятся сблизить психоанализ и науки о нервной системе, рискуя, что каждая из дисциплин потеряет свою специфику.

Преимущество исследований, проведенных М. Солмсом, заключается в том, что он не пытается представить психику как нечто «материальное», поскольку психика в них не сводится к функционированию мозга, как показывает Ж. Руаф (Roiphe, 1995). На самом деле, для Солмса нейроны не более реальны, чем мысли и ощущения, и, как следствие, понятие бессознательного выходит за пределы картезианского дуализма «тело – дух». К примеру, для Солмса, как и для Фрейда, сознание – орган чувств, представляющий две плоскости восприятия, из которых одна обращена во внешний мир, другая – во внутренний. Если исходить из модели Фрейда, наше субъективное сознание создано бессознательной психикой в результате процесса, аналогичного процессу восприятия объектов внешнего мира, «*вещей, которые находятся во внешнем мире*» (Фрейд, 1915e). В построениях Солмса две плоскости восприятия фиксируют непознаваемую реальность, которая располагается ниже порога осознанного восприятия, двумя качественно различными, но иерархически

эквивалентными способами. Другими словами, то, как мы воспринимаем как нашу субъективную психическую реальность, т. е. наше сознание, коррелирует с восприятием нами своего физического тела, как если бы мы увидели его извне. Таким образом, существуют два типа восприятий, которые достигают нашего сознания: первые происходят от конкретных внешних объектов, включая тела других, – они составляют восприятие внешней реальности; вторые происходят из внутреннего субъективного опыта, включая психику других, и составляют восприятие психической реальности. Таким образом, оригинальные исследования Солмса следуют в направлении психоаналитической концепции, объединяющей психическое и телесное, задавая тем самым многообещающие перспективы.

Со своей стороны, Ж. Пражье и С. Фор-Пражье (1990) выбрали другой подход. Отказавшись от моделей классической физики, эти авторы опирались на недавние достижения физики и биологии, чтобы предложить «новые метафоры», способные дать отчет о функционировании психики, как ее понимает психоанализ. Например, Ж. Пражье и С. Фор-Пражье предложили ряд показательных параллелей между феноменами, связанными с появлением «нового» в эволюции биологической системы, которая самоорганизуется поступательно, с одной стороны, и внезапным появлением «нового», которое возникает в свободных ассоциациях в психоанализе, с другой стороны. Таким же образом авторы предложили установить параллели между непредсказуемым характером тех явлений, которые мы наблюдаем в сложных системах, и непредсказуемой природой психических явлений. Действительно, в сложных системах, где количество переменных очень высоко – именно так обстоит дело в человеческой психике, – классический линейный детерминизм не работает, и детерминистская теория хаоса показала, что в системах, называемых сложными, любое предвидение быстро оказывается ложным, что доказывает неизбежное появление неучтенных мелких явлений [р. 45].

Если применить эти новые теории, например, к ситуации, возникшей вследствие психической травмы, становится понятным, почему невозможно предвидеть, будет ли травма иметь долговременные последствия для психики или очень незначительные последствия, или не будет иметь их вовсе. Это можно узнать лишь *aposteriori*. Без сомнения, из осторожности Ж. Пражье и С. Фор-Пражье рассматривали свои сравнения в качестве *метафор*, помещая их строго в лингвистический контекст, что, по моему мнению, умаляет их ценность. Я думаю, что эти сравнения выявляют, скорее, «аналоговые модели», и, при учете того факта, что психическое функционирование основано на биофизиологическом функционировании, можно обратиться к понятию *анаклизиса*, введенному Фрейдом в 1905 г. (Quinodoz, 1997a). Эта точка зрения совпадает с концепцией, объединяющей психе и сому, недавно выдвинутой М. Солмсом.

Заменил ли психоанализ науки, изучающие нервную систему?

Фрейд все свою жизнь придерживался мысли о том, что в более или менее близком будущем прогресс в биологии и науках, изучающих нервную систему, позволит лучше понять функционирование психики, как его понимает психоанализ, и преуспеть там, где сам он потерпел неудачу в своем «Проекте научной психологии»: «Без сомнения, однажды возникнет

некий „биоанализ“...» — заявляет он (1913с, р. 313). Он говорит также о наступлении эры психотропного лечения: *«Будем надеяться, что будущее научит нас прямо воздействовать на количество энергии и на ее распределение в психическом аппарате при помощи неких химических веществ»* (1940а [1938], р. 51).

Как же обстоят дела через сто лет после появления «Проекта»? Открытие в 1950-х годах психотропных препаратов и энтузиазм, который сопровождал прогресс исследований в биологии и науках, изучающих нервную систему, определенно способствовали снижению интереса к психоанализу, которое мы наблюдаем в настоящий момент в мире. После того как психоанализ завоевал ведущее место среди психотерапевтических методов и в сфере университетского образования, особенно в США, он был подвергнут все увеличивающемуся давлению. Не только изменившееся общее умонастроение, требующее применения все более и более ускоренных методов лечения и оценок, основанных на измеряемых данных, но и давление социального, экономического и политического порядка объединенными усилиями насаждают медикаментозное лечение в ущерб психотерапевтическим подходам. К этим факторам присоединяются обещания ученых, заявляющих, что современные исследования в области мозга и памяти уже готовы окончательно похоронить методы, основанные на психоаналитических отношениях, несмотря на то, что вышеупомянутые исследования еще очень далеки от применения в клинической практике.

В 1998 г. Нэнси Андреассен, ученый с мировым именем, забила тревогу, чтобы обратить внимание на серьезную нехватку психотерапевтов, с которой столкнулось сегодня население США, внезапно обнаружившее, что медикаментозные методы лечения тоже имеют свои ограничения: *«...мы должны сделать серьезный вклад в воспитание нового поколения подлинных специалистов в науке и искусстве психопатологии. Если этого не произойдет, мы, ученые, привыкшие иметь дело с высокими технологиями, спустя десять лет однажды можем проснуться и обнаружить, что „пришла весна, но птицы не поют“³. Применение технологии без сопровождения специалистов, имеющих специальный опыт в психопатологии, — это непродуктивное и, возможно, бесплодное занятие для одиночек»* (1998, р. 1659).

Хронология понятий

Последствие — испытание реальности — опыт удовлетворения — научные модели — первичный процесс, вторичный процесс — принцип постоянства — принцип инерции — «proton-pseudos» — наука.

³ В романе Рейчел Карсон «Безмолвная весна» (1962) рассказано о том, как однажды весенним утром человечество просыпается и не слышит пения птиц: они исчезли с лица Земли.

«Защитные психоневрозы» (1894a), «Об основании для выделения в неврастении определенного симптомокомплекса в качестве самостоятельного „невроза тревоги“» (1895b), «Еще несколько замечаний о защитных психоневрозах» (1896b), «Сексуальность в этиологии неврозов» (1898a), «О покрывающих воспоминаниях» (1899a)

Новый взгляд на психопатологию

Между 1895 и 1899 гг. Фрейд в различных статьях уточняет некоторые понятия, уже представленные им начерно в работах по истерии: первая и третья статьи появляются друг за другом и блестяще демонстрируют, как Фрейд эволюционирует в ходе поисков механизма, порождающего истерические симптомы, фобии и obsессии; во второй статье он впервые выделяет как специфическое расстройство *невроз тревоги* – то, что сегодня называют *панической атакой*, – отделяя его от неврастения; четвертая статья призвана убедить Венское медицинское сообщество в обоснованности гипотезы Фрейда о *сексуальной этиологии неврозов*; наконец, пятая статья вводит понятие покрывающих воспоминаний, т. е. детских воспоминаний, которые кажутся банальными, но за которыми прячутся другие воспоминания, вытесненные и сохраняющие свое патогенное влияние в бессознательном.

Изучая произведения

- «ЗАЩИТНЫЕ ПСИХОНЕВРОЗЫ» (1894a)
- «ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ЗАЩИТНЫХ ПСИХОНЕВРОЗАХ» (1896b)

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S. Les psychonévroses de défense* (1894a); *Nouvelles remarques sur les psychonévroses de défense* (1896b) // *Névrose, psychose et perversion*, trad. J. Laplanche. Paris: PUF, 1973. P. 1–14, 61–81 [страницы, указанные в квадратных скобках, приводятся по изданию: OCF. P., III, 1–18, 121–146].

В статье, опубликованной в 1894 г., Фрейд выявляет сразу большую часть механизмов, лежащих в основе истерических симптомов, фобий и obsессий: он дополняет свои соображения в статье 1896 г. и завершает их в главе под названием «Вытеснение» в «Метапсихологии» (1915d).

• Истерические симптомы: соматическая конверсия психической энергии

В работе «Защитные психоневрозы» (1894a) Фрейд берет в качестве модели истерию и идет дальше, чем его предшественники, которые остановились на том, что рассматривали состояние диссоциации у больных истерией как первопричину симптомов; Жанэ называет это *расщеплением сознания*, а Брейер *гипноидным состоянием*. Фрейд выдвигает свои собственные гипотезы и доказывает, что диссоциация не является спонтанной и что пациент активно, *усилием воли* вызывает это состояние диссоциации психики. Истерическая диссоциация может проявиться у человека, который до того был *психически здоров* (р. 3 [5]), и возникает, когда человек неожиданно сталкивается с невыносимыми *представлениями*, вызывающими мучительные *аффекты*, которые он хотел бы *забыть*: «Человек решил забыть об этом, поскольку

он не в силах при помощи работы мысли разрешить непримиримое противоречие между этим представлением и собственным Я» (р. 3 [5]). Каким образом Я удастся забыть эти невыносимые представления? На этот вопрос Фрейд отвечает, что Я, которому не удастся уничтожить силу этих представлений, стремится уменьшить ее в целях своей защиты; отсюда название *защитный психоневроз*. Остаточное возбуждение проявляется тогда в форме патологических симптомов, в случае истерии это возбуждение преобразуется в соматический симптом: *«Накопленное возбуждение переносится в тело. Я предложил бы называть этот процесс конверсией»* (р. 4 [7]).

Таким образом, Фрейд показывает, что симптомы психоневрозов являются выражением некоего расстройства на психическом уровне и что они не проистекают из личного или наследственного «вырождения», как считалось до того момента. Его гипотеза объясняет также обратимость этого процесса и эффекта терапии: *«Действие катартического метода Брейера заключается в том, чтобы специально вызвать возвращение этого телесного возбуждения в психическое, добиться того, чтобы противоречие было разрешено силой работы мысли и чтобы произошла словесная разрядка возбуждения»* (р. 5 [8]).

• **Превращение патогенных мыслей в фобии, обсессии и галлюцинации**

Затем Фрейд исследует свою гипотезу, касающуюся образования фобий и обсессий, а также галлюцинаторного психоза. При фобиях и обсессиях склонность к соматической конверсии, характерная для истерии, отсутствует, таким образом, ослабленное представление продолжает существовать в области психики в форме навязчивых мыслей, которые заменяют патогенные мысли: *«Ослабленное представление остается в сознании, в стороне от всех ассоциаций, но его аффект, оставшись на свободе, привязывается к другим представлениям; эти представления, сами по себе безобидные, после такого „ложного объединения“ превращаются в навязчивые представления»* (р. 6 [9]). Что же касается галлюцинаторного психоза, он подчиняется тому же механизму, что и психоневрозы, но в этом случае диссоциация сопровождается значительно более энергичным и действенным типом защиты: *«Она состоит в том, что Я отбрасывает („verwirft“) невыносимое представление („unerträglich“) в то же время, что и его аффект, и ведет себя так, как если бы это представление никогда не достигало Я.*

Но в тот момент, когда это происходит, личность впадает в психоз, который нельзя классифицировать только как „галлюцинаторное смешение“» (р. 12 [15]). Мы можем отметить, что Фрейд в своих исследованиях с самого начала рассматривает механизмы невроза и психоза параллельно, как будет делать и в дальнейшем.

Здесь напрашиваются два замечания. С одной стороны, Фрейд говорит об *усилии воли*, которое прикладывает пациент чтобы *забыть, подавить* или *вытеснить* неприемлемые представления. Он интуитивно понимает, что этот процесс протекает вне сознания пациента, в то же время он не говорит еще собственно о процессе вытеснения: *«...происходящие при этом процессы разворачиваются бессознательно»* (р. 7 [4]). Только в статье 1896 г. Фрейд введет понятие вытеснения. С другой стороны, Фрейд заявляет, что вынужден прибегнуть к *психологическим абстракциям* для того, чтобы в общих чертах дать отчет о своих наблюдениях. Этот подход он позднее определит как «*метапсихологический*».

• **Роль последствий**

В «Новых замечаниях о психоневрозах защиты», появившихся в 1896 г., Фрейд дополняет свои прежние взгляды. Он возвращается к гипотезе, представленной в опубликованном годом раньше *Исследованиях истерии* (1895d), согласно которой патогенные истерические представления связаны с сексуальной травмой, восходящей к детству. Он добавляет, что ядро истерии возникает, когда человек *забывает* травматический опыт, *вытесняя* его с помощью бессознательного механизма. Но факт травмы сам по себе, по мнению Фрейда, еще не объясняет

вытеснения, и он вводит процесс, проходящий в два этапа, который называет *последствием* (п. 2, р. 65 [128]) – это понятие уже упоминалось в «Проекте». Образование obsessions также происходит через процесс вытеснения, за которым следует возвращение вытесненного, а затем через создание компромиссных представлений. В заключение он применяет свои взгляды к случаю хронической паранойи, которую рассматривает как «*психоз защиты*» и которая подчиняется тем же механизмам, что и *защитные психоневрозы*.

Через 20 лет в статье «Вытеснение» (1915d) Фрейд уточнит, что понятие *вытеснение* применяется только по отношению к представлению, в то время как понятие *подавление* относится к аффекту.

• «ОБ ОСНОВАНИИ ДЛЯ ВЫДЕЛЕНИЯ В НЕВРАСТЕНИИ ОПРЕДЕЛЕННОГО СИМПТОМОКОМПЛЕКСА В КАЧЕСТВЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО „НЕВРОЗА ТРЕВОГИ“» (1895в)

Страницы приводятся по изданию: Freud S. (1895b). Qu'il est justifié de séparer de la neurasthénie un complexe symptomatique sous le nom de «névrose d'angoisse» // *Névrose, psychose et perversion*, trad. J. Laplanche. Paris: PUF, 1973, p. 15–38 [Страницы, указанные в квадратных скобках, приведены по изданию: OCF. P., III, 29–58].

Синдром, известный под названием «неврастения», появился в 1880-е годы для обозначения расстройства, которое характеризовалось усталостью *нервного* происхождения и самыми разными симптомами. Первый принципиальный вклад Фрейда в исследование этого заболевания касается происхождения неврастения: он утверждает, что у истока неврастения, как и других расстройств, называемых «нервными», всегда обнаруживается та или иная сексуальная проблема. Его второй принципиальный вклад состоит в том, что Фрейд объединяет под названием «невроз тревоги» группу симптомов, заслуживающих особого места в области неврастения, поскольку эта нозологическая группа вмещала слишком большое разнообразие клинических категорий. При неврозе тревоги главным симптомом является тревога и ее соматические эквиваленты, т. е. дрожь, сердцебиение, удушье и т. д., и в первую очередь головокружение, которое Фрейд считает основным эквивалентом тревоги: «*Головокружение занимает среди всех симптомов невроза тревоги особое место; в самых легких проявлениях его называют „дурнота“; в более серьезных проявлениях этот приступ головокружения, с тревогой или без нее, относится к самым серьезным симптомам невроза*» (1895, р. 20 [36–37]). В тот период, когда Фрейд объединял эти различные симптомы под одним названием, он считал, что симптомы невроза тревоги и подобные ему, включая головокружение в разных формах, имеют непсихологическое происхождение (Quinodoz, 1994). Фрейд считал тогда, что проявления тревоги лишь высвобождают некую психическую энергию, недоступную для символического осмысления и для анализа, в противоположность истерии, при которой психическая энергия может быть преобразована в соматический симптом (паралич и т. д.), но этот процесс обратим, если символическое значение энергии станет доступно сознанию и поддастся анализу.

Что может быть причиной возникновения невроза тревоги? Наблюдая своих пациентов, Фрейд заметил, что симптомы тревоги сопровождались у них понижением либидо, и приписал причину возникновения невроза этого типа чрезмерному накоплению неудовлетворенного сексуального возбуждения, как, например, при прерванном половом акте – чисто физическом напряжении, которое предположительно напрямую трансформируется в тревогу из-за невозможности проработать его на физическом уровне. Этой теории, известной под названием «первой теории тревоги», Фрейд придерживался до тех пор, пока 30 лет спустя не заменил ее своей «второй теорией тревоги». Действительно, начиная с 1926 г. он станет утверждать, что тревога

вызывается в основном страхом потери и сепарации от объекта, помещая отныне причины ее возникновения на уровень психики.

- «СЕКСУАЛЬНОСТЬ В ЭТИОЛОГИИ НЕВРОЗОВ» (1898a)

Страницы указаны по изданию: *Freud S. (1898a). La sexualité dans l'étiologie des névroses // Résultats, idées, problèmes I, trad. J. Altounian et coll. Paris: PUF, 1984, p. 75–97* [страницы, указанные в квадратных скобках, приведены по изданию: *OCF. P., III, 215–240*].

В этой статье (ставшей основой доклада, скандализовавшего Венское медицинское сообщество) Фрейд впервые утверждает существование автономной детской сексуальности, объединив все идеи, выдвинутые им за предыдущий год. Начиная с 1897 г. Фрейд пересмотрел свою теорию соблазнения после того, как написал Флиссу, что признает ее ошибочной («*Я больше не верю в мою невротичку*», письмо от 21 сентября 1897 г.) и что то, что он принимал за сексуальное соблазнение ребенка взрослым, на самом деле было лишь выражением детских фантазий, вызванных инцестуозными желаниями ребенка по отношению к родителям. Уверенный в своих открытиях, Фрейд посчитал важным донести до сведения своих коллег-медиков, что этиология психоневрозов основывается не только на таких провоцирующих факторах, как реальное сексуальное насилие, но и на опыте фантазирования, связанном с силой влечений, возникающих в детстве и в период полового созревания. В этом же докладе он вводит понятие *последствия*, обозначающее, что патогенное влияние травмирующего события, произошедшего в детстве, может проявиться не в тот момент, когда оно произошло, но ретроспективно (задним числом), во время вступления в следующую фазу сексуального развития (половое созревание, подростковый период).

Фрейд доложил эту работу в 1898 г. в Венском медицинском колледже; доклад шокировал его коллег, несмотря на абсолютно научную строгость, с которой он представил свою точку зрения, проиллюстрировав ее примерами из клинической практики. Еще в 1896 г. Краффт-Эбинг, будучи экспертом по сексуальным психопатологиям, назвал эти идеи «научными сказками». Фрейд, ожидавший после своего доклада официального признания своих открытий, был крайне разочарован и укрепился в своем пессимизме. Враждебность, которую вызвали идеи Фрейда, помимо всего прочего, стала причиной отсрочки его назначения на должность профессора университета.

- «О ПОКРЫВАЮЩИХ ВОСПОМИНАНИЯХ» (1899a)

Страницы приводятся по изданию: *Freud S. (1899a). Sur les souvenirs-écran // Névrose, psychose et perversion, trad. D. Berger et coll. Paris: PUF, 1973, p. 113–132* [страницы, указанные в квадратных скобках, приведены по изданию: *OCF. P., III, 253–276*].

Покрывающее воспоминание – новое понятие: под ним подразумевается детское воспоминание, которое запечатлелось в памяти с особой силой, несмотря на свое, казалось бы, незначительное содержание. Как объяснить этот парадокс? Взяв в качестве примера воспоминание, приписанное одному из пациентов (на самом деле это был автобиографический эпизод), Фрейд тщательно анализирует такое покрывающее воспоминание, проработка которого позволила ему избавиться от кратковременной фобии. В эпизоде, произошедшем за городом, принимал участие герой воспоминания в возрасте 2–3 лет, другие дети того же возраста и красивая двоюродная сестричка. Это сцена оставалась для юноши ничем не значащим эпизодом до того момента, когда воспоминание о влюбленности в некую девушку уже в возрасте 17 лет придало новый смысл детскому переживанию и вызвало множество других, вытесненных до

той поры воспоминаний, описанных с несомненным литературным талантом. Восстановление в памяти бессознательного патогенного заряда, содержавшегося в этих вытесненных воспоминаниях, позволило вылечить фобию. Этот клинический случай, изложенный как художественное произведение, убедительно показывает также, что покрывающее воспоминание является следствием *компромисса* между двумя психическими силами, одна из которых сохраняет в памяти банальное воспоминание, а другая приводит в действие сопротивление, которое скрывает бессознательное патогенное значение. Эти две противоборствующие силы не уничтожают друг друга, но приводят к компромиссу, который сгущает два воспоминания, и это сгущение играет с многозначностью слов:

«Именно словесное выражение, без сомнения, устанавливает связь между покрывающим воспоминанием и тем, что оно покрывает», – замечает Фрейд (р. 129 [272]). Таким же образом он опишет впоследствии тот же феномен в оговорках или ошибочных действиях.

Позднее Фрейд еще раз подчеркнет важность покрывающего воспоминания, сгущающего многочисленные моменты детства, реальные и воображаемые: *«Покрывающие воспоминания содержат не только некоторые важные моменты жизни ребенка, а действительно все важное. Их надо только уметь истолковать при помощи анализа. Они также точно представляют забытые годы детства, как явное содержание снов представляет скрытые в них мысли»* (Фрейд, 1914g, р. 107).

Понятие покрывающего воспоминания имеет первостепенное значение, потому что оно заставляет пересмотреть вопрос о важности детских воспоминаний, которые не следует понимать буквально. По поводу этого уточнения Фрейд заключает: *«Наши детские воспоминания представляют нам наши ранние годы не такими, как они были на самом деле, но такими, какими они являются нам, когда мы возвращаемся к ним в более поздние периоды...»* (1899a, р. 132 [276]). Иначе говоря, добавляет он, остроумно играя словами, не слишком ли мы доверяем нашим воспоминаниям, т. е. не являются ли сознательные воспоминания, которые остались у нас «о» детстве, скорее воспоминаниями «на тему» нашего детства, подвергающимися впоследствии постоянному редактированию?

Хронология понятий

Аффект – последствие – компромисс – невроз – невроз тревоги – первая теория тревоги – психоневроз – вытеснение – представление – детская сексуальность – покрывающее воспоминание – травма – головокружение.

Толкование сновидений (1900а), О сновидении (1901а)

«Толкование сновидений – царский путь к познанию бессознательного психической жизни» Freud (1900а, р. 517 [663])

В *Толковании сновидений* Фрейд выдвинул новаторские идеи, которые не только произвели переворот в существовавшем на тот момент понимании сновидений, но и по-новому осветили функционирование мысли и речи. В своей работе Фрейд отстаивает тезис, что сновидение – это организованная психическая деятельность, которая отличается от психической деятельности в период бодрствования и подчиняется собственным законам, оспаривая таким образом как популярные представления, так и научные воззрения своего времени. С одной стороны, он отмежевался от классических популярных методов, которые использовались для толкования сновидений со времен античности и представляли собой расшифровку по символическим культурным кодам с целью предсказания будущего. С другой стороны, он оспорил мнение ученых своей эпохи, не придававших сновидению никакого психологического значения и видевших в нем лишь неорганизованную продукцию, вызванную психическими *стимулами*, – мнение, которого придерживаются некоторые ученые и в наши дни.

В *Толковании сновидений* Фрейд выдвигает еще одну новаторскую точку зрения, показывая, что сновидение – это собственная продукция сновидца, оно не навязано ему извне и не имеет никакого постороннего источника. Люди на самом деле долгое время верили, что сновидение – это благосклонное или враждебное послание, адресованное сновидцу высшими силами – богами или демонами. Но психоаналитический метод свободных ассоциаций привел Фрейда к открытию цели и значения сновидений, так что он смог выдвинуть следующее часто цитируемое утверждение: «*Толкование сновидения – это царский путь к познанию бессознательного психической жизни*» (1900а, р. 517 [663]). Этот фундаментальный труд, который Фрейд, по словам его биографа Е. Джонса, на протяжении всей жизни считал своим самым важным творением, далеко не исчерпывается объяснением ночного сновидения. На самом деле в *Толковании сновидений* Фрейд выдвинул общую концепцию функционирования психики, нормальной и патологической, заложив тем самым основы психоанализа в различных его аспектах: клиническом, техническом и теоретическом.

Сегодня, больше столетия спустя, концепция онирической жизни, выдвинутая Фрейдом в 1900 г., по-прежнему остается незаменимым ориентиром в области психоанализа. С 1900 г. и до сегодняшнего дня постфрейдистское развитие психоанализа, а также научный прогресс в разных областях, особенно в науках о нервной системе, расширили наше знание механизмов, участвующих в формировании сновидений, но никакая другая теория не заменила фрейдовское толкование сновидений в области психоанализа. А если бы это произошло, психоаналитики узнали бы об этом первыми, не правда ли?

Биографии и история

«Книга века»

Сначала изучение собственных снов

Видимо, Фрейд интересовался своими сновидениями с детства, и в письме к невесте, Марте Бернайс, от 18 июля 1883 г. он упоминает дневник с записями, куда систематически заносит размышления на эту тему. Но начало его научного интереса к сновидениям относится к тому моменту, когда он применил метод свободных ассоциаций к больным истерией пациенткам, поскольку этот подход позволил ему открыть существование тесных связей

между сновидениями, фантазиями и симптомами. Фрейд также установил сходство между своими собственными сновидениями и сновидениями пациентов, определив таким образом важную роль, которую онирическая жизнь играет не только в психопатологии, но и в нормальной психической деятельности. В июле 1895 г. он в первый раз провел полный анализ одного из своих сновидений – «укол, сделанный Ирме», – основополагающий сон, который он подробно исследует в «Толковании сновидений». Окрыленный новыми перспективами, связанными с изучением сновидений и недавним открытием нейронов, Фрейд сделал попытку обобщить их и в 1895 г. погрузился в написание труда под названием «Проект научной психологии».

Однако, почувствовав, что этот подход ведет в тупик, он оставил замысел создания общей теории психики на основании поддающихся измерению количественных данных и отказался от публикации этой рукописи. Решительно отвернувшись от нейропсихологии, он обратился к точке зрения, помещавшей психические феномены в поле субъективного опыта, которое и стало полем психоанализа. Именно поэтому рождение психоанализа относят к периоду с 1896 по 1899 г., на который пришлось самоанализ Фрейда и создание им «Толкования сновидений».

Смерть отца Фрейда и начало самоанализа

Хотя Фрейд много размышляет о сновидениях уже в 1895 г., непосредственная работа над этим произведением заняла почти четыре года. После смерти своего отца Якоба Фрейда в 1896 г. Фрейд предпринимает систематическое исследование, анализируя, в частности, свои собственные сны, – эта проработка стала основой для его самоанализа. Действительно, тема смерти отца и многочисленные, связанные с ним воспоминания постоянно возникали в его сновидениях в течение последующих месяцев. Это был сложный период, и можно думать, что Фрейд предпринял свой труд не только в научных интересах, но и пытаясь преодолеть внутренний кризис, в который погрузила его глубокая скорбь. Тем не менее это был плодотворный период, поскольку именно с помощью самоанализа и толкования своих сновидений Фрейд открыл специфическую для психоанализа технику интерпретации.

Его отношения с Флиссом также играли в эти годы важную роль. С одной стороны, письма, которые Фрейд регулярно писал своему другу, составили а posteriori драгоценное свидетельство этапов, которые он прошел в своем самоанализе: так, например, в одном из писем он объявляет, что нашел подтверждение тому, что сновидение стремится к осуществлению желания: «Позавчера один сон предоставил мне забавное подтверждение той мысли, что целью сновидения является осуществление желания» (Фрейд Флиссу 23.09.1895). Но Флисс стал не только важным свидетелем, он был еще и собеседником, на которого Фрейд мог проецировать свои фантазии и аффекты переноса. Между тем эти бессознательные отношения переноса и контрпереноса, которые разыгрывались без ведома обоих, хотя Фрейд и догадывался о них интуитивно, неизбежно вели в тупик, поскольку обстоятельства не позволяли проанализировать и проработать их с помощью другого психоаналитика. В этом, без сомнения, одна из причин разрыва между Фрейдом и Флиссом, который произошел вскоре после завершения периода самоанализа.

Толкование сновидений (1900а)

Фрейд закончил работу над этим трудом в сентябре 1899 г. У него были периоды застоя и взлеты, как в августе 1899 г., когда он за две недели написал знаменитую седьмую главу, посвященную психологии сновидения. Труд появился 4 сентября 1899 г., но по воле издателя был датирован 1900 г. Фрейд много ждал от этой публикации, в частности признания значения его открытий, но за 8 лет было продано только 600 экземпляров первого тиража книги. Постепенно успех пришел, и изучение сновидений продолжало интересовать Фрейда в течение всей его жизни. Так, он вносил многочисленные поправки во все восемь вышедших при его жизни изданий этой работы на немецком языке (последнее увидело свет в 1930 г.

Полное издание шедевра, который представляет собой «Толкование сновидений», насчитывает 700 страниц. Фрейд анализирует здесь около 200 сновидений, 47 из которых его собственные, остальные принадлежат людям из его окружения и коллегам. Однако, хотя количество сновидений и разнообразие изложенных в этом объемном труде гипотез делают его незаменимым и в наши дни, эти же качества определяют его труднодоступность для неискушенного читателя. Впечатление, которое «Толкование сновидений» производит на неопита, нельзя описать лучше, чем это сделал Д. Анзье.

«„Толкование сновидений“ – книга вдохновенная, – пишет он, – полная порыва, отважная, но трудная для восприятия из-за оригинальности мыслей, которые она содержит, сложности ее архитектуры, из-за строгости и разнообразия теоретических выкладок, новизны понятий, изобилия примеров, лаконичности и сжатости исследования или, наоборот, из-за их рассеяния по разным главам, из-за запутанных самонаблюдений Фрейда и его наблюдений за сновидческой жизнью других, из-за неопределенности избранного автором литературного жанра: научный трактат, интимный дневник, исповедь, сонник, фантастическое путешествие, поиск инициации, этюд о человеческой природе и, наконец, широкая аллегорическая фреска бессознательного» (1988а, р. 10).

О сновидении (1901а)

С целью сделать более доступными публике новаторские идеи, содержащиеся в «Толковании сновидений», издатель попросил Фрейда написать резюме книги. Фрейд, хотя и не без колебаний, согласился и написал «О сновидении» – короткую научно-популярную работу, выдержанную в доступном стиле, близком к разговорному, которая приглашала читателя к поиску смысла сновидений по образу детективного расследования. Фрейд добавил туда несколько новых сновидений, из которых самое известное – «Праздничный стол», а также сон, обнаруживающий его бессознательную враждебность к Флиссу, предвещающая, таким образом, близкий разрыв с другом.

Как справедливо указывает Д. Анзье, проблема стиля психоаналитического письма возникает уже в двух первых работах Фрейда, поскольку эти два таких разных текста показывают: психоаналитическое письмо впоследствии будет непрерывно колебаться между двумя полюсами. А именно полюсом вдохновения, как «Толкование сновидений» – «открытое», в понимании Умберто Эко, произведение, написанное в «барочном» стиле, – и дидактическим полюсом, как мы это наблюдаем в работе «О сновидении» –

изложении образовательного назначения, написанном в «классическом» стиле (Anzieu, 1988a, p. 34).

Изучая произведение

Неопытному читателю я советую начать с чтения *О сновидении* (1901a), а не приступать сразу к *Толкованию сновидений* (1900a), хотя это нарушает хронологию. Прочитав *О сновидении*, читатель будет более уверенно ориентироваться в таком просторном и сложном произведении, как *Толкование сновидений*.

О СНОВИДЕНИИ (1901a)

Ссылки на страницы приводятся по изданию: Freud S. (1901a). Sur le rêve, préface de D. Anzieu, trad. C. Heim. Paris: Gallimard, 1988.

• **Смысл сновидений сообщают свободные ассоциации сновидца**

Фрейд напоминает, что сновидение лишь с недавних пор рассматривается как продукт психики сновидца и не считается более благожелательным или враждебным посланием «*высших сил, демонов или богов*», как в мифологические времена (p. 45). И все же, говорит Фрейд, многие современные ученые продолжают думать, что сновидение имеет исключительно биологическую функцию и что его содержание не имеет никакого психологического значения.

Действительно, если мы пытаемся понять содержание одного отдельно взятого сна, мы редко находим в нем смысл, продолжает Фрейд. Но все меняется, если применить новый метод исследования, который он недавно предложил и назвал «методом свободных ассоциаций». Этот метод позволил ему обнаружить, что сновидения имеют смысл, таким же образом, как он открыл, что истерические симптомы, фобии, obsessions или бред имеют смысл и поддаются интерпретации.

В работе *О сновидении* Фрейд детально анализирует сон «*Праздничный стол*», приснившийся ему в октябре 1990 г. Для начала он пересказывает свой сон так, как запомнил его: женщина сидит рядом с ним и фамильярно кладет руку на его колено; сновидец отбрасывает руку соседки, которая заявляет, что у него прекрасные глаза. Проснувшись, Фрейд очень удивлен, поскольку сон кажется ему темным и абсурдным, к тому же он уже давно не встречал эту женщину. Тогда он старается ухватить мысли, которые спонтанно приходят ему в голову, когда он вспоминает каждую деталь сна, отдаваясь своим свободным ассоциациям: «*Праздничный стол... задолжать деньги... делать это ради Ваших прекрасных глаз... получить бесплатно... и т. д.*». На основании этих многочисленных рассеянных фрагментов Фрейд устанавливает связи между образами, мыслями и воспоминаниями, которые сцепляются друг с другом последовательно и обретают для него смысл. Так, шаг за шагом читатель приглашается разделить со сновидцем убеждение, что этот сон, на первый взгляд такой непонятный, в конце концов имеет содержание и что только ассоциации сновидца помогают нам раскрыть этот смысл: «*Следом за ассоциациями, которые появились рядом с независимыми одиночными элементами сна, вырванными из контекста, у меня появилась серия мыслей и воспоминаний, которые я должен признать в качестве ценного выражения моей психической жизни*» (p. 57). Однако Фрейд не идет до конца в своей демонстрации и отмечает, что каждый раз, когда он анализирует один из своих снов, у него возникают интимные мысли, в которых трудно признаться даже самому себе. Ни одно сновидение не избегает этого явления, добавляет он, именно поэтому, рассказывая сновидение, будь то свое собственное или чужое, он вынужден уважать его конфиденциальный характер.

• **Манифестное (явное) и латентное (скрытое) содержание сновидения**

Затем Фрейд вводит различие между *манифестным содержанием сновидения*, т. е. сновидением, как его пересказывает сновидец, смысл которого, как правило, неясен, и *латентным содержанием сновидения*, значение которого проявляется во всей своей ясности не ранее, чем сновидение будет расшифровано в свете свободных ассоциаций пациента. Манифестное и латентное содержание тесно связаны между собой скрытым значением, которое выявляется в процессе анализа. Фрейд задается вопросом о природе психического процесса, который трансформирует латентное содержание в манифестное и искажает его до неузнаваемости, так же как и об обратной операции, которую осуществляет анализ сновидения, расшифровывая манифестный смысл, чтобы открыть за ним смысл латентный. Фрейд называет *работой сновидения* совокупность психических операций, которые превращают латентное содержание в манифестное с целью сделать его неузнаваемым, а *«работой анализа»* – обратную операцию, которая направлена на поиски скрытого смысла, исходя из явного содержания: *«Задача толкования сновидения – открыть то, что работа сновидения замаскировала»* (р. 60).

• **Сновидение – осуществление бессознательного желания**

Второй центральный тезис Фрейда содержится в уже выдвинутом в «Толковании сновидений» утверждении: *«Сновидение – это (замаскированное) осуществление (вытесненного) желания»* (1900а, р. 145 [196]). С этой точки зрения, существуют прозрачные сны, в которых осуществление желания проявляется ясно, как будто оно уже произошло, это свойственно детям, реже бывает у взрослых. Фрейд приводит примеры, ставшие с тех пор классическими: маленькой девочке снится клубника, в которой ей отказали накануне, маленькому мальчику снится сон про корзинку с вишней: *«Накануне он получил в подарок от своего дяди корзинку вишни, из которой ему, разумеется, дали съесть только часть. Он просыпается и радостно объявляет: „Герман съел все вишни“»* (1901а, р. 66). Но чаще всего содержание сновидений бессвязно и кажется лишенным смысла, осуществление желания замаскировано: в этом случае *работа сновидения* изменила мысли сновидения таким образом, что исполнение желания не возникает в пересказе сновидения и требуется работа анализа, чтобы произвести обратную операцию и обнаружить его смысл.

• **Механизмы, задействованные в формировании сновидения**

Какие средства использует работа сновидения, чтобы замаскировать исполнение желания, чтобы оно не проявилось в манифестном содержании сна? Согласно Фрейду, сновидение использует в этих целях следующие пять основных механизмов.

Сгущение. Сгущение объединяет в одном элементе несколько элементов – образов, мыслей и т. д., – относящихся к разным цепочкам ассоциаций. Анализ сновидения выявляет феномен *«сжатия»* или *«сгущения»*, которое произвела работа сна, чтобы соединить разрозненные фрагменты в единое целое: *«Если взять случайный пример и сопоставить количество элементов репрезентации или важность представлений, к чему и ведет анализ, когда мы отмечаем фантазии или мысли, следы которых мы находим в сновидении, не подлежит сомнению, что работа сновидения произвела заметное сжатие или сгущение»* (р. 77). При детальном анализе сновидения видно, что процесс сгущения осуществляется для каждого элемента сновидения таким образом, что каждый элемент в отдельности восходит в свою очередь к ряду элементов, которые могут относиться к разным областям, и это означает, что каждый элемент сновидения *сверхдетерминирован*. Таков механизм сжатия, который затрудняет понимание манифестного текста сновидения. Сгущение составляет один из основных механизмов работы сновидения, но его же мы обнаруживаем при формировании симптомов, оговорок и острот. В последних сгущение устанавливает кратчайшие пути между разными мыслями, приводя к неожиданным сближениям, например, играет на сходстве слов, создавая *«промежуточные мысли, часто очень остроумные»* (р. 77).

Смещение. Благодаря механизму смещения работа сновидения заменяет самые значимые мысли сновидения второстепенными, таким образом, важное содержание сновидения перемещается со своей центральной позиции, маскируя осуществление желания. Например, впечатление, что то или иное сновидение передает элемент первостепенного значения, может быть заменено противоположным впечатлением, таким как безразличие. Механизмы сгущения и смещения могут комбинироваться, чтобы образовать компромисс, который Фрейд иллюстрирует приведенным здесь сновидением об *«уколе, сделанном Ирме»*. В этом сновидении речь шла об инъекции *пропилена*, он установил значимое сближение между *амиленом* и воспоминанием о *Пропилеях*, которые Фрейд видел в музее. Этот пример разъясняет образование *компромисса*, который представляет собой термин *пропилен* – плод сгущения и смещения.

Процесс наглядного изображения, или репрезентация («Darstellbarkeit»). Имеется в виду операция, при помощи которой работа сновидения превращает мысли сновидца в образы, прежде всего визуальные. Фрейд так описывает этот процесс: *«Представим себе, например, что нас попросили заменить несколько фраз политической статьи или выступления адвоката в суде на серию рисунков; при этом мы без труда поймем, какие изменения производит работа сна, чтобы преобразить содержание сновидения»* (р. 92). Фрейд упоминает разные способы, которые использует работа сновидения, чтобы преобразовать мысли в визуальную форму выражения, свойственную сновидению.

Вторичная обработка. Вторичная обработка состоит в том, чтобы представить содержание сна в форме связного и понятного сценария. Речь идет о механизме, который сопровождает формирование сновидения на каждом этапе, но действие этого процесса более очевидно в состоянии бодрствования, когда сновидец старается вспомнить, что ему приснилось, или рассказывает свой сон. Действительно, по мере того как мы пытаемся вспомнить свой сон, мы склонны исказить его содержание, чтобы придать ему большую последовательность и создать рациональный фасад. Но искажение, которое является следствием вторичной обработки, небезобидно, поскольку, в конце концов, мы обнаруживаем в нем сценарий, несущий на себе след осуществления вытесненного желания, истинного мотива сновидения.

Драматизация. Наконец, в 1901 г. Фрейд добавляет механизм *драматизации*, который состоит в превращении мысли в ситуацию, эта процедура аналогична работе режиссера, когда он преобразует письменный текст в театральное представление.

• Дневные остатки

Кроме того, формирование сновидения отвечает еще одному основному принципу, согласно которому сценарий сновидения всегда монтируется вокруг событий, произошедших накануне. Фрейд называет это *restes diurnes* (дневные остатки): *«Если мы прибегнем к анализу, то можно показать, что каждое сновидение без всяких исключений привязано к впечатлению предыдущих дней – можно сказать точнее: последнего дня перед сновидением»* (р. 86). Эти дневные остатки более или менее тесно связаны с бессознательным желанием, которое осуществляется в сновидении.

• Роль цензуры

Для Фрейда главной причиной искажения в сновидении является *цензура*. Он напоминает, что речь идет об особой инстанции на границе между сознанием и бессознательным, которая пропускает только то, что ей приятно, и задерживает остальное: то, что оказывается таким образом отклонено цензурой, находится в состоянии *вытеснения* и составляет *вытесненное*. В некоторых состояниях, например во сне, цензура ослабевает таким образом, что вытесненное может проникнуть в сознание в форме сновидения. Однако поскольку даже во сне цензура не устранена полностью, вытесненное должно претерпеть изменения, чтобы не столкнуться с ней, и это приводит к формированию *компромисса*. Процесс вытеснения, сопровождаемый

ослаблением цензуры и формированием компромисса, не является особенностью сновидения, он также часто встречается во многих психопатологических ситуациях, где мы обнаруживаем действие сгущения и смещения.

Кроме всего прочего, вторжение бессознательных желаний, не подвергшихся цензуре, может разбудить спящего, следовательно, успешное сновидение является еще и осуществлением желания поспать. Поэтому Фрейд считает одной из функций сновидения сохранение сонного состояния: «*Сновидение охраняет сон, а не нарушает его*» (р. 125).

• Цензура сновидения связана с вытесненными детскими сексуальными желаниями

Если углубить анализ сновидений, продолжает Фрейд, то часто можно обнаружить, что их латентное содержание выявляет осуществление эротических желаний. Это наблюдение подтверждает роль, которую играет цензура, направленная на сексуальное содержание, конкретнее, на вытесненные детские сексуальные желания. По мнению Фрейда, именно вытесненные сексуальные желания, берущие свое начало в детской сексуальности, «*дают самые мощные и многочисленные импульсы для формирования сновидения*» (р. 134). Несмотря на ту роль, которую играет сексуальность, очень редко случается, чтобы в явном содержании сновидения проявилось как таковое осуществление желания сексуального характера: как правило, оно замаскировано, и только работа анализа может его раскрыть. В работе *О сновидении* Фрейд не говорит об эдиповом комплексе, хотя и упоминал его уже годом раньше в *Толковании сновидений* в связи с типичными сновидениями «*о смерти близких людей*» (1900а, р. 229 [303]).

• Роль символов в сновидении

Создание символов играет главную роль в формировании сновидения, поскольку символ позволяет сновидцу обойти цензуру, делая сексуальные представления невнятными. С этой точки зрения, Фрейд различает два типа символов: с одной стороны, универсальные символы, которые используются при «разгадывании» снов с древних времен, а с другой – индивидуальные символы, относящиеся к собственной символике сновидца, как ее выявляет Фрейд. Фрейд описывает большое количество универсальных символов, которые можно толковать почти однозначно: «*Большинство символов сновидения служит для изображения людей, частей тела и деятельности, привлекающей эротический интерес; гениталии могут быть представлены особенно большим количеством символов, часто вызывающих удивление, так как самые различные предметы могут быть использованы, чтобы символически указать на половые органы*» (р. 136). На первый взгляд можно подумать, что достаточно хорошо знать универсальную символику, чтобы интерпретировать сновидение, не прибегая к ассоциациям сновидца. Однако этого недостаточно, как Фрейд уже заявил в *Толковании сновидений*, поскольку, если психоаналитик хочет избежать произвольных интерпретаций, важно использовать двойной подход и учитывать одновременно и универсальную символику, и свободные ассоциации сновидца: «*Поэтому мы вынуждены комбинировать две техники: мы опираемся на ассоциации сновидца и дополняем недостающее за счет знаний символов, накопленных интерпретатором. Осторожная критика символических значений и внимательное изучение их места в сновидении позволяют нам избежать обвинения в фантазировании и в произвольном толковании сновидения*» (1900а, р. 303 [398]).

ТОЛКОВАНИЕ СНОВИДЕНИЙ (1900а)

В учебных целях я изменил хронологический порядок этих двух произведений и в первую очередь представил короткую работу *О сновидении* (1901а), чтобы она послужила вступлением к изучению *Толкования сновидений* (1900а). За неимением места я представляю лишь план этого труда.

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S. L'interprétation des rêves*, trad. I. Meyerson, rev. D. Berger. Paris: PUF, 1967 [страницы, указанные в квадратных скобках, приведены по изданию: OCF. P., IV, 756 p.].

• **Произведение в трех частях**

Глава I, которая составляет первую часть, посвящена обзору основных научных трудов о сновидении, существовавших на тот момент. Это тщательная компиляция, которую Фрейд проделал неохотно, но которая позволила ему показать, что его предшественникам не удалось открыть прежде него тайну значения сновидений.

Вторая часть включает главы со второй по шестую. В главе II Фрейд вначале описывает метод толкования сновидений, который он применил в ходе самоанализа и в качестве иллюстрации к своим тезисам детально анализирует свое знаменитое с тех пор сновидение «*Укол, сделанный Ирме*». Интерпретируя это сновидение, Фрейд применяет следующую процедуру, которую он использует и при анализе множества других сновидений, приведенных в книге: вначале он тщательно записывает материал сновидения так, как он его запомнил при пробуждении; потом раскладывает его на несколько элементов; приводит ассоциации, свободно возникающие по поводу каждого фрагмента сна, и записывает их; исходя из этого, он устанавливает связи между разными цепочками, которые могут стать возможными интерпретациями сна. В главе III Фрейд рассматривает свой центральный тезис, согласно которому сновидение выражает осуществление неудовлетворенного желания. Однако очень часто осуществление желания не проявляется как таковое в содержании сна, поскольку подверглось искажениям. Только работа анализа позволяет обнаружить осуществление желания. Затем в главе V Фрейд изучает источники сновидения, чтобы понять, сможет ли содержание сна разрешить не разрешенные до этого момента загадки. В главе VI он показывает, как работа сновидения осуществляется при помощи механизмов сгущения, смещения, инверсии, репрезентации, вторичной обработки, а также посредством представления через символы.

Третья часть – знаменитая глава VII – представляет собой отдельное эссе, в котором Фрейд создает общую концепцию психического аппарата и его функционирования. Цель этого смелого проекта – объяснить функционирование психики, нормальное и патологическое, исходя из клинических наблюдений над сновидениями и неврозами. Здесь Фрейд проявил себя вновь как ученый, но это уже новый Фрейд, который решительно покинул нейрофизиологическую почву «Проекта научной психологии», чтобы предложить космическую модель психического аппарата. Первый раз он определяет *бессознательное, предсознательное и сознание* как особые места (*topos*, по-гречески), где локализованы психические феномены, то, что сейчас называют его «первой топикой», или первым топографическим делением психического аппарата. Между бессознательным и предсознательным действует *цензура*, предшественник понятия Сверх-Я, которая контролирует продвижение между бессознательным, предсознательным и сознанием. В числе основных гипотез, которые Фрейд выдвигает в этой центральной главе, уже предвещающей «Метапсихологию», он развивает идеи о противопоставлении *первичных и вторичных процессов*, а также о понятии *вытеснения*, которое впервые появилось в *Исследовании истерии*. При регрессии желания, вытесненные в бессознательное, присоединяются к *вытесненным сценам детства*, и поэтому содержание этих последних может вновь появиться в сновидениях, когда цензура ослаблена, или в форме *компромисса* при формировании невротических симптомов.

• **Эволюция концепций Фрейда о сновидении после 1900 г.**

Фрейд останется верен своей теории сновидений в том виде, в каком он сформулировал ее в 1900 г., и, в отличие от многих других своих теорий, лишь незначительно модифицирует

ее впоследствии. Одним из основных изменений, которые он внесет в *Толкование сновидений* после введения второй топки в 1923 г., стала замена понятия *цензуры* сновидения понятием *Сверх-Я*, и с этих пор он будет полагать роль сновидения в том, чтобы примирить между собой требования Оно и Сверх-Я (Freud, 1933a, [1932]). В то же время, хотя после 1920 г. Фрейд выдвинул свою вторую теорию влечений, он не стал развивать мысль о том, что работа сновидения имеет целью не только примирить запретное желание со Сверх-Я или с Я, но и найти компромисс или решение основного конфликта между влечением к жизни влечением к смерти, как это утверждается сегодня (Segal, 1991; Quinodoz, 2001).

Постфрейдисты

Психоаналитическое изучение самоанализа Фрейда

В своем труде, озаглавленном *Самоанализ Фрейда* и открытие психоанализа, Д. Анзье (Anzieu, 1988b) применил оригинальный ход мысли, используя психоаналитический подход для изучения условий творческой работы, которая привела Фрейда к открытию психоанализа между 1895 и 1902 гг. Анзье опирался на многочисленные документы, предоставленные самим Фрейдом, в которых он иногда эксплицитно, а иногда безотчетно воспроизводит богатую продукцию бессознательного, поддающуюся анализу: сновидения, воспоминания детства, ошибочные действия, забывания или оговорки. В результате скрупулезного исследования Анзье удалось датировать большинство снов Фрейда, упомянутых в *Толковании сновидений*, и изучить их в хронологическом порядке в свете многочисленных документов самоанализа. Эта работа позволила Анзье показать внутреннюю жизнь Фрейда в те решающие годы, когда он последовательно открыл смысл сновидений, эдипов комплекс, фантазию первичной сцены и страх кастрации (Anzieu, 1959, 1988b).

Толкование сновидений в современной клинической практике

Толкование сновидений породило и до сих пор порождает многочисленные психоаналитические и непсихоаналитические публикации исследователей Фрейда; их число слишком велико, чтобы я мог упомянуть о них здесь. Однако, несмотря на все их богатство и разнообразие, постфрейдистские работы о сновидениях так и не смогли отодвинуть на второй план фундаментальный труд Фрейда. А. Грин отмечает: «Из всех открытий Фрейда сновидение, видимо, то, в которое психоаналитики, продолжившие работу после *Толкования сновидений*, смогли сделать наименьший вклад» (1972, р. 179). Действительно, когда будущим психоаналитикам преподают технику интерпретации, то именно к этому труду обращаются в первую очередь, и не столько по историческим причинам, сколько потому, что и в наши дни это по-прежнему единственная работа, в которой представлен общий подход к этому вопросу. Однако из числа общих трудов я упомянул бы работу Э. Шарп (E. Sharpe. «Dream Analysis»), которая представляет собой введение в интерпретацию сновидений в психоаналитическом лечении и отнюдь не потеряла своей актуальности, хотя была опубликована в 1937 г. Труды общего значения редки, постфрейдистские разработки в области интерпретации сновидений по большей части касаются отдельных аспектов ее теории и техники и выходят в виде журнальных статей. Однако наиболее значительные статьи были собраны в нескольких коллективных изданиях: «Essential Papers on Dreams» (Lansky, 1992), «The Dream Discourse Today» (Flanders, 1993), «Dreaming and Thinking» (Perelberg, 2000). Эти

подборки текстов отражают точки зрения психоаналитиков, принадлежащих к разным современным течениям психоанализа.

Тем не менее надо признать, что если мы бросим ретроспективный взгляд на всю совокупность постфрейдистских работ о сновидении, мы обнаружим, что за последние три-четыре десятилетия в области анализа сновидений было сделано относительно мало. Согласно Фландерсу, это произошло из-за постепенного изменения техники: в 1920–1930-е годы первые психоаналитики отдавали предпочтение анализу сновидений, в то время как начиная с 1950-х годов все большее значение придавалось анализу переноса. Фландерс изящно подводит итог этой эволюции: *«Перенос стал царским путем к пониманию эмоциональной и психической жизни пациента»* (1993, р. 13). Он с радостью констатирует, что, несмотря на сокращение количества теоретических публикаций, посвященных сновидениям, анализ сновидений полностью сохранил свое значение в психоаналитической практике, о чем свидетельствует тот факт, что большинство клинических случаев, публикуемых сегодня, иллюстрируются анализом одного или нескольких сновидений пациентов.

Хронология понятий

Цензура – компромисс – сгущение – манифестное содержание, латентное содержание – смещение – драматизация – вторичная обработка – репрезентация – дневной остаток – сверхдетерминированность – символика сновидения – работа анализа – работа сновидения.

Психопатология обыденной жизни (1901b)

Ошибочные действия: проявления бессознательного в повседневной жизни нормального человека

Создавая этот труд, Фрейд стремится познакомить широкую публику с существованием бессознательного, как оно дает себя знать через «осечки» вытеснения, которые представляют собой «ошибочные действия». Что такое ошибочное действие? Это невольное проявление бессознательного, которое случается в жизни каждого нормального человека, а не только невротика. Фрейд подчеркивает, что для того, чтобы попасть в эту категорию, проявления такого рода не должны превышать *«то, что мы называем границами нормального состояния»*, должны *«иметь характер временного нарушения»*, это *«действия, которые ранее выполнялись правильно»* (р. 275). В немецком языке понятие «ошибочного действия» имеет более широкий смысл, чем во французском; оно включает обширный диапазон безобидных с виду явлений, например, досадные жесты [*gestes malencontreux*], оговорки, забывания, отрицания или недопонимания, и не ограничивается моторными действиями, такими как потеря или поломка ценного предмета, как это предполагает словоупотребление во французском языке. Более того, в немецком языке все слова, обозначающие эти осечки бессознательного, имеют приставку «*Verg-*», что позволяет объединить их в одно целое: *«das Vergessen (забывание), das Versprechen (оговорка), das Verlesen (ошибка при чтении), das Verschreiben (описка), das Vergreifen (ошибочное действие), das Verlieren (потеря предмета)»* (Laplanche, Pontalis, 1967, р. 6).

В *Психопатологии обыденной жизни* Фрейд описывает разные формы ошибочных действий и иллюстрирует их многочисленными примерами. Несмотря на их разнообразие, все эти явления подчиняются общему психическому механизму, аналогичному тому, который определяет сновидение: они являются явным выражением желания, которое было до этого вытеснено в бессознательное, – желания, которое может быть обнаружено при помощи свободных ассоциаций. Успех *Психопатологии обыденной жизни* далеко превзошел ожидания Фрейда, и идеи, представленные им в этом труде, без сомнения, и сегодня являются наиболее известными психоаналитическими концепциями. Кто в наши дни не улыбался над оговоркой или ошибочным действием, демонстрируя мгновенное понимание, что подобная «случайность» выдает что-то тайное намерение, являясь прямым выражением его бессознательного?

Биографии и история

Самый популярный и самый читаемый труд Фрейда

В 1899 г., завершив работу над «Толкованием сновидений», Фрейд начал сбор материалов, на основании которых создал три работы, распространившие его открытия в области сновидения на смежные области: «Психопатологию обыденной жизни» (1901b), «Остроумие и его отношение к бессознательному» (1905c) и «Три очерка по теории сексуальности» (1905b). Самоанализ позволил ему преодолеть свои личные запреты и достичь улучшения эмоционального равновесия. Фрейд начал систематически анализировать свои собственные ошибочные действия, т. е. свои забывания и оговорки, так же, как он анализировал свои сновидения. В письме к В. Флиссу от 26 августа 1898 г. Фрейд в первый раз упоминает об «осечках» бессознательного, рассказывая, как забыл имя поэта Джулиуса Мозена; в письме от 26 сентября 1898 г. он приводит в пример забывание

имени Синьорелли, которое заместили в его памяти имена Боттичелли и Больтраффио, – случай, который займет важное место в первой главе «Психопатологии обыденной жизни». Помимо того, что этот труд изобилует личными анекдотами из семейной и профессиональной жизни Фрейда, его написание, по всей видимости, тесно связано с ухудшением отношений с Флиссом, с которым Фрейд рвет в 1902 г., полностью признавая, однако, роль, которую Флисс играл в его жизни до того момента: «В этой книге есть масса вещей, которые касаются тебя, очевидных вещей, для которых ты предоставил мне материал, и скрытых вещей, мотивация которых тебя убила» (Фрейд Флиссу, письмо от 7 августа 1901, р. 297).

«Психопатология обыденной жизни» появилась в 1901 г. в форме отдельных статей, позднее, в 1904 г., статьи были собраны в книгу. Идеи, которые Фрейд развивает здесь, были резко раскритикованы психологами, но это не помешало им стремительно завоевать публику, таким образом «Психопатология обыденной жизни» изначально оказала значительно большее влияние на популяризацию психоанализа, чем «Толкование сновидений». При жизни Фрейда труд выдержал десять изданий и постоянно обогащался как дополнениями самого автора, так и благодаря вкладу его учеников. В то время как издание 1904 г. содержало 66 примеров ошибочных действий, 49 из которых наблюдал сам Фрейд, актуальное издание 1924 г. содержит 300 примеров, из которых половина была представлена другими наблюдателями, что в четыре раза увеличило первоначальный объем произведения. В 1909 г. во время плавания в США Фрейд получил подтверждение популярности своей книги, с радостным удивлением увидев одного из стюардов на корабле погруженным в чтение «Психопатологии обыденной жизни».

Изучая произведение

Указанные страницы относятся к изданию: *Freud S. (1901b). Psychopathologie de la vie quotidienne, trad. S. Jankélévitch. Paris: Payot, 1922, 1967, 298 p.*

• Первый пример: забытое имя Синьорелли

Вступительная глава посвящена детальному изучению забывания имени собственного, имени художника Синьорелли, автора фрески *Страшного суда* в соборе Орвието, – забывания, которое ранее уже стало предметом краткой публикации (1898в). Фрейд сообщает, что однажды в разговоре он не смог вспомнить имя Синьорелли и что вместо него ему пришли на ум имена двух других художников, Боттичелли и Больтраффио, которые он опознал как неверные. Следуя ходу своих воспоминаний и ассоциаций, связанных с этими именами, в соответствии с процедурой, применяемой при анализе сновидения, Фрейд смог обнаружить мотив вытеснения в этом забывании. В результате ряда умозаключений имя *Боттичелли* в конце концов привело его на память *Боснию*, а имя *Больтраффио* напомнило город *Траффо* – два географических пункта, тесно связанных с мучительными воспоминаниями, имеющими отношение к сексуальности и смерти. Тогда он осознал, что сексуальность и смерть – главные темы фрески *Страшного суда* Синьорелли! Таким образом, забывание имени Синьорелли стало результатом компромисса, который позволил частично забыть неприятное воспоминание, однако не полностью, поскольку оно появилось замаскированным в именах Боттичелли и Больтраффио: «Замещающие имена, в свою очередь, уже не кажутся мне произвольными, как до объяснения, – заключает Фрейд. – Они уведомляют меня (в результате известного рода компромисса) как о том, что я забыл, так и о том, что я хотел вспомнить, и показывают

мне, что мое намерение позабыть нечто не увенчалось полным успехом, но и не стало полным провалом» (р. 11).

• Систематическое изучение различных форм ошибочных действий

После главы, посвященной забыванию имен собственных, Фрейд рассматривает другие формы забывания, такие как забывание иностранных слов, забывание названий и словосочетаний, забывание впечатлений и намерений. Затем он вновь возвращается к вопросу о воспоминаниях детства и «покрывающих воспоминаниях», формирование которых похоже на формирование ошибочных действий: когда содержание детского воспоминания сталкивается с сопротивлениями, оно вытесняется и не появляется как таковое, а только в замещающей форме покрывающего воспоминания, лишённого огорчающих аффектов. Пятая глава посвящена тщательному изучению оговорок – хорошо известного явления, при котором одно слово употребляется вместо другого. Приведем один из многочисленных примеров, взятый из статьи, появившейся в венской газете *Neue Freie Presse*. Газета сообщила об оговорке председателя австрийской Палаты депутатов, который торжественно «открыл» заседание, объявив его «закрытым»: «Общий смех, последовавший за этим объявлением, сразу же обратил его внимание на ошибку, и он исправил ее. Наиболее вероятное объяснение в данном случае, – добавляет Фрейд, – могло бы быть таково: в глубине души председатель хотел иметь уже возможность закрыть это заседание, от которого он не ждал ничего хорошего» (р. 71–72).

В следующих главах Фрейд последовательно изучает ошибки при чтении и описки, недоразумения и неловкости, симптоматические действия, а также сочетания нескольких ошибочных действий. Заключительная глава посвящена детерминизму, вере в случай и суевериям. Фрейд развивает мысль о том, что ошибочные действия происходят не случайно и не по невнимательности, как об этом склонен думать человек, совершающий их, а являются результатом вмешательства вытесненной идеи, нарушающей речь или действия, с которыми указанное лицо обычно хорошо справляется. Эта точка зрения приводит Фрейда к заключению, что существуют два типа случайностей: «внешняя» случайность, причины которой не связаны с психологией, и «внутренняя случайность», в которой психический детерминизм играет главную роль в той мере, в которой ошибочное действие является продуктом *бессознательного* намерения, замещающего намерение *сознательное*.

• Как формируется ошибочное действие?

Несмотря на свое бесконечное разнообразие, ошибочные действия основываются на общем механизме: все они являются выражением желания, вытесненного в бессознательное, доступ к которому возможен благодаря работе анализа. По Фрейду, ошибочное действие – результат компромисса между *сознательным* намерением субъекта – в приведенном выше примере, «открыть сессию» Парламента было сознательным намерением председателя палаты депутатов – и связанным с ним *бессознательным* желанием – «закрыть заседание», которое невольно проявилось в его речи. С этой точки зрения, всякое ошибочное действие имеет две грани, как отмечают Лапланш и Понталис: «... ясно, что так называемое ошибочное действие в другом плане представляет собой действие удавшееся: бессознательное желание осуществляется через него часто очень явным образом» (1967, р. 6).

Таким образом, в формировании ошибочного действия участвуют те же механизмы, которые определяют формирование сновидений и симптомов – механизмы, описанные Фрейдом в *Толковании сновидений*: сгущение, смещение, замещение или обращение в противоположное. Следовательно, как и при анализе сновидения или симптома, скрытый смысл ошибочного действия можно понять, прибегнув к свободным ассоциациям. Что же касается связи между подразумевавшимся словом и словом, возникшим в результате замещения, она устанавливается по-разному, например по смежности: *закрыть сессию* вместо того, чтобы *открыть*

ее; или по созвучию – имя *Синьорелли* имеет фонетическое сходство с именами *Боттичелли* и *Босния*, *Болтраффио* и *Трафой*. Эта связь также может быть установлена на основании ассоциаций, отсылающих к личной истории субъекта.

• Каковы источники ошибочных действий?

Согласно Фрейду, наш разум непрерывно полон мыслей и ассоциаций, которые мы, как правило, не осознаем и которые образуют нарушающие комплексы. Этим комплексам суждено быть вытесненными в бессознательное, но они могут внезапно прорваться в форме ошибочных действий. Внутреннее сопротивление противится их прояснению, и, если вытесненные мысли иногда очевидны для интерпретации, чаще всего они подлежат дешифровке только при условии подробного анализа. Добавим также, что, хотя ошибочное действие часто выдает нас, Фрейд приводит разные примеры, как оно может оказаться полезным: *«Этот пример описывает один из тех случаев, не очень частых, впрочем, когда забывание встает на службу нашей осторожности в тот момент, когда мы готовы поддаться импульсивному желанию. Тогда ошибочное действие выполняет полезную функцию. Опомнившись, мы ценим это внутреннее движение, которое, в то время как мы были захвачены желанием, могло проявиться только в форме оговорки, забывчивости или психического бессилия»* (р. 27).

В заключение Фрейд показывает, что существует преемственность между явлениями, которые мы наблюдаем в нормальной психической жизни и в психопатологии: *«Если мы поставим их [ошибочные действия] на одну доску с проявлениями психоневроза и с невротическими симптомами, то сообщим смысл и основание двум весьма распространенным утверждениям: что между нормальным нервным состоянием и аномальным нервным функционированием не существует четкой границы и что все мы немного невротичны»* (р. 320).

Я думаю, что идеи и особенно многочисленные примеры, приведенные в *Психопатологии обывденной жизни*, не следует пересказывать далее. Таким образом, я оставляю читателю удовольствие ознакомиться с ними самостоятельно.

Постфрейдисты

Ошибочные действия и отношения переноса

Являются ли забывания, оговорки и другие формы ошибочных действий всего лишь проявлениями обычной жизни нормальной личности, или же они обнаруживаются в психоаналитическом лечении невротиков? Хотя Фрейд в заключительной части своего труда сопоставил ошибочные действия с невротическими расстройствами, он прямо не говорит о том, как интерпретирует их в психоаналитической ситуации. Однако он затрагивает этот вопрос косвенно, указывая на сходство между механизмом формирования ошибочных действий и механизмом формирования сновидений. Таким образом, показывая, что ошибочные действия являются выражением вытесненного бессознательного желания и что работа анализа позволяет обнаружить их латентное значение, Фрейд открывает путь к интерпретации ошибочных действий в отношениях переноса наравне с интерпретацией сновидений и симптомов.

В настоящее время практикующие психоаналитики уделяют большое внимание интерпретации ошибочных действий, которые возникают в отношениях переноса и контрпереноса, проявляются ли они в форме «осечек» в поведении пациента, забывания, оговорки или ошибок. Ошибочные действия пациента часто очень наглядно раскрывают его вытесненное бессознательное желание, а иногда и вытесненное желание терапевта, раскрывая разные аспекты его контрпереноса. Обычно ошибочные действия в прямом смысле слова обозначают термином «отыгрывание внутри

сессии» (*acting in*), если они происходят во время сессии, например, если пациент приходит с опозданием или засыпает на кушетке, и «отыгрывание вне сессии» (*acting out*), если они происходят вне сессии, в том случае, когда их можно рассматривать как смещения, связанные с переносом. Страх сепарации и потери объекта составляет одну из наиболее частых первопричин ошибочных действий, совершаемых в рамках отношений между анализандом и аналитиком (Quinodoz, 1991). Случается, например, что пациент пропускает сессию после того, как он был взволнован, сам того не осознавая, аффективной реакцией в отношении с аналитиком: когда смысл этого ошибочного действия выявлен, он может обнаружить различные подавленные чувства, например неприязнь к аналитику, вызванную разочарованием, которая может проявиться в форме опоздания на сессию. Только ассоциации, предоставленные пациентом, способны пролить свет на настоящие причины ошибочного действия. Мы должны это учитывать, если желаем избежать произвольных и неправильных интерпретаций. Что же касается оговорок в ходе анализа, важность которых особо подчеркивал Лакан, то они в особенности проясняют отношения между структурой речи и структурой бессознательного и представляют собой одну из возможностей получить информацию о текущем состоянии бессознательного переноса.

Должен ли психоанализ быть уделом лишь тех, кому доступен символический смысл?

Осознание бессознательного значения ошибочного действия или оговорки доступно не каждому: на самом деле ошибочное действие или оговорка имеет смысл главным образом для окружения человека и вовсе не обязательно – для него самого, в соответствии с самим определением бессознательного: бессознательное – это то, что ускользает от сознания субъекта. Часто лишь после долгой работы анализа человеку постепенно удается постичь ускользающее от него значение ошибочного действия или вырвавшейся у него оговорки и связать их с эмоциями, возникающими в отношениях с аналитиком.

Возможность осознать значение ошибочного действия или любой другой продукции бессознательного частично зависит от силы, с которой сопротивление препятствует осознанию этих симптоматических действий, но частично и от способности человека постичь символический смысл собственных слов или симптоматических действий. Действительно, эта способность к постижению символического смысла у людей существенно различается, что ставит вопрос о пригодности человека к анализу, т. е. оценке, в какой мере человек будет поддаваться работе интерпретации и – что еще важнее – интерпретации отношений переноса. Позиции психоаналитиков по этому поводу различны: некоторые из них, особенно во Франции, считают психоаналитическое лечение исключительно уделом тех, кто изначально хорошо знает символический смысл своей речи, т. е. для представителей невротического типа личности (Gibeault, 2000). Наоборот, другие психоаналитики, например принадлежащие к кляйнианскому направлению, считают, что существует два уровня символизации: примитивный уровень, на котором преобладает конкретное мышление и психика функционирует в «символическом равновесии», и более развитый уровень, на котором преобладает способность символической

репрезентации и который соответствует невротической организации. С точки зрения последних, происходит постоянное перемещение с примитивного уровня на развитый уровень символизации и обратно, таким образом, открывается множество возможностей для психоаналитического лечения не только невротичных пациентов, но и *пограничных* пациентов и психотиков, не считая примитивной части функционирования, которую мы встречаем у каждого индивида, невротичного и нормального (Jackson et Williams, 1994).

Хронология понятий

Ошибочные действия – сгущение – смещение – оговорки – забывание имен – замещение.

Остроумие и его отношение к бессознательному (1905с)

Что именно в остроте вызывает смех?

Фрейд коллекционировал остроты – по-немецки *Witz*, – а также еврейские анекдоты: у него было тонкое чувство юмора. Неудивительно, что он захотел обнаружить скрытые пружины смеха. В этой работе он систематически рассматривает огромное разнообразие форм комического, которые попадают под общее понятие остроумия, и выдвигает гипотезу, что остроумие выявляет влияние бессознательного, которое исподволь руководит словом и речью. Механизмы, производящие комический эффект, имеют значительное сходство с психической работой, которая осуществляется в сновидении: мы наблюдаем здесь *сгущение*, что означает выразить многое, сказав мало; здесь же мы снова встречаем процесс *смещения*, позволяющий обойти запреты, которые цензура накладывает на вытесненное содержание агрессивного или сексуального характера, позволяя ему вернуться в другой форме; наконец, мы узнаем здесь и процедуру *наглядного изображения* [*figuration*], которая изменяет форму слов, создавая двусмысленности или игру слов, или трансформирует мысль, порождая нонсенс или заменяя мысль на противоположную. Но в отличие от сновидения, которое Фрейд рассматривает как асоциальный продукт психики, остроумие представляет собой наиболее социальную форму психической деятельности: это усовершенствованная игра, цель которой – получить выигрыш, удовольствие, таким образом, здесь мы не находим механизма регрессии, как в сновидении. Конечно, и в сновидении существует поиск удовольствия, но там оно возникает в процессе регрессии к галлюцинаторному удовлетворению, чтобы избежать неудовольствия.

Биографии и история

Сходство между сновидениями, ошибочными действиями и остроумием

Фрейд – обладатель тонкого чувства юмора

Возможно, именно Флисс побудил своего друга к этому труду, поскольку, прочитав «Толкование сновидений», присланное ему Фрейдом в гранках, он заметил, что в сновидениях очень часто встречается игра слов. Фрейд ему ответил: «Все сновидцы – невыносимые шутники по необходимости, поскольку они находятся в затруднении, и прямой путь для них закрыт. <... > Характер забавного всех бессознательных процессов тесно связан с теорией остроумия и комического» (Фрейд Флиссу, письмо от 11 сентября 1899, р. 263). В «Исследовании истерии» Фрейд впервые показал роль символизации и полисемии на примере сновидения фрау Сесиль М... (1895d, р. 145, п. 1), и в «Толковании сновидений» он приводит тому многочисленные примеры. Публикация в 1898 г. работы Теодора Липпса «Komik und Humor» также повлияла на решение Фрейда взяться за перо. Работа над этим произведением, постоянно увеличивающимся в объеме и по многим причинам трудоемким, отняла у него много времени, тем более что одновременно с «Остроумием» он писал «Три очерка по теории сексуальности», выделив каждой работе отдельное место на рабочем столе. Оба труда вышли в свет одновременно в 1905 г.

Однако интерес Фрейда к остроумию был не только научным, поскольку он сам обладал тонким чувством юмора: его переписка изобилует забавными анекдотами. Многие современники отмечали его способность найти смешную сторону почти в любой ситуации. В 1938 г., когда Фрейд покидал Австрию,

чтобы искать убежища в Лондоне, подписывая по требованию нацистских властей декларацию, удостоверяющую, что он не подвергался преследованиям, Фрейд сопроводил ее комментарием, свидетельствующим о его чувстве юмора: «От всего сердца могу рекомендовать Гестапо каждому».

«Witz» с трудом поддается переводу

«Остроумие и его отношение к бессознательному» представляет гораздо большие трудности для перевода, чем все остальные труды Фрейда, и этим отчасти объясняется тот факт, что это произведение – одно из наименее известных в аудитории, не владеющей немецким языком. Уже сам термин «Witz» – чье произношение в немецком языке созвучно с «Blitz» (молния) – не имеет соответствия в большинстве других языков. На французский, например, оно было переведено как «mot d'esprit» (острота), Переводчик Д. Мессье пишет: «Этот термин может обозначать как остроуту, так и остроумие, то есть способность „быть остроумным“» (1988, р. 423). Напротив, переводчики «Полного собрания сочинений» считают предыдущий перевод некорректным и предпочитают термин «trait d'esprit» (острота) – перевод слова «Witz», предложенный Лаканом, – так как в слове «Witz» нет части со значением «слово», и «mot d'esprit» (букв. остроумное слово) таким образом можно спутать с немецким «Wortwitz» (игра слов) и «Gedankenwitz» (игра ума) (Bourguignon et al., 1989, р. 150). Кроме того, как перевести смешную игру слов в немецком языке, если соответствующих слов не существует в других языках? Именно это делает большую часть труда непереводаемой. Большинство переводчиков предпочли внести необходимые разъяснения в сносках, пытаясь сделать как можно более доступными мысли Фрейда, столь выразительные в немецком оригинале.

Изучая произведение

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S. (1905c). Le mot d'esprit et sa relation à l'inconscient, trad. D. Messier. Paris, 1988, 442 p.*

Это произведение делится на три части: первая посвящена технике остроумия, т. е. разным приемам, которые использует психика, чтобы произвести комический эффект; вторая часть рассматривает побудительные мотивы остроумия, в частности роль, которую играет удовольствие с точки зрения психической экономии; третья часть изучает отношения между остроумием и сновидением в свете понятия «исполнение желания»; завершается труд коротким очерком о разных родах комического.

• ТЕХНИКИ, НА КОТОРЫХ ОСНОВАН КОМИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ ОСТРОТ

Комический эффект остроты достигается, по мнению Фрейда, за счет двух различных техник: первая основывается на *словах* как таковых и зависит от вербального выражения; вторая основана на *мысли*, которая содержится в остроте, и от вербального выражения не зависит.

• Техники, основанные на игре слов

В том, что касается острот, основанных на игре слов, Фрейд выделяет три различных способа, построенных на общей технике – *сгущении* – механизме, характерном для работы сновидения.

Первый способ состоит в *сгущении двух слов или двух фрагментов слов*, при котором рождается неологизм, бессмысленный на первый взгляд. Но это смешанное слово получает смешной для слушателей смысл. Например, Фрейд приводит остроуту, обыгрывающую термин

фамиллионерно – необычное слово, которое произносит некий персонаж в романе Гейне. В этом романе автор создает образ человека из народа, кичащегося отношениями, которые он поддерживает с богатым бароном Ротшильдом. Хвастаясь перед поэтом своим престижным знакомством, человек из народа заявляет: «...я сидел рядом с Соломоном Ротшильдом, и он обращался со мной совершенно как с ровней, совершенно **фамиллионерно**» (р. 56). В этом примере комический эффект создается благодаря слову, которое формирует высказывание: используется техника *контаминации* двух слов – «фамильярно» и «миллионер», в которых нет ничего смешного, если взять их по отдельности. Потом эти слова претерпевают *сгущение*, образуя смешанное слово, чтобы создать неологизм – «*фамиллионерно*». Это слово непонятно само по себе, но слушатели, знающие контекст, мгновенно схватывают его смысл, что вызывает взрыв смеха. Фрейд приводит и другие примеры смешного, связанного с техникой сгущения с последующим образованием замещающего понятия, скажем, слово «*Клеопольд*», которое он разбирает так: «*Злые языки Европы окрестили, говорят, однажды некоего монарха по имени Леопольд Клеопольдом из-за его тогдашних отношений с дамой по имени Клео...*» (р. 64).

Второй способ заключается в *использовании единственного слова, которому придается двойное значение*. Фрейд приводит пример, основанный на созвучии фамилии «*Rousseau*» и слов «*roux*» (рыжий) и «*sot*» (дурак). Хозяйка дома пошутила следующим образом, столкнувшись с полным отсутствием воспитания у приглашенного в гости молодого человека. Обратившись к этому невеже, который носил имя своего предка Жан-Жака Руссо и был рыжеволосым, она с юмором сказала: «*Меня познакомили с рыжим и глупым юношей, а вовсе не с Руссо*» (р. 79). Здесь техника остроумия состоит в том, что одно и то же слово – *Руссо* — используется дважды: сперва целиком, а затем разделенным на слоги, как в шараде.

Третий способ, используемый для создания острот, состоит в упоминании *двузначности* или *нескольких смыслов* одного и того же слова, как это делается в *игре слов*. Игра слов – идеальный случай многократного использования одного и того же материала: «...здесь *над словом не производят никаких насильственных манипуляций, оно не расчленяется на части, составляющие его* <...> именно благодаря слову как оно есть и его точному положению в структуре фразы удается, при определенном стечении обстоятельств, выразить двойной смысл» (р. 91). Фрейд иллюстрирует эту технику примером: «*Одним из первых действий Наполеона III после его прихода к власти явилась, говорят, конфискация имущества Орлеанского дома. В эту эпоху бытовала превосходная игра слов: „C'est le premier vol de l'aigle“*»⁴ (р. 91).

По Фрейду, образование сгущения происходит при всех трех способах по закону экономии средств, как это видно в приведенном выше примере: «*„Vol“*; – говорит нам Фрейд, – *означает как „полет“, так и „грабеж“*. *Не произошли ли при этом сгущение и экономия? Разумеется: ведь вся вторая мысль опущена, и при этом без всякой замены*» (р. 100). Фрейд подводит итог: «*Все эти техники подчиняются тенденции к концентрации* («*zusammendrängende Tendenz*»), *или, точнее, тенденции к экономии*» (р. 100), иначе говоря, экономии выразительных средств.

Что касается каламбуров, это, без сомнения, самый распространенный вид остроумия, но они составляют «самую низшую разновидность остроумия, основанную на словах (*Wortwitze*), *вероятно, потому, что они – „самые дешевые“ и могут быть созданы без особого труда*» (р. 104).

• **Техники, основанные на мысли**

Продолжая подробное исследование различных техник, Фрейд рассматривает остроты, основанные на *мысли*, т. е. обусловленные не словом как таковым, а ходом мысли и не зави-

⁴ «Это первый полет орла». Острота основана на двойном значении французского слова «vol» (полет и грабеж); Орленком же называли Наполеона III. – *Прим. ред.*

сящие от вербального выражения. В этих случаях *работа остроумия*, как он называет ее по аналогии с работой сна, пользуется ходом мыслей, отклоняющимся от нормальной расщудочной деятельности, как техническим средством, чтобы произвести остроумное выражение. Фрейд называет несколько способов, например: *смещение*, которое использует логику, чтобы скрыть ошибку в рассуждениях; или другую процедуру, которая использует *бессмыслицу*, чтобы создать остроу. Что превращает бессмыслицу в остроу? Фрейд остроумно отвечает, что «*в такой остроумной бессмыслице скрывается смысл, и именно этот смысл в бессмыслице превращает бессмыслицу в остроу*» (р. 123). Итак, здесь техника заключается в том, чтобы сказать глупость, бессмыслицу, значение которой подчеркивает другую глупость, другую бессмыслицу.

• **Безобидные и тенденциозные остроуы**

В зависимости от разных реакций, которые остроуы вызывают у слушателей, их можно разделить на *безобидные* и *тенденциозные*. Смысл безобидной остроуы в ней самой, она не преследует никакой особой цели. Напротив, тенденциозная остроуа имеет умысел и подчиняется разным побудительным причинам, таким как враждебность (агрессия, сатира, цинизм), сквернословие (стремится к обнажению), непристойность, подчеркивающая сексуальное, и скептицизм, который, с точки зрения Фрейда, является худшим из мотивов.

• **ОСТРОУЫ КАК ИСТОЧНИК УДОВОЛЬСТВИЯ И КАК СОЦИАЛЬНАЯ СВЯЗЬ**

Во второй части работы Фрейд задается вопросом о роли, которую в механизме остроумия играет удовольствие. Механизмы, обеспечивающие эффект удовольствия, проще обнаружить в тенденциозных остроуах, чем в безобидных, поскольку в первых удовлетворяется некое стремление, а удовлетворение – это источник удовольствия. Но это стремление сталкивается с препятствиями, которые остроуа позволяет обойти, будь то внешние препятствия (страх перед лицом, в которое метит скрытое оскорбление) или внутренние препятствия, связанные с воспитанием. В двух случаях употребления тенденциозных остроуов они доставляют удовольствие, потому что выигрыш удовольствия соответствует «*экономии, полученной на издержках тор-можения или подавления*» (р. 226). В безобидных остроуах техника остроумия сама по себе является источником удовольствия, как при игре слов.

Тенденциозное остроумие имеет социальное значение, которым не обладает безобидное, поскольку требует участия трех лиц: первого, которое острит; второго, выступающего как объект враждебной или сексуальной агрессии; наконец, третьего, которое слышит остроу и получает удовольствие, согласно замыслу. Почему присутствие третьего лица необходимо? По Фрейду, остроуа направлена на то, чтобы доставить удовольствие одновременно своему автору и третьему лицу, которое ее слышит: «*Таким образом, остроуа – это плутовка, служанка двух господ*» (р. 282). Но удовольствие автора – тайное, поскольку обычно автор остроуы смеется над ней не сам, а как бы *рикошетом*, через человека, которого он рассмешил (р. 283).

• **ОСТРОУМИЕ, СНОВИДЕНИЕ И РАЗНООБРАЗИЕ КОМИЧЕСКОГО**

• **Сновидение, остроуа и возвращение к детскому бессознательному**

В третьей части Фрейд сравнивает сновидение и остроуы и заканчивает свой труд очерком о комическом, юморе и остроумии.

Вначале Фрейд сравнивает сновидение и остроумие, стараясь установить сходства и различия. Сновидение – это, прежде всего, выражение осуществления желания с целью избежать неудовольствия, в то время как остроуа служит для получения удовольствия. Это удовольствие достигается сновидением не только за счет различных техник, но и через возвращение к детскому бессознательному, которое является его первоначальным источником. В период, когда

ребенок овладевает речью, можно наблюдать, как он играет со словами и соединяет их, не заботясь о смысле, получая удовольствие в основном от их звучания. Это удовольствие постепенно становится ему недоступным из-за появления внутреннего критика – цензуры, допускающей только словосочетания, имеющие смысл. Позднее взрослый будет использовать это обращение к игре словами, чтобы вернуть детское удовольствие и обойти цензуру, бунтуя против ограничений мысли и реальности.

• **Разнообразие комического**

Фрейд продолжает свои размышления, изучая разные формы комического – такие, как имитация, пародия, карикатура и т. д. Он видит источник удовольствия от некоторых форм комического в сравнении собственного Я с другим человеком. Труд заканчивается очерком, посвященным юмору, который Фрейд отделяет от иронии; этот текст получит продолжение 20 годами позже в короткой статье под названием «Юмор» (1927d), в которой Фрейд введет понятие Сверх-Я.

Постфрейдисты

Лакан: остроумие и «вспышки» осознания

«Возвращение» к первым работам Фрейда

В начале 1950-х годов Жак Лакан призвал психоаналитиков вернуться к Фрейду. Что означало это возвращение к Фрейду? На самом деле речь шла не о всех сочинениях Фрейда, а только о его первых теоретических работах, в которых он говорит о бессознательном в связи с речью: Толкование сновидений, Психопатология обыденной жизни, Остроумие и его отношении к бессознательному. Эти три труда, написанные почти одновременно между 1900 и 1905 гг., уделяют особенное внимание речи как скрытому выражению бессознательного, и именно в этой трилогии Лакан почерпнул свои основные понятия, в частности понятие остроумия, которому он придаст «статус истинного психоаналитического концепта» (Roudinesco, Plon, 1997).

Деятельность Лакана разворачивалась в несколько этапов. В 1953 г. он начинает свой доклад на римском конгрессе⁵ с призыва вернуться к смыслу.

«Смысл возвращения к Фрейду – это возвращение к смыслу Фрейда», – заявил он, остроумно играя словами (1955, р. 405). Подчеркивая важность смысла, Лакан стремился восстановить психоаналитический опыт бессознательного в его оригинальном, чисто фрейдистском значении, как он его понимал, поскольку полагал, что его современники пренебрегают смыслом слова (1953, р. 243).

Бессознательное, структурированное как язык

Начиная с 1956 г. Лакан сосредоточился на символическом измерении опыта бессознательного, опираясь на достижения лингвистики, особенно на различие понятий «означаемое» и «означающее», введенных швейцарским лингвистом Ф. де Соссюром. Это позволило Лакану выявить «*главенство означающего над означаемым*» – таково было, с его точки зрения, одно из существенных заключений, вытекающих из работы Фрейда *Толкование сновидений*. Действительно, применение метода свободных ассоциаций все ближе и ближе подводит к мысленным цепочкам, которые, в свою

⁵ Название конгресса – «Fonction et champ de la parole et du langage». – *Прим. ред.*

очередь, ведут к речевым цепочкам, – техника, позволяющая найти след утерянного означающего: «*За этим словом – вся структура языка, которую аналитический опыт открывает в бессознательном*» (Lacan, 1957, p. 494–495). Под этим структуральным углом зрения Лакан пересмотрел понятие сгущения, общее для сновидения и для остроумия, которую он переводит как «*остроумное замечание*» [или остроумная мысль, *trait d'esprit*], и пришел к выводу, что остроумия есть означающее, которое разоблачает при помощи языковой игры бессознательную истину, которую субъект старался скрыть.

В результате пересмотра понятий сгущения и смещения Лакан выдвинул свое знаменитое предположение, будто «*бессознательное структурировано как язык*». В этом предположении содержится в сжатом виде главная гипотеза Лакана, согласно которой механизмы формирования бессознательного в точности соответствуют механизмам формирования смысла в языке, как отмечает Жозель Дор: «*Можно даже считать эту гипотезу основной в теоретических разработках Лакана, хотя бы потому, что это предположение воплощает смысл возвращения к Фрейду, к которому Лакан не прекращал призывать с самого начала своей работы*» (Dor, 1985, p. 17).

Расхождения во взглядах на технику, теорию и обучение

Психоаналитические труды Лакана, особенно те, которые имеют отношение к проблемам языка, вызывали – и сегодня по-прежнему вызывают – интерес, выходящий далеко за пределы психоаналитических кругов. В то же время очень рано проявились расхождения по основным вопросам между Лаканом и его коллегами, принадлежащими к Международной психоаналитической ассоциации (МПА). В 1953 г. эти противоречия привели к расколу, и в 1964 г. Лакан «в одиночку» основал Французскую школу психоанализа. Он принял решение распустить ее незадолго до своей смерти в 1980 г. С тех пор движение лаканистов раздроблено на многочисленные группы.

Я думаю, что, с точки зрения техники, «возвращение» к Фрейду, провозглашенное Лаканом в 1953 г., сконцентрировало внимание на неврозе и на вербальной коммуникации, что противоречило более поздним трудам Фрейда, написанным после 1915 г., в которых Фрейд исследует возможность психоаналитического лечения пациентов с расстройствами вербальной коммуникации и символизации, таких как депрессивные больные и психотики (Quinodoz, 2000, 2002).

Кроме того, Лакан уделял все больше и больше внимания исключительно словам анализанда, учитывая в основном «вспышки»⁶ осознания символического смысла речи субъекта, которые он называет «*значимыми прорывами бессознательного*». Помимо риска злоупотребления игрой слов и переоценки ее значения в интерпретации, эта техника привела Лакана к сокращению длительности сессий и недооценке того обстоятельства, что для проработки переноса и контрпереноса нужно время. Однако по этому принципиальному вопросу я думаю, что осознание смысла не дано каждому изначально, наоборот, это медленный процесс, который

⁶ Немецкий язык допускает забавную игру слов, сближая слова «Blitz» (вспышка) и «Witz» (игра слов); это сгущение и смещение не имеют соответствия во французском языке для выражения момента «Einfall», как называл его Фрейд (в английском «insight»). – *Прим. автора.*

происходит постепенно и чаще всего требует всей строгости классических психоаналитических рамок, чтобы развиваться в соответствующем ритме, которого необходимо придерживаться до самого конца.

Технические вопросы, связанные с практикой укороченных сессий, – далеко не единственное расхождение между лаканистами и психоаналитиками, принадлежащими к Международной психоаналитической Ассоциации. Как указывал недавно Д. Видлоше⁷ (Widlöcher, 2003), непреодолимые противоречия существуют и по множеству других вопросов, особенно по вопросу об использовании контрпереноса, которое решительно отвергал Лакан и до сих пор отрицают его последователи (Duparc, 2001).

Что касается профессионального обучения будущих психоаналитиков, Лакан был резко против такой его организации, какая была принята в МПА, особенно он оспаривал «предварительный отбор» и предварительный личный (так называемый «обучающий») анализ. Он считал, что поэтапное прохождение курса, как и иерархическая организация Ассоциации, держит его коллег в состоянии постоянной зависимости. Когда в 1964 г. он основал собственную школу, то установил принцип, согласно которому школа не давала разрешения на работу и не накладывала запрета, а ответственность за результат анализа полностью лежал на самом психоаналитике; таков смысл его формулировки «*психоаналитик сам себя допускает к работе*». Такой отказ от какой бы то ни было сторонней оценки привел к появлению большого количества людей, которые называли себя «психоаналитиками», ссылаясь на Лакана, притом что никто не знал, где и чему они учились.

Некоторые психоаналитики, принадлежащие к Лакановскому течению, хотели бы вернуться в Международную психоаналитическую ассоциацию, основанную Фрейдом. Однако технические и теоретические позиции, как мне кажется, слишком далеко развели тех и других.

Английская школа: от примитивного символизма к символической репрезентации

Распространение лечения за пределы невроза

Психоаналитики английской школы также рассматривали вопрос символизации, но под другим углом зрения, и это позволило проводить психоаналитическое лечение пациентов с трудностями вербальной коммуникации. Вербализация – это высокоразвитая форма символизации. Таким образом, психоаналитическое лечение может быть предоставлено не только невротическим пациентам, способным общаться между собой и с другими при помощи слов, но и тем пациентам, у которых преобладает конкретное мышление, но которые, тем не менее, могут развить свою функцию символизации и способность к вербальной коммуникации благодаря проработке.

С 1916 г. Э. Джонс изучал вопросы символизации, развивая точку зрения Фрейда, высказанную в *Толковании сновидений* (1900a). Джонс различал сознательную и бессознательную символизацию и рассматривал создание символа как результат интрапсихического конфликта, а сам символ представлял с его точки зрения вытесненное.

⁷ Daniel Widlöcher – французский психоаналитик, с 2001 г. президент МПА. – *Прим. ред.*

Немного позже М. Кляйн разработала новый подход к вопросу символизации, исходя из опыта своей работы с детьми и понимания игры во время сессии как символическое выражение бессознательных конфликтов. В статье «Значение символа для образования Я» (1930), материалом для которой стали наблюдения за Диком, мальчиком-аутистом четырех лет, М. Кляйн показывает, что образование символа может быть специфически заторможено и что действие этого торможения ведет к серьезным последствиям для будущего развития Я. Она приходит к выводу, что, если процесс символизации не происходит, развитие Я останавливается; причиной такого торможения она полагает чрезмерную тревогу, связанную с агрессивными фантазиями ребенка по отношению к телу матери и с растущим чувством вины.

Переход от примитивной к развитой символизации

Тот факт, что процесс формирования символа может быть заторможен в ходе детского развития, позволил Х. Сигал и У.Р. Биону пойти дальше в исследованиях, начатых М. Кляйн. Эти авторы не только установили различия между примитивной и развитой формами символизации, но и выявили переходные процессы между этими двумя формами символизации, опираясь на понятия «шизоидно-параноидной» и «депрессивной» позиций. Мы вернемся к более подробному рассмотрению их взглядов, обратившись к развитию идей Фрейда об особенностях языка шизофреника в «Бессознательном» (*Метанпсихология*, 1915e).

Работы Сигал и Биона, а также труды Г. Розенфельда о нарциссическом переносе, легли в основу психоаналитического лечения психотических, нарциссических и *пограничных* пациентов, которых сегодня мы встречаем на наших кушетках чаще, чем невротиков.

Хронология понятий

Механизмы сновидения (сгущение, смещение, осуществление желания) в приложении к остроумию, к комическому и юмору.

Три очерка по теории сексуальности (1905d)

Открытие детской сексуальности: революция и скандал

Опубликованные в 1905 г. *Три очерка по теории сексуальности* часто рассматривают как самую важную работу Фрейда после *Толкования сновидений* (1900a) и его самое значительное произведение на тему сексуальности. В этом труде Фрейд открыто отвергает популярное мнение и характерные для того времени предрассудки о сексуальности: с одной стороны, он выводит понятие сексуальности за те узкие рамки, в которые оно было заключено общепринятым определением; с другой стороны, он относит возникновение сексуальности к раннему детству, т. е. к значительно более раннему периоду, чем было принято думать. Он показывает, что сексуальность возникает не в период полового созревания, а в самом раннем детстве и что она проходит этапы последовательного развития, чтобы достигнуть взрослой сексуальности. Кроме того, Фрейд показывает взаимосвязь между аномальными формами сексуальности и так называемой нормальной сексуальностью.

Очень простым языком, пользуясь обыденными словами, Фрейд формулирует ряд положений о сексуальности, от которых многие отшатнулись с негодованием. Однако в этой работе он не открывает ничего, что не было бы известно ранее, в частности, не сообщает ничего нового родителям, воспитателям и писателям, которые во все времена наблюдали и описывали проявления детской сексуальности. Описаниям сексуальности, которые Фрейд представляет в этой работе, далеко до непристойных сцен, описанных несколькими годами ранее в публикациях сексологов, на которых он ссылается: Р. Крафта-Эбинга или Хавелока Эллиса, однако их публикации не вызвали такого взрыва негодования. Читая *Три очерка*, которые, по словам Э. Джонса, сделали Фрейда «повсеместно непопулярным», публика кричала о скандале. Эта работа надолго испортила отношения Фрейда с широкой аудиторией. С момента ее выхода в свет Фрейд заработал репутацию непристойного и опасного вольнодумца, тем более что в том же году он шокировал венскую медицинскую общественность, опубликовав случай *Доры* без согласия пациентки. Откуда такой всплеск недоброжелательства? Конечно, Фрейд, буржуазный врач и отец семейства, сильно рисковал, задевая общественную нравственность, когда не соглашался подвергнуть моральному осуждению перверсии. Но, глухой к критике, Фрейд был более чем когда-либо убежден, что научный подход восторжествует над обскурантизмом.

Биографии и история

Эпоха открытия детской сексуальности

Уже начиная с исследований 1890-х годов Фрейд предполагал, что коренящиеся в детстве факторы сексуального порядка могут лежать в основе возникновения истерических симптомов. Тогда он считал, что сексуальность преждевременно просыпается в ребенке только вследствие соблазнения взрослым. Однако после открытия в ходе самоанализа эдипова комплекса в 1897 г. он приходит к выводу, что сексуальные импульсы присутствуют у всех детей с очень раннего возраста и проявляются независимо от их стимуляции третьими лицами. В 1899 г. он объявляет Флиссу, что его следующая работа будет касаться теории сексуальности и что он ждет только, когда «озарение осветит уже собранный материал» (Фрейд Флиссу, письмо от 12 января 1900, № 126). Без всякого сомнения, Фрейд должен был преодолеть сильное внутреннее сопротивление, чтобы признать всеобщий характер детской сексуальности и осуществить замысел «Трех очерков», которые он

писал одновременно с «Остроумием и его отношением к бессознательному», также опубликованным в 1905 г.

Это был очень продуктивный этап в его жизни, ознаменовавшийся окончательным разрывом с Флиссом. Частная практика занимала все время Фрейда, большинство его клиентов приезжало из Восточной Европы. В течение трех лет он продолжал читать лекции в Университете; Общество, собиравшееся по средам, расширилось. 1905 г. стал также годом его международного признания. Он начал путешествовать каждое лето по Италии и Греции в обществе свояченицы Минны Бернайс или брата Александра.

Фрейд – сторонник пансексуализма?

В «Трех очерках» Фрейд отводит главную роль детской сексуальности, в частности, он утверждает, что вытесненные влечения у невротиков имеют сексуальную природу и что сексуальность подростка и взрослого основана на детской сексуальности. Но он был неправильно понят и обвинен в «пансексуализме», т. е. в том, что он проповедует упрощенную теорию, которая все человеческие поступки объясняет сексом, понимая сексуальность в самом узком смысле этого слова. Хотя Фрейд выявил важность сексуальности в человеческой природе, он всегда защищался от обвинений в пансексуализме. В письме к женевскому профессору Э. Клапареду (Freud, 1921e) он протестует против упреков в пансексуализме, которыми его осыпали не только в связи теорией сексуальности, но и из-за его теории сновидений: «Я никогда не утверждал, что всякое сновидение имеет значение осуществления сексуального желания, напротив, я часто опровергал это. Но это ни к чему не привело, все по-прежнему это твердят» (письмо Фрейда Эдуарду Клапареду, 25 декабря 1920).

Изучая произведение

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S. (1905d). Trois essais sur la théorie sexuelle, trad. P. Koepfel. Paris: Gallimard, 1987.*

Работа разделена на три части: первая посвящена перверсиям, известным под названием сексуальных извращений, вторая – детской сексуальности, и третья – изменениям, происходящим в период полового созревания.

• ПЕРВЫЙ ОЧЕРК: СЕКСУАЛЬНЫЕ ИЗВРАЩЕНИЯ

• Причина перверсий кроется в детстве

В первом очерке Фрейд критикует распространенные в обществе предрассудки и оспаривает преобладавшее среди ученых того времени мнение, согласно которому перверсии, такие как гомосексуальность, – результат вырождения или представляют собой конституциональный изъян. Фрейд предлагает искать истинную причину перверсий в детстве, т. е. на уровне психосексуального развития. Он начинает с обзора сексуальных отклонений, уже описанных сексологами того времени, среди которых Крафт-Эбинг и Хавелок Эллис, и рассматривает эти отклонения под неожиданным углом зрения, а именно в свете их отношений с общепринятой нормой, т. е. с так называемой «нормальной» сексуальностью.

Отталкиваясь от понятий «влечение» и «объект» – концептов, которые будут иметь решающее значение в психоанализе, – Фрейд различает разные виды перверсий: он выделяет «сексуальные отклонения в отношении к сексуальному объекту», т. е. в отношении лица, вызывающего сексуальное влечение, и «отклонения в отношении к сексуальной цели», т. е. в отношении акта, к которому толкает влечение. Уточним, что в психоанализе термин «объект» употреб-

ляется в его классическом для французского языка значении, чтобы обозначить «лицо», а не «вещь»; как говорят герои Корнеля: «*Вот объект моей страсти*» или «*единственный объект моей злобы*».

• Роль бисексуальности

В том, что касается «*отклонений в отношении к сексуальному объекту*», Фрейд относит к подобным перверсиям различные формы гомосексуальности, а также педофилию и зоофилию. Он считает, что эти перверсии являются благоприобретенными в ходе развития сексуальности человека, а не врожденными или конституциональными, как считалось до того момента. Но если гомосексуальность является результатом психосексуального развития индивида, то мы с полным правом можем задать вопрос, какие же факторы приводят одних к выбору гомосексуального объекта, в то время как других подталкивает к выбору гетеросексуального объекта?

Фрейд разрешает этот вопрос, обратившись к понятию *бисексуальности*, общую предрасположенность к которой постулировал Флисс, исходя из эмбрионального развития человека. В то же время, если Флисс выявил биологическую бисексуальность, Фрейд первым применил это понятие на психологическом уровне, утверждая, что мужские и женские влечения с детства сосуществуют в каждом индивиде и окончательный выбор объекта зависит от того, какая из тенденций возобладает.

• Частичные влечения

Затем Фрейд приступает к исследованию вопроса об «*отклонениях по отношению к сексуальной цели*», при которых сексуальное влечение распадается на различные составляющие, которые он называет *частичными влечениями*: источником частичных влечений является сексуальное возбуждение *эрогенной зоны*, таким образом, в основе перверсий лежит преобладание частичного влечения, корнящегося в детстве. Среди разных форм перверсий, связанных с частичными влечениями, одни используют в целях сексуального удовлетворения части тела или фетиши, замещающие те части тела, которые естественным образом предназначены для сексуального слияния. Другие формы перверсий состоят в фиксации на предварительных сексуальных целях, таких как эротические практики, связанные с оральной зоной (фелляция, куннилингус), прикосновение, разглядывание, а также садизм и мазохизм. В этих случаях, уточняет Фрейд, «*тенденция останавливаться на предварительных актах и превращать их в новые сексуальные цели может заменить нормальные цели*» (р. 66). Резюмируя его точку зрения, можно сказать, что при перверсиях сексуальное влечение разрывается на отдельные составляющие, так называемые «частичные влечения», в то время как при нормальной сексуальности частичные влечения объединяются и становятся на службу генитальной зрелости.

• Перверсия, невроз и нормальность

Фрейд пришел к двум выводам, которые особенно шокировали публику. Во-первых, он утверждает, что невротические симптомы появляются не только за счет нормальных сексуальных импульсов, но отчасти также и за счет аномальной сексуальности. Его знаменитая формула гласит: «*Невроз – негатив перверсии*» (р. 80). Эта метафора, заимствованная из фотографии, означает, что действия, которые перверты *совершают* в своих отклоняющихся сексуальных действиях, невротики *представляют* в своих фантазиях и сновидениях. Во-вторых, Фрейд сделал вывод о том, что предрасположенность к перверсиям не составляет исключения, она неразрывно связана с так называемой нормальной конституцией, зарождение которой мы наблюдаем в ребенке: «*Эта конституция, содержащая зачатки всех отклонений, может быть выявлена только у ребенка, хотя все эти влечения могут проявляться у него очень слабо*» (р. 89).

• ВТОРОЙ ОЧЕРК: ДЕТСКАЯ СЕКСУАЛЬНОСТЬ

• Детская амнезия: забывание первых лет жизни

Во втором очерке Фрейд опровергает еще одно популярное убеждение, что в детстве сексуальное влечение отсутствует и появляется только в период полового созревания – существование детской сексуальности игнорировали и в научных исследованиях того времени. Фрейд связывает это отрицание с тем, что он называет *детской амнезией*, т. е. с фактом, что у взрослых обычно сохраняется очень мало или вовсе не сохраняется воспоминаний о первых годах жизни. Для Фрейда как детская амнезия, так и истерическая амнезия являются следствием вытеснения: как истерик вытесняет сексуальные импульсы, связанные с соблазнением, так и взрослый стремится изгнать из сознания начало своей детской сексуальной жизни.

По Фрейду, сексуальная жизнь детей становится заметной, когда они достигают возраста трех – четырех лет, но проявления сексуального влечения сталкиваются с внешними препятствиями, такими как воспитание (одним из факторов цивилизации), и с внутренними препятствиями, такими как отвращение, стыдливость и мораль, причем последние являются выражением вытеснения. Во время латентного периода можно наблюдать, как сила сексуального влечения отклоняется от сексуальных целей, чтобы устремиться к новым целям, приобретающим форму культурных достижений, благодаря процессу, который Фрейд назвал *сублимацией*. Но он признает, что иногда сексуальное влечение выходит на поверхность в течение латентного периода или эпизодически, или затягиваясь до наступления половой зрелости.

• Проявления детской сексуальности

Фрейд берет за образец проявлений детской сексуальности – *сосание*, которое появляется у младенца и может остаться в качестве привычки иногда на всю жизнь. По его мнению, ребенок, сосущий <палец>, пытается пережить уже знакомое удовольствие, которое связано с «*первой и самой жизненно необходимой деятельностью ребенка – сосанием материнской груди (или ее заменителей)*» (р. 105). Во время кормления губы ребенка становятся *эрогенной зоной*, которая дает ощущение удовольствия. Таким образом, «*сексуальная активность вначале опирается на жизненно важные функции*» (р. 105), и лишь позднее сексуальное удовлетворение отделяется от потребности в пище и становится независимым. Но, по мнению Фрейда, эта эрогенная способность не ограничивается только оральной зоной, она может закрепиться за любой областью тела, которая в этом случае будет обладать такой же возбудимостью, что и гениталии.

Отсюда следует, что сексуальные влечения в детстве носят в основном характер *мастурбации*. Фрейд относит к проявлениям детской сексуальности не только оральную мастурбационную активность, но и мастурбационные действия, связанные с анальной зоной (удовольствие, связанное с удержанием кала или опорожнением кишечника, и т. д.), так же как и уретральные действия, связанные с удовольствием мочеиспускания (как у мальчиков, так и у девочек), и генитальную мастурбацию. Эти наблюдения привели Фрейда к выделению трех фаз детской мастурбации: первая – онанизм младенца во время кормления, вторая характерна для возраста трех – четырех лет, третья – подростковый онанизм, долгое время эта форма оставалась единственной, чье существование признавали.

• Полиморфно-перверсивная предрасположенность

Открытие, что эрогенные зоны начинают играть свою роль с очень раннего возраста, привело Фрейда к заключению, что у ребенка существует, как он это назвал, *полиморфно-перверсивная предрасположенность*. Что это такое? Выражение *перверсивная предрасположенность* означает, что различные части тела маленького ребенка с самого начала жизни обладают сильной чувствительностью и восприимчивостью к эротизации, пока эрогенные зоны еще не подчинены генитальной организации, предназначенной для консолидации сексуальности. Что касается термина *полиморфный*, он подчеркивает большое разнообразие эрогенных

зон, которые могут преждевременно пробудиться для сексуального возбуждения. Существование полиморфно извращенной предрасположенности у маленького ребенка позволило Фрейду объяснить, что организованная перверсия, которая встречается у взрослого, происходит от устойчивости составляющей детской сексуальности, которая зафиксировалась на ранней стадии психосексуального развития.

Фрейдовское понятие *полиморфно-перверсивной предрасположенности* даже сегодня часто становится для многих источником возмущения, так как его неправильно понимают. На самом деле, тот факт, что ребенок получает сексуальное удовольствие от своих эрогенных зон, вовсе не означает, что ребенок «перверт» в том смысле, какой подразумевается у взрослых. Для Фрейда этот термин обозначает, что детская стадия полиморфно-перверсивной предрасположенности – это ранняя стадия психосексуального развития, еще не достигшего генитальной сексуальности, когда среди эрогенных зон еще не установлена иерархия, которая ставит их на службу продолжения рода. Все обстоит совсем иначе у взрослых, чьи перверсии принимают форму организованного поведения, при котором частичное удовлетворение достигается в ущерб развитию генитальной сексуальности индивида, а сексуальное удовольствие достигается с объектами того же пола, как при гомосексуализме, или требует особых условий, как при фетишизме. Тем не менее случается, что ребенок обнаруживает настоящую перверсивную фиксацию, но это бывает в исключительных случаях.

• **Детские сексуальные теории**

В числе проявлений детской сексуальности Фрейд называет сильное любопытство, которое проявляют дети, неустанно задавая вопросы о сексуальности. Откуда появляются дети? Как это делают папа с мамой? Эти вопросы, повторяясь в самых разных формах, позволяют составить представление об особых теориях, которые дети могут создавать о сексуальности, таких, например, как уверенность, что причиной разницы полов является один орган: мальчики обладают пенисом, а девочки его были лишены. Другие детские сексуальные теории касаются того, что происходит при рождении ребенка (появляется ли ребенок через то же отверстие, что и испражнения? и т. д.) или о сексуальных отношениях родителей (зачатие через поцелуй, садистская концепция их отношений и т. д.). В то же время, какими бы ни были сознательные фантазии детей, они в основном отражают их бессознательную сексуальную организацию и их фантазии об отношениях с окружающими.

• **Стадии развития сексуальной организации**

В шести последующих изданиях Фрейд вводил все новые фундаментальные понятия, и работа, которая в 1905 г. содержала 80 страниц, насчитывала уже 120 к шестому и последнему изданию, которое вышло в 1925 г. и включало множество дополнений. В редакции 1915 г. Фрейд ввел понятие *последовательных стадий организации либидо*, каждая стадия соответствовала преобладанию определенной эрогенной зоны. Так, он описал оральную, садистически-анальную и генитальную стадии. Он также выдвинул идею о том, что либидо последовательно проходит стадии развития, каждая из которых соответствует ведущей эрогенной зоне. В 1923 г. он добавляет к ранее описанным стадиям *фаллическую стадию организации*, которую он помещает между анальной и генитальной стадиями, уточняя, что на фаллической стадии признается только один тип органа: пенис у мальчика и его эквивалент у девочки – клитор. Развитие сексуальности последовательно проходит прегенитальные стадии организации либидо – оральную, садистически-анальную и фаллическую – до генитальной организации, которая устанавливается с половым созреванием. Хотя Фрейд описывает детское психосексуальное развитие в терминах эволюции, он уточняет, тем не менее, что этот процесс происходит не совсем линейно и существует множество наложений, каждая стадия оставляет после себя неизгладимый след.

• ТРЕТИЙ ОЧЕРК: МЕТАМОРФОЗЫ ПУБЕРТАТНОГО ПЕРИОДА

• Детский аутоэротизм в противопоставлении постпубертатному выбору объекта

В издании 1905 г. Фрейд резко противопоставляет функционирование детской сексуальности, которую он определяет как аутоэротическую, и функционирование постпубертатной сексуальности, которое сосредоточено на «выборе объекта», т. е. лица, избираемого в качестве объекта любви. Согласно мнению Фрейда в первой версии труда, ранняя стадия сексуальности не имеет другого объекта, кроме собственного тела, в то время как постпубертатная сексуальность должна быть основана на выборе объекта, т. е. на любимом и желанном человеке, поскольку индивид достиг физической и психической зрелости.

Однако уже в первом издании *Трех очерков по теории сексуальности* Фрейд описывает отношение к частичному объекту и отношение к целостному объекту. Так, когда в 1905 г. он утверждает, что *«сосание ребенком груди матери стало моделью всех любовных отношений»* (р. 165), и говорит по этому поводу, что *«эта сексуальная связь становится первой и самой важной из всех»* (р. 165), он размышляет именно о ранних отношениях с частичным объектом, так как материнская грудь воспринимается младенцем как заместитель матери. Фрейд также описывает, как младенец, отказавшись от груди – от отношений с частичным объектом, как мы сказали бы сегодня, – открывает личность матери в ее целостности: по Фрейду, этот переход осуществляется *«тогда, когда у ребенка появилась возможность получить общее представление о лице, которому принадлежит доставляющий ему удовлетворение орган»* (р. 165). Фрейд описывает, таким образом, переход от отношений с частичным объектом к отношениям с целостным объектом – понятие, которое он дополнит позже, введя в «Метапсихологии» в 1915 г. концепцию «частичного влечения».

• Роль аффектов в объектных отношениях

Замечено, что в ходе последовательных дополнений, вносимых в работу *Три очерка по теории сексуальности*, Фрейд смягчил оппозицию между детским аутоэротизмом и постпубертатным выбором объекта. Так, когда в 1915 г. он вводит понятие стадий либидо, он описывает для каждой из них соответствующий тип объектных отношений. Во время полового созревания происходит активная интеграция частичных влечений, которая приводит к выбору объекта – который мы бы назвали целостным, – характерного для генитальной стадии: *«Все сексуальные устремления направляются только на одно лицо, с которым хотят достичь цели»* (р. 130).

Позднее Фрейд будет все больше учитывать роль, которую играют в ходе развития чувства любви и ненависти в объектных отношениях. Так, начиная с «Динамики переноса» (1912b) он будет считать, что объектные отношения на прегенитальном уровне характеризует амбивалентность любви/ненависти. Фрейд также вводит противопоставление между *нежным течением*, характеризующим детские частичные влечения, с одной стороны, и *чувственным течением*, характерным для выбора объекта в период полового созревания, – с другой. Для того чтобы установилось чувственное течение в выборе объекта, ребенок должен из-за запрета на инцест отказаться от своих первых инцестуозных объектов, представленных отцом и матерью; таким образом он направляет свой выбор объекта на другие лица. В то же время каждый новый выбор объекта остается под влиянием ранних выборов, и таким образом сохраняется сходство между объектами желания, избираемыми начиная с постпубертатного периода и первым выбором объекта, т. е. родителями. Иначе говоря, по мнению Фрейда, никто не избежит влияния первого детского выбора инцестуального объекта, которое сохранится на всю жизнь: *«Даже тот, кто счастливо избежал инцестуозной фиксации своего либидо, все же не свободен совершенно от ее влияния»* (1905d, р. 172). Впоследствии Фрейд покажет, что

соединение нежного и чувственного течений происходит во время становления генитальной сексуальности, а при невротических расстройствах этим двум течениям так и не удастся соединиться: «...только соединение этих течений обеспечивает совершенно нормальное любовное поведение» (1912d, p. 57).

Наконец, что касается любви к объекту, Фрейд также рассматривает ее в развитии, и, по его мнению, ребенок учится любить другого человека, основываясь на сексуальной любви, которую испытал к людям, ухаживавшим за ним с латентного периода. Подведем итог общего психосексуального развития ребенка: сексуальное влечение в основном прегенитальной природы устанавливается с частичными объектами и в процессе медленного развития достигает синтеза либидинальных и аффективных влечений в выборе объекта любви. Что касается понятия *выбор объекта*, Фрейд применяет его к объектным отношениям любви, которые относятся к личности, воспринимаемой как целостная. Этот тип отношений позволяет ввести другую пару противоположностей, любви и ненависти, как это покажет Фрейд в 1915 г. в работе «Влечения и их судьба»: «*Понятия любви и ненависти не должны быть использованы для отношений влечения к своим объектам, но сохранены для отношений к объектам целостного Я*» (1915c, p. 89, [p. 182]). Но он признает, что сексуальная зрелость, описанная подобным образом, редко достижима, и, по-прежнему утверждая, что детская сексуальность играет решающую роль в нормальном и патологическом развитии личности, заявляет: «*Все патологические трудности сексуальной жизни могут быть с полным правом определены как торможение в развитии*» (1905d, p. 144).

Эволюция понятий

Эдипов комплекс: последовательные этапы открытия

Хотя понятие эдипова комплекса еще не появляется как таковое в первом издании Трех очерков по теории сексуальности в 1905 г. – оно появится только в последующих дополнениях, – мы уже с этого момента проследим главные этапы его развития. Это понятие развивалось Фрейдом постепенно, он никогда не посвящал эдипову комплексу отдельную работу.

Эдипов комплекс – главное открытие Фрейда – появляется в процессе развития ребенка и является центральным организующим фактором психической жизни, вокруг которого структурируется сексуальная идентичность индивида. Для Фрейда этот комплекс универсален, как он подчеркивает в Трех очерках: «*Перед каждым человеческим существом стоит задача обуздать в себе эдипов комплекс*» (1905d, p. 170, note 3, 1920). Кроме того, эдипов комплекс касается не только нормального развития человека: он лежит в основе психопатологии, где образует ядерный комплекс невротозов.

Эдипов комплекс в простой (или позитивной) форме

В процессе самоанализа Фрейд пришел к признанию любви к своей матери и ревности к отцу, которые он испытывал в детстве, и связал этот конфликт чувств с мифом об Эдипе. «*Я нашел в себе, как и у всех других, чувства любви к своей матери и ревности к своему отцу. Чувства, как я думаю, общие для всех детей <...>, а если это так <...>, то понятен поразительный захватывающий эффект „Царя Эдипа“*» (Из письма Фрейда к Флиссу, письмо от 15 октября 1897 г.). Эта тема была снова поднята в *Толковании сновидений*: «*Эдип, который убивает своего отца и женится на матери, лишь осуществляет желания нашего детства*» (1900a, p. 229 [303]). На протяжении последующих лет Фрейд постоянно обращается к понятию

эдипова комплекса в своих клинических работах, например в случае «Доры» в 1905 г. и в случае «Маленького Ганса» в 1909 г. Но только в 1910 г. в работе «Об особом типе выбора объекта у мужчины» (1910h) понятие *эдипова комплекса* появляется как таковое в первый раз, причем термин *комплекс* принадлежит Юнгу.

Вначале Фрейд открывает простую форму эдипова комплекса (называемую также позитивным или прямым эдиповым комплексом) и описывает эволюцию комплекса так, как она проходит в ходе психосексуального развития мальчика. Первым объектом его привязанности становится мать, которой он хочет обладать безраздельно, но между третьим и пятым годом жизни любовь мальчика к матери заставляет его вступить в соперничество с отцом, которого он начинает ненавидеть. Мальчик испытывает страх, что отец кастрирует его – лишит пениса – из-за инцестуальных чувств, которые он испытывает по отношению к матери, и из-за ненависти к отцу. Под влиянием ужаса, вызванного этой угрозой кастрации, мальчик в конце концов решает отказаться от осуществления своих инцестуозных сексуальных желаний по отношению к матери и вступает в латентный период.

Изначально Фрейд считал, что существует полная симметрия между психосексуальным развитием мальчика и девочки и что как мальчик влюбляется в мать и ненавидит отца, точно так же и девочка, влюбляясь в отца, начинает ненавидеть мать. Впоследствии, однако, он понял, что путь развития девочки отличается от пути развития мальчика.

В 1913 г. в работе *Тотем и Табу* Фрейд пытается объяснить универсальный характер эдипова комплекса, в частности ту структурирующую роль, которую он играет в становлении личности каждого индивида. В поисках ответа на этот вопрос он выдвигает гипотезу об убийстве отца в первобытном племени сыновьями, желавшими завоевать женщин. По мнению Фрейда, это первичное преступление будет передаваться из поколения в поколение путем филогенеза, и чувство вины за это первое убийство будет проявляться в каждом индивиде в форме эдипова комплекса.

Полная форма эдипова комплекса: позднее открытие

Много лет спустя, в *Я и Оно* (1923b), Фрейд добавил к понятию позитивного (или прямого) эдипова комплекса понятие негативного (или обратного) эдипова комплекса, основанное на присущей любому индивиду с детства бисексуальной физической и психической конституции. В то время как при позитивном эдиповом комплексе мальчик желает жениться на своей матери и убить отца, при негативном, или обратном, эдиповом комплексе мальчик желает жениться на своем отце и устранить свою мать, которую он воспринимает как соперницу. В противоположность позитивной форме эдипова комплекса, при которой мальчик идентифицируется со своим соперником и хочет стать *таким, как* его отец, при негативной, или обратной, форме мальчик желает *быть* матерью, путем регрессии при идентификации, которая представляет собой, согласно Фрейду, самую раннюю форму любви к объекту. Пассивные женские желания, которые мальчик испытывает к своему отцу, приводят его к отказу от гетеросексуальных желаний по отношению к матери, а также к отказу от мужской идентификации с отцом-соперником, как показывает Фрейд в своем исследовании случая

«Президента Шребера» в 1911 г. и в случае «Человека с волками» в 1918 г. По мнению Фрейда, обе формы эдипова комплекса сосуществуют в психике каждого индивида, таким образом, эдипов комплекс в его завершенном виде предполагает вовлеченность четырех лиц: с одной стороны, отца и матери, с другой стороны, предрасположенность ребенка (мальчика или девочки) к мужскому и женскому типу поведения одновременно, основанная на «психической бисексуальности», свойственной каждому человеческому существу. Соотношение между этими двумя тенденциями изменчиво, и сексуальная идентичность индивида зависит от преобладания одной из них над другой, причем так называемое нормальное психосексуальное развитие является результатом преобладания позитивной формы эдипова комплекса над негативной.

В 1923 г. в работе «О детской генитальной организации» (1923e) Фрейд добавляет четвертую догенитальную стадию – «фаллическую стадию», помимо оральной, анальной и генитальной стадий, которые он ввел в 1915 г. в дополнениях к *Трем очеркам*. С этого времени он будет утверждать, что психосексуальное развитие ребенка в основном сосредоточено на превосходстве пениса в качестве определяющей эрогенной зоны и на понятии эдипова комплекса на уровне объектных отношений. В этом же дополнении он уточняет, что эдипов комплекс достигает своего расцвета в возрасте от 3 до 5 лет, т. е. на фаллической стадии, когда сексуальное желание, направленное на родителя противоположного пола, самое живое, а страх кастрации самый интенсивный.

В 1924 г. в статье «Крушение эдипова комплекса» (1924d) Фрейд описывает, как Эдипов комплекс *распадается* или *исчезает*. Однако в противоречии с названием этой статьи исчезает только эдипальный конфликт, который мы во всей остроте наблюдаем у ребенка 3–5 лет. Но сама по себе эдипальная ситуация продолжает свое существование в бессознательном в качестве главного организатора психической жизни индивида, потеряв, как мы могли бы сказать, патогенный характер, связанный с понятием «комплекс».

В 1925 г. Фрейд возвращается к описанию психосексуального развития девочек в статье под названием «Некоторые психические последствия анатомических различий между полами» (1925j). За прошедший период он установил, что в начале жизни девочка и мальчик имеют один и тот же объект, т. е. мать, но последующее развитие девочки отличается от развития мальчика: она должна сменить объект и перейти от любви к матери к любви к отцу.

Тем не менее, как мы увидим далее, говоря о взглядах Фрейда на женственность, он был убежден, что психосексуальное развитие девочки происходит под влиянием ее зависти к пенису, которая позднее замещается желанием иметь ребенка от своего отца. Фрейд навсегда останется верен своей теории, известной теперь под названием «фаллический монизм», которую можно рассматривать как остаток привязанности к детской сексуальной теории. Наконец, в статье, озаглавленной «О женской сексуальности» (1931b), Фрейд подтвердит свое мнение об огромной важности ранней привязанности дочери к матери и вытекающей из нее трудности смены объекта для дочери, т. е. перехода от матери к отцу в ходе психосексуального развития.

Хронология понятий

Детская амнезия – аутоэротизм – бисексуальность – выбор объекта – эдипов комплекс – психосексуальное развитие (мальчика и девочки) – примыкание (анаклизис) – объект – целостный объект, частичный объект – перверсии – полиморфно-перверсивная предрасположенность – влечение – стадии развития: оральная, анальная, фаллическая, генитальная – детские сексуальные теории – эрогенная зона.

«Фрагмент анализа случая истерии» (случай Доры) (1905e)

Открытие переноса

Рассказ о психоаналитическом лечении Доры представляет особый интерес, поскольку Фрейд здесь говорит об открытии переноса. Когда Фрейд начал свою работу с Дорой, он считал, что находит в случае этой пациентки подтверждение правильности своих взглядов на сексуальную природу появления истерических симптомов и на роль, которую играют сны в образовании симптомов. Для него было шоком оказаться беспомощным свидетелем ее досрочного ухода, всего лишь через одиннадцать недель после начала лечения. Но Фрейд сумел извлечь пользу из своего терапевтического поражения, сделав вывод, что незаметно для него возникло сопротивление, связанное с переносом. Не останавливаясь на этом, Фрейд приходит к заключению, что если бы он вовремя заметил это препятствие, он смог бы его интерпретировать и, без сомнения, избежать неожиданного окончания анализа пациенткой: *«Перенос, который должен быть самым большим препятствием в психоанализе, становится его самым могущественным средством, если удастся его предугадать и донести его смысл до пациента»* (1905e, p. 88). Однако Фрейд не закончил на этом с Дорой, поскольку более 20 лет спустя внес значительную поправку в картину переноса, вчерне изложенную в 1905 г., поняв, что прерывание лечения произошло не только по причине отцовского переноса Доры, но и по причине материнского, т. е. стойкости сильной гомосексуальной привязанности девушки к своей матери.

Хотя Фрейд открыл перенос в 1905 г. во время лечения Доры, он развивал это понятие во всем своем творчестве в течение нескольких десятилетий. И наконец, надо отметить, что понятие контрпереноса, которое Фрейд упомянул лишь дважды, стало предметом серьезных исследований психоаналитиков-постфрейдистов, которые открыли новые перспективы в неразрывных отношениях, связывающих перенос и контрперенос.

Биографии и история

Гениальное извлечение пользы из терапевтического провала

В 1900 г. Фрейд только что опубликовал «Толкование сновидений» и начал писать «Психопатологию обыденной жизни», когда 18-летняя девушка Дора – ее настоящее имя Ида Бауэр – была направлена своим отцом к нему на консультацию. Фрейд начал лечение в октябре 1900 г., однако Дора внезапно прервала его три месяца спустя. Вначале Фрейд был очень разочарован, но преодолел свою первую реакцию и уже через две недели записал свое основополагающее наблюдение о переносе.

Он написал Флиссу, что это короткое лечение дало ему возможность сделать два открытия: первое открытие касалось важной роли, которую играют эрогенные зоны, в частности оральная зона, которая стала причиной нервного кашля Доры; второе открытие касалось роли, которую сыграла психическая бисексуальность в конфликте Доры, раздираемой между влечением к мужчинам и влечением к женщинам. Это был первый случай, когда Фрейд применил в клинической практике понятие бисексуальности, которым был обязан Флиссу. Относительно же прерывания лечения Фрейд признался своему другу, что не справился с переносом, поскольку не смог вовремя его обнаружить и интерпретировать. Но выводы, которые он сумел сделать из этого провала, превратили это важнейшее наблюдение в один из главных его трудов о переносе. Из соображений конфиденциальности Фрейд отложил публикацию

до 1905 г., но его противники все равно яростно упрекали его за публикацию случая без согласия пациентки.

Что стало с Дорой в последующие годы? В 1903 г. она вышла замуж за Эрнста Адлера и родила от него сына – Курта Герберта, который впоследствии стал директором оперы Сан-Франциско. В 1923 г. Дора страдала от приступов тревоги и от страха преследования со стороны мужчин, это привело ее на консультацию к психоаналитику Феликсу Дойчу, который узнал в ней бывшую пациентку Фрейда. До конца 1930-х годов она жила в Вене и стала близкой подругой Пеппины – она же «г-жа К...», о которой шла речь в Случае Доры! Чтобы избежать преследований нацистов, которые искали ее брата, известного своими марксистскими идеями политического деятеля и бывшего премьер-министра Австрии, Дора эмигрировала в США. Она умерла в Нью-Йорке в 1945 г.

Изучая произведение

Ссылки на страницы приводятся по изданию: *Freud S. (1905e). Fragment d'une analyse d'hysterie (Dora), trad. M. Bonaparte et R. Loewenstein // Cinq psychanalyses. Paris: PUF, 1954, p. 1–91.*

• От реальной попытки соблазнения...

Дора пришла на консультацию к Фрейду вследствие любовной связи ее отца с мадам К... Интрига завязалась в Мерано – курортном городке, где встретились две венские супружеские пары из буржуазной среды: супруги Филип и Катерина Бауэр – родители Доры и супруги Ганс и Пеппина Зелланка – *они же* г-н К... и г-жа К... («К» от Зелланка). Коротко говоря, отец Доры вступил в связь с г-жой К..., а ее обманутый супруг в ярости попытался соблазнить Дору – дочь своего соперника. Она же была тайно влюблена в г-на К..., так как он напоминал ей отца. Однажды, подкравшись к Доре, г-н К... сжал ее в объятьях и поцеловал в губы. Шокированная, она дала ему пощечину и оттолкнула. В ходе лечения Дора признается Фрейду, что явственно почувствовала сексуальное возбуждение при контакте с г-ном К... из-за «его тела» (1905e, p. 19), и это потрясло ее и наполнило стыдом. После этого происшествия Дора почувствовала отвращение к мужчинам и страх перед ними, что Фрейд рассматривал как характерные истерические симптомы. Вскоре после инцидента с г-ном К... Дора попыталась открыться отцу, но тот вместе с г-ном К... несправедливо осудил ее за то, что она якобы выдумала эту попытку соращения. Дора раньше срока уехала из курортного городка, никому не объясняя настоящую причину своего бегства. Видя, что Дора все больше страдает нервным расстройством и депрессией вплоть до угрозы самоубийства, семья отправила ее на консультацию к Фрейду.

• ...к бессознательной фантазии о соблазнении в переносе

Записи сеансов с Дорой, сделанные Фрейдом, отражают интерес, который он испытывал к рассказу, так хорошо подтверждавшему его гипотезы о сексуальных истоках истерических симптомов, а также о роли сновидения как показателя бессознательных конфликтов. С нескрываемым энтузиазмом Фрейд приступает к детальному анализу невротической проблематики Доры, постепенно предлагая ей свои интерпретации. Желая поделиться с пациенткой своими умозаключениями, Фрейд разговаривает с Дорой с уверенностью, которая до тех пор не была ему свойственна, особенно если сравнивать это с осторожным, полным сомнений тоном, который мы наблюдали в *Исследовании истерии* в 1895 г.

В эпоху лечения Доры интерпретации Фрейда в основном были направлены на то, чтобы восстановить цепочку событий, которые привели к возникновению симптомов, основываясь на ассоциациях, снах и детских воспоминаниях, предоставленных пациентом. Именно так Фрейд поступает с Дорой, к примеру, когда анализирует ее первый сон, в котором она убегает из охва-

ченного пожаром дома. Фрейд объясняет своей пациентке различные бессознательные аспекты ее фантазий, бегство Доры к отцу, когда она пугается человека, который ее соблазняет, а также влечение Доры к отцу, когда сновидение обнаруживает ее бессознательное желание заместить соблазнителя отцом. Так, шаг за шагом, Фрейд стремится привести Дору к осознанию бессознательных цепочек, которые лежат в основе ее симптомов. Но, погруженный в исследование воспоминаний Доры и в свою реконструкцию, он не заметил скрытых сопротивлений, которые его *объяснения* вызывали у пациентки. Наконец он понял, что недостаточно было сообщать Доре реконструированные им представления, необходимо было также говорить о чувствах, испытываемых ею в тот момент по отношению к нему самому.

Таким образом, Фрейд очень удивился, когда Дора прекратила сеансы всего через три месяца после начала лечения. Используя свои записи, он сразу начал писать рассказ об этом лечении и нашел в клиническом материале сеансов многочисленные признаки, предвещавшие этот разрыв. Например, на основании запаха дыма, который появлялся в снах Доры, он обнаружил, что отец Доры, г-н К... и он сам были страстными курильщиками, и сделал из этого следующий вывод, а posteriori отнеся его к ускользнувшему от его внимания переносу: «Если я соединяю, наконец, все признаки, которые делают вероятным ее перенос на меня, то, учитывая, что я тоже курильщик, я прихожу к мысли, что как-то раз на сеансе она, без сомнения, мечтала о моем поцелуе» (р. 54). Фрейд упрекает себя за то, что не сумел вовремя проинтерпретировать этот перенос: «Когда появился ее первый сон, в котором она предупредила меня, что хочет покинуть анализ, как когда-то она покинула дом г-на К..., я должен был насторожиться и сказать ей: „Вы переносите свои чувства с г-на К... на меня. Заметили ли вы что-либо, что заставляет вас подозревать меня в злых намерениях, аналогичных намерениям г-на К... <...>?“» (р. 88–89). Все указывает на то, что Дора бессознательно испытывала не только волнующие любовные и эротические чувства к Фрейду, похожие на те чувства, которые она испытывала к г-ну К..., но и желание отомстить Фрейду, подобное желанию отомстить своему соблазнителю.

• **Перенос: смещение образа из прошлого на психоаналитика**

Так Фрейд столкнулся с влиянием переноса, который можно определить как драму, разыгрывающуюся во время лечения, где главная роль принадлежит значимой для пациента фигуре из прошлого, которая в настоящем времени проецируется на личность психоаналитика. В случае Доры на Фрейда была перенесена даже не одна фигура из прошлого, а несколько, т. е. не только образ г-на К..., но и образ более раннего соблазнителя, отца Доры, в свою очередь замененного на г-на К... Таким образом, в ходе этого анализа реальное событие из недавнего прошлого Доры возвратило ее в далекое детство, к событиям, случившимся задолго до инцидента, послужившего причиной обращения к Фрейду, т. е. в ранние фантазии о соблазнении отцом. Это воображаемое событие, связанное с эдипальной ситуацией, имело в детстве Доры бесконечно большее значение для формирования ее психики, чем реальное происшествие с г-ном К...

• **Позднее дополнение: гомосексуальный перенос Доры**

Публикуя этот случай в 1905 г., Фрейд приписывал сопротивление Доры ее любовной привязанности и ее сексуальным желаниям по отношению к мужчинам, представленным г-ном К..., ее отцом и самим Фрейдом. В то время Фрейд рассматривал только гетеросексуальный аспект переноса и полагал, что Дора может видеть в нем только мужчину, т. е. заместителя г-на К... и отца. «Вначале, – пишет Фрейд, – казалось ясным, что я заменял, в ее воображении, ее отца <...>» (р. 88). Но в примечании, добавленном в 1923 г., т. е. спустя более 20 лет после окончания лечения, Фрейд признает, что он недооценил силу гомосексуальной привязанности Доры к г-же К...: «Я упустил случай вовремя догадаться и сообщить больной, что ее гомо-

сексуальная любовь (гинекофилия) к г-же К... <...> была ее самой сильной бессознательной психической тенденцией». Фрейд так заканчивает свое примечание: «До того как я признал важность гомосексуальных тенденций у невротиков, я часто терпел поражение в лечении или впадал в полное замешательство» (р. 90, note 1, добавлено в 1923 г.).

В заключение интересно отметить, что в 1905 г. при лечении Доры Фрейд представлял себя только в роли мужчины, заместителя г-на К... и отца пациентки. Но и когда в 1923 г. он выявил привязанность Доры к г-же К..., то все-таки не смог представить себя как женскую фигуру переноса, заместителя мадам К... или матери Доры. Кажется, Фрейд еще не воспринял в полном объеме тот факт, что аналитик, каким бы ни был его пол, может в переносе представлять как мужской, так и женский персонаж. Например, аналитик-мужчина может играть в переносе роль и мужчины, и женщины, и, наоборот, аналитик-женщина может по очереди представлять и мужчину, и женщину в разные моменты переноса. Этот объем отношений переноса и контрпереноса по-прежнему трудно понять молодому психоаналитику.

Эволюция понятий

Перенос в последующих работах Фрейда

Так же как понятие эдипова комплекса, понятие переноса складывалось в творчестве Фрейда поэтапно в течение нескольких десятилетий. Так, оно уже было представлено в 1895 г. в Исследовании истерии, но только после наблюдений за Дорой в 1905 г. перенос обретает в представлениях Фрейда свое настоящее значение. Позднее он дополнит свою точку зрения в нескольких небольших статьях, посвященных различным аспектам переноса. Я предлагаю проследить главные этапы в хронологическом порядке.

Случай Анны О... и предполагаемое бегство Брейера

Миф о возникновении переноса, без сомнения, зародился, когда Фрейд рассказывал спустя годы об условиях, при которых Брейер положил конец лечению Анны О... в 1881 г. Действительно, именно опираясь на рассказы Фрейда, все долгое время считали, что Брейер внезапно отказался лечить эту пациентку, потому что она влюбилась в него. Брейер, согласно Фрейд, будто бы обратился в бегство, столкнувшись с сексуальным характером переноса Анны О...: «Придя в ужас, как и любой врач на его месте, если он не психоаналитик, Брейер передал свою пациентку коллеге» (письмо Стефану Цвейгу от 2 июня 1932, 1987с [1908–1938]). Согласно последним историческим исследованиям, предполагаемое бегство Брейера, как о нем рассказывал Фрейд, соответствовало не столько реальным фактам, сколько воспоминаниям Фрейда, на которые повлияли конфликтные отношения, сложившиеся у него с бывшим коллегой из-за разницы во взглядах на роль сексуальности в этиологии истерии.

Когда в 1895 г. Фрейд впервые использовал в Исследовании истерии термин «перенос», он рассматривал его как одну из форм сопротивления среди прочих, не придавая ему того большого значения, которое он получит в дальнейшем. В то время для Фрейда речь шла о незначительном феномене, который затрудняет установление доверительных отношений, необходимых для успешного хода лечения. Например, он упоминает о недовольстве или чрезмерной привязанности, которые пациент может испытывать, сам того не ведая, по отношению к своему врачу. Он советует вытащить на белый свет бессознательные мотивы этих сопротивлений, чтобы пациент смог их преодолеть, так же, как он поступал с любым симптомом.

Перенос, открытый после бегства Доры

Понятие переноса появляется в полном смысле этого слова в описании случая Доры в 1905 г., когда Фрейд понимает, что пациентка прервала лечения из-за любовных и эротических чувств, которые бессознательно переносила на него. Именно тогда Фрейд определяет перенос как смещение на личность аналитика чувств, желаний, фантазий и даже целых сценариев, которые воспроизводят опыты, уже пережитые ранее, главным образом в детстве, со значимыми тогда лицами. В то же время, хотя Фрейд заметил *a posteriori*, что перенос сыграл решающую роль в разрыве с Дорой, он тогда еще не рассматривал его как настоящую движущую силу в динамике психоаналитического процесса. Вот какое определение он дает переносу в тот момент: «*Что такое эти переносы? Это новые отпечатки или копии тех импульсов, влечений и фантазий, которые пробуждаются и осознаются при развертывании психоанализа, для них характерна замена ранее знакомой личности на личность врача. Иначе говоря, определенное количество предшествующих психических состояний возрождается, но не в качестве уже пережитого, а как относящееся к актуальным личным отношениям с психоаналитиком*» (р. 87). Фрейд добавляет некоторые уточнения, касающиеся природы переноса, объявляя, что «*невозможно избежать переноса*» и что он «*должен быть обнаружен без содействия пациента*» (р. 87).

Обращаясь к Фрейду, он сказал: «Мой капитан!»

В «Заметках об случае обсессивного невроза (случай Человека с крысами)» Фрейд дает прекрасный пример трансферентного смещения и переноса стереотипического характера: обсессии его пациента, известного под именем *Человек с крысами*, начались в армии в тот день, когда он услышал, как один капитан со смаком рассказывает о китайской пытке, при которой крысы вгрызаются в задний проход жертвы. Выслушав рассказ своего пациента, Фрейд, начиная уже со второго сеанса, принялся подробно объяснять ему, что эти симптомы имеют сексуальное происхождение, и тогда он услышал, как *Человек с крысами* несколько раз обратился к нему: «*Мой капитан!*»

Проекция на психоаналитика образов из детства

В «Динамике переноса» (1912b), в первой статье, полностью посвященной переносу, Фрейд употребляет термин *имаго* – понятие, предложенное Юнгом для обозначения внутренних образов из прошлого, которые представляют собой объект смещения на личность аналитика. Фрейд также принимает во внимание роль трансферентных аффектов любви и ненависти. (Их описал Ференци в 1909 г., после того как заметил, что пациенты склонны бессознательно заставлять врача играть роль родителя, внушающего одновременно любовь и страх.) Следовательно, недостаточно говорить просто о *переносе*, уточняет Фрейд, психоаналитик должен также отдавать себе отчет в аффективных качествах, которыми неизбежно обладает перенос: поэтому начиная с этого момента, он выделяет *позитивный* перенос, в котором преобладают нежные чувства, и *негативный* перенос с преобладанием враждебных чувств. По мнению Фрейда, нежные чувства, связанные с положительным переносом, всегда имеют эротическую основу, отчасти

осознанную, отчасти и бессознательную, так как в детстве первые отношения всегда устанавливаются с сексуальными объектами. Следовательно, перенос на аналитика всегда имеет две составляющие, позитивную и негативную, и, когда он сопровождается вытесненными враждебными или эротическими чувствами, перенос превращается в сопротивление. Этот двойственный характер аффектов побудил Фрейда к принятию понятия *амбивалентности*, введенного Брейером в 1911 г. Конечно, уточняет он, амбивалентность может носить нормальный характер, но, если она чрезмерна, особенно при психозе, она может привести к негативному переносу на аналитика, который может помешать успеху лечения.

Перенос и повторение

В статье «Воспоминание, повторение и проработка» (1914g) Фрейд идет еще дальше. Он подчеркивает важность повторения переноса и констатирует, что чем сильнее сопротивление, тем более пациент стремится повторить свою проблематику действием вместо того, чтобы вспоминать: *«Например, пациент не говорит о том, что он проявлял дерзость и непокорство со своими родителями, но он так же ведет себя по отношению к своему аналитику. <...> Он больше не вспоминает о том, какой нестерпимый стыд охватывал его при некоторых сексуальных действиях, и не признается в том, как он боится этих воспоминаний, но он показывает, что стыдится того, что ему необходимо лечение, и требует держать его в тайне и т. д.»* (р. 109). В этой статье Фрейду лучше, чем прежде, удалось показать разницу между *переносами*, с которыми мы встречаемся в повседневной жизни, особенно в любовных отношениях, и собственно *переносом*, который возникает при психоаналитическом лечении по отношению к личности аналитика: он называет этот последний тип переноса *неврозом переноса* и описывает его как *искусственную болезнь*, которая развивается в аналитической ситуации. Рамки психоанализа в том виде, который он рекомендовал, создают, по мнению Фрейда, условия безопасности, которые дают пациенту возможность отдаться свободному течению своих трансферентных фантазий; терапевтическая работа с ними дает возможность исцеления: *«Именно использование переноса дает возможность избавиться от автоматического повторения и превратить его в воспоминание»* (р. 113).

Любовь в переносе: форма упорного сопротивления

В другой статье о технике аналитической работы, «Заметки о любви в переносе» (1915a [1914]), Фрейд ставит вопрос о том, какого образа действий следует придерживаться, если пациентка влюбляется в аналитика. Прекращение лечения не может быть выходом из положения, поскольку, по его мнению, в данном случае речь идет о феномене переноса, а значит, подобная ситуация неизбежно повторится и со следующим терапевтом и т. д. по причине феномена повторения. Врач не может также принимать эту любовь за настоящую, потому что *«в том, что касается анализа, удовлетворить потребность больной в любви было бы так же разрушительно и рискованно, как задушить ее»* (1915a, р. 124). Когда подобная ситуация возникает, Фрейд предостерегает терапевта и побуждает его опасаться возможного *«контрпереноса»* (р. 118). Другими словами, любовь, которую пациентка испытывает к терапевту, – это выражение

сопротивления, которое противостоит развитию переноса, поэтому важно выявить ее бессознательные источники. По мнению Фрейда, состояние влюбленности – это не что иное, как повторение некоторых прошлых ситуаций и детских реакций, которые определяют его компульсивный патологический характер и делают его источником сопротивления, которое необходимо проанализировать. Аналитика, столкнувшись с любовью в переносе, важно занять сдержанную и отстраненную позицию: *«Аналитик ни в коем случае не может себе позволить уступить. Какое бы значение он ни придавал этой любви, он должен еще больше ценить возможность оказать помощь своей пациентке в один из самых решающих моментов ее жизни»* (р. 129). Только при этом условии, заключает Фрейд, аналитик позволяет пациентке *«добиться той внутренней свободы, которая отличает сознательную психическую деятельность <...> от бессознательной»* (р. 129).

Перенос, компульсивное повторение и влечение к смерти

В 1920 г., в работе *По ту сторону принципа удовольствия*, Фрейд констатирует, что у некоторых его пациентов перенос принимает непреодолимый характер повторений и вместо того, чтобы продвигаться вперед, они продолжают повторять свои неудачи или симптомы, неспособные к воспоминанию и проработке. Заметив, что поведение этих пациентов противоречит его первой теории влечений, согласно которой человеческая психика, прежде всего, стремится найти удовольствие и избежать неудовольствия, Фрейд пересматривает свою теорию. Он выдвигает гипотезу, согласно которой непреодолимая психическая сила постоянно толкает некоторых пациентов в повторяющиеся ситуации страданий и поражения, которые они не могут преодолеть. Чтобы отличать этот клинический феномен от простого повторения, он называет его *компульсивным повторением*, так как пациент оказывается не способен избежать силы компульсивного влечения, которое Фрейд называет *дьявольским*. Таким образом, Фрейд смело постулирует, что по ту сторону принципа удовольствия существует более глубокий конфликт – это конфликт между двумя группами влечений: влечением к жизни и влечением к смерти. Этот новый взгляд позволил ему установить различие между невротическими пациентами, демонстрирующими *невроз переноса* и подчиняющимися принципу удовольствия/неудовольствия, с одной стороны, и пациентами, страдающими от депрессии, от *нарциссического невроза*, перверсии или психоза, которые демонстрируют враждебный перенос, основанный на фундаментальном конфликте влечения к жизни и влечения к смерти, с другой стороны.

Контрперенос у Фрейда

Понятие контрпереноса очень редко появляется в работах Фрейда. В 1910 г. в работе *«Что ждет в будущем психоаналитическую терапию?»* он определяет его как *«влияние, которое пациент оказывает на бессознательные чувства своего аналитика»*, и для того, чтобы терапевт мог *«распознать своей контрперенос и овладеть им»*, он советует не только пройти предварительный анализ, но и продолжать самоанализ (1910d, р. 27). В письме к Л. Бисвангеру от 20 февраля 1913 г. Фрейд признает, что контрперенос можно считать *«одной из самых сложных технических проблем психоанализа»*. Он предостерегает аналитика от попытки немедленно сообщить пациенту о своих чувствах и

советует прислушаться к своему контрпереносу, чтобы проработать его: *«То, что мы даем пациенту, ни в коем случае не должно быть непосредственным аффектом, но осознанным и проявляющимся по мере необходимости. В некоторые моменты можно дать пациенту очень много, но никогда не надо черпать это из собственного бессознательного. Для меня это закон. Таким образом, необходимо каждый раз распознавать свой контрперенос и преодолеть его»*. Наконец, в своей статье о любви в переносе, как мы видели, Фрейд также советует терапевту *«опасаться возможного появления контрпереноса»* (1915a [1914]).

С этих пор Фрейд больше ничего не говорил о контрпереносе, для него это явление останется в основном бессознательной реакцией психоаналитика на перенос пациента, т. е. реакцией, которая появляется в ответ на развертывание переноса, если она недостаточно проработана аналитиком. Более широкое развитие понятия контрпереноса, которое позднее станет главным инструментом проработки переноса в аналитических отношениях, принадлежит последователям Фрейда.

Постфрейдисты

Развитие понятия контрпереноса последователями Фрейда

Паула Хейманн и Генрих Ракер: новые перспективы

Начиная с 1950-х годов понятие контрпереноса активно разрабатывалось и в настоящий момент считается основным инструментом понимания при общении аналитика с пациентом. В первую очередь осознанием того, что реакции контрпереноса аналитика дают драгоценные сведения о переживаниях пациента, мы обязаны Пауле Хейманн из Лондона и Генриху Ракеру из Буэнос-Айреса. Заметим, что отправной точкой этого новаторского подхода стало, без сомнения, описание проективной идентификации, сделанное Мелани Кляйн в 1946 г., хотя сама она не использовала свое открытие так, как это стали делать впоследствии при анализе контрпереноса в ходе сессии.

В 1950 г. в статье «О контрпереносе» Паула Хейманн привлекла внимание к значимости эмоционального отклика аналитика на пациента, показав, что такой отклик может стать настоящим инструментом исследования

бессознательного пациента. Она провела различие между использованием контрпереноса в аналитической ситуации и бессознательной реакцией аналитика, связанной с его собственным неврозом. В то же время Ракер показал, что контрпереносные чувства, которые испытывает аналитик, могут стать точным показателем того, что происходит с пациентом. Ракер выделял два типа контрпереноса. Это «конкордантный, или согласующийся, контрперенос», который лежит в основе эмпатии, когда аналитик сознательно идентифицируется с некоторыми аспектами личности своего пациента, и «комплементарный, или дополняющий, контрперенос», представляющий собой реакцию, в момент которой аналитик бессознательно проецирует свои внутренние объекты на пациента, устанавливая, таким образом, перенос, направленный на пациента (1953). Отметим, что в указанное время важность контрпереноса отмечали многие психоаналитики, более или менее близкие к кляйнианскому направлению, среди которых Д. Винникотт (1947) и М. Литтл

(1951). Стоит также упомянуть, что Мишель Нейро (1947) расширил понятие контрпереноса за пределы чувств психоаналитика, включив в это понятие всю совокупность его личных психоаналитических ориентиров и его личную метапсихологию.

«Нормальный» контрперенос и проективная идентификация: Уилфред Р. Бион

В конце 1950-х годов У. Бион внес вклад в расширение понятия контрпереноса: отталкиваясь от введенного им различия между патологической и нормальной формами проективной идентификации, он постулировал нормальную форму контрпереноса (1957). Его вклад позволил взглянуть на взаимодействие между пациентом и аналитиком в свете новых понятий, в частности в терминах «отношений содержащее – содержимое», в свете большей или меньшей способности выносить и перерабатывать тревогу. Отныне перенос и контрперенос будут рассматривать как нераздельное целое, которое можно воспринимать как «тотальную ситуацию» (Joseph, 1985).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.